

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

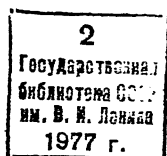
М. С. ТУРСУНОВА

КАЗАХИ
МАНГЫШЛАКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX века

(ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА. 1977

Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. (Вопросы социально-экономической и политической истории). Турсунова М. С. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1977. 184 с.

В монографии рассмотрена социально-экономическая и политическая история казахов Мангышлака во второй половине XIX в. На основе архивных источников освещены особенности хозяйства и социальных отношений, военно-политическая экспансия царизма на Мангышлаке, причины, движущие силы и ход восстания 1870 г., положительные изменения в хозяйственной, социально-политической и культурной жизни края. Большое внимание уделено первым шагам совместной борьбы русских и казахских рабочих против эксплуататоров.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

Ответственный редактор
академик АН КазССР
С. ЗИМАНОВ

Т $\frac{10803-061}{404(07)-77}$ 81-73

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

История полуострова Мангышлак, на котором издавна жили казахи многочисленного рода Младшего жуза — *адай*¹, является одним из слабоизученных и вместе с тем весьма интересных разделов истории казахского народа. В силу ряда обстоятельств, среди которых важное значение имели территориальная обособленность, суровые природные и климатические условия, непосредственное соседство с туркменами и Хивинским ханством, социально-экономическое и политическое развитие региона содержало немало особенностей по сравнению с другими частями Казахстана.

Географическое положение Мангышлака определило его роль как своеобразного моста, соединявшего Россию со Средней Азией и другими восточными странами. Здесь проходили кратчайшие древние сухопутные и морские торговые пути из стран Востока в Европу; полуостровом Мангышлак завершался водный торговый путь из центра России в глубь Средней Азии и Ирана. По свидетельству древних авторов, еще в X в. Мангышлак был широко известен на Востоке и в Европе как важнейший

¹ Многие исследователи считают, что племенные группы *даи* (*дахи*), обитавшие на берегах Каспийского моря во II в. н. э., являются отдаленными предками рода *адай*, который становится известным на Мангышлаке в IX—X вв. (*Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. (Конец XIX—начало XX в.).* Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1968, с. 84—87).

узел торговых путей. Пристани Кабаклы, Караган² и другие являлись перевалочными пунктами и местами совершения торговых операций купцов из стран Ближнего и Среднего Востока.

Мангышлак, окруженный с трех сторон морем, а с востока — обширной труднопроходимой пустыней, занимал выгодные стратегические позиции: на северо-западе через Каспийское море граничил с Россией, на юго-востоке — с Хивинским ханством, на юго-западе — с Туркменией, через Каспийское море на юге — с Ираном, на западе — с Кавказом. Это и привлекало к нему взоры правителей Хивы и России. Мангышлак нередко являлся причиной серьезных раздоров между ними. Ханы старались использовать территорию полуострова в качестве своей опорной базы и буферной зоны в защите основных своих владений от внешних врагов.

Россию Мангышлак интересовал вначале как выгодный торговый путь, а впоследствии, в XIX в., как важный плацдарм для продвижения в глубь Средней Азии и осуществления экспансионистских планов. Кроме того, Мангышлак являлся необходимой материальной базой, откуда добывались снаряжение, продовольствие, транспортные средства для выступающих в Среднюю Азию царских войск. Особые породы верблюдов и лошадей у казахов-адаевцев, отличавшиеся большой выносливостью, не имели конкурентов как транспортные средства в пустынной зоне.

Овладение Мангышлаком способствовало бы также укреплению позиций России на Кавказе, на восточном и юго-восточном берегах Каспийского моря. Последнее обстоятельство имело для России важное политическое значение в ее соперничестве в Средней Азии с Англией и Персией.

Мангышлак как один из богатых животноводческих районов Казахстана мог служить значительной сырьевой базой для развивающейся капиталистической промыш-

² О местонахождении этих пристаней см.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР, ч. 1, вып. 3. Л., 1932, с. 73; Юлдашев М. Ю. К истории торговых и политических связей Средней Азии с Россией в XIV—XVII вв. Ташкент, 1964, с. 60; «Записки ИРГО», 1849, кн. I, с. 332—334; Федоров К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901, с. 6.

ленности России. Сказочные богатства восточной части Каспийского моря красной рыбой, тюленями хорошо были известны тогда промышленникам России. Мангышлак был связан дешевым морским путем с крупным центром торговли на юге России — Астраханью.

Вот почему царское правительство пыталось овладеть Мангышлаком еще в начале XVIII в. (экспедиция Бековича-Черкасского в 1716 г., основание военных укреплений на Мангышлаке и южнее его). С 30-х гг. XIX в. оно начинает вести планомерное присоединение территории Мангышлака к России.

В трудах ученых республики по дореволюционной истории казахского народа нашли незначительное отражение особенности социально-экономического и политического развития казахов Мангышлака второй половины XIX в. Отдельные упоминания по истории Мангышлака имеются в работе крупного советского историка М. П. Вяткина. «В начале 30-х гг., — писал он, — аулы рода адай, кочевавшие за Эмбой, вблизи Туркмении, должны были признать подданство Хиве»³. Восстание казахов 1869 г., происшедшее при введении царским правительством новой формы правления в степи, он считает «важным крупным эпизодом борьбы казахского народа за свою независимость», а восстание 70-х гг. на Мангышлаке «небывалым по силе массовым народным движением»⁴.

П. Г. Галузо первым в своей статье «Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими» поставил вопрос о восстании населения Мангышлака в 1870 г. и осветил некоторые его аспекты. Он называет его «подлинной народной освободительной борьбой»⁵, а восстание 1869 г. в Младшем жузе — лишь волнением. Указания на народные восстания 1869 и 1870 гг. имеются в работах А. Ф. Якунина⁶ и В. Ф. Шах-

³ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. М., Госполитиздат, 1941, с. 264, 318—319.

⁴ Там же.

⁵ Галузо П. Г. Революция в Средней Азии. Сб. 2. Ташкент, 1929, с. 94—97.

⁶ Якунин А. Ф. Восстание казахов на Мангышлаке в 1870 г. — «Большевик Казахстана», 1941, № 5; его же. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1954, с. 19—21.

матова⁷. Недовольство и выступления народных масс ученые объясняют по-разному: М. П. Вяткин — «потерей последних остатков своей независимости»⁸; А. Ф. Якунин тем, что «реформа лишала казахов земли, пастбищ», и «усилением колониального и национального гнета»⁹; П. Г. Галузо — заменой власти местной аристократии русскими уездными начальниками, увеличением кибиточного сбора; В. Ф. Шахматов — ломкой родовых институтов, усилением колониального гнета, увеличением налогов¹⁰, т. е. восстания 1869 и 1870 гг. они связывают только с введением Временного положения 1868 г.

Наряду с ценными мыслями относительно положения и социально-экономического строя казахов Мангышлака в пореформенный период в работах указанных авторов немало фактических неточностей, интуитивных суждений, не подкрепленных доказательственным материалом. Ни один из этих авторов не ставил перед собой задачу специального рассмотрения социально-политической структуры казахского общества Мангышлака и выступления масс против колониальной политики царизма и гнета местных феодалов.

Для того чтобы разобраться в истинном положении казахов Мангышлака во второй половине XIX в. и в истории восстания народных масс в этом регионе, необходимо привлечь огромное количество документальных материалов, накопленных в архивах, а также многочисленные газетные, журнальные статьи того периода. Только используя их, можно воссоздать объективную и полную картину хода социально-политических событий, имевших место на Мангышлаке.

Вторая половина XIX в. в судьбах казахов Мангышлака является важным переломным периодом, когда в результате вхождения в состав России и развития российского капитала вширь во всех сферах их жизни происходили значительные положительные сдвиги.

Географические рамки исследования — восточное побережье Каспийского моря (полуострова Мангышлак

⁷ Шахматов В. Ф. История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 394—398; см. также: «Вестник АН КазССР», 1953, № 1.

⁸ Вяткин М. П. Очерки... с. 319.

⁹ Якунин А. Ф. Лекция... с. 19.

¹⁰ Шахматов В. Ф. История Казахской ССР, т. 1, с. 395.

и Бузачи), плато Устюрт (ныне Мангистауский район) и современные южные пределы Актюбинской и Гурьевской областей. Это основные районы кочевьев казахов-адаевцев в дореволюционное время.

Главными источниками для написания данной работы послужили документальные материалы центральных архивов Казахской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР, Оренбургского облгосархива, Центрального государственного военно-исторического архива СССР и его филиала в Ленинграде, Центрального государственного исторического архива СССР.

Существует довольно обширная литература дореволюционных авторов о Мангышлаке. В ней значительный удельный вес занимают материалы и записи военных и научных экспедиций, посланных сюда в разное время, путешественников и коммерсантов, интересовавшихся регионом, а также обзоры и официальные отчеты, составленные царскими чиновниками. В них содержится немало полезных и интересных сведений о географии, богатстве, хозяйстве края, о быте местного населения. Важным источником по истории рыбных промыслов восточного побережья Каспийского моря являются годовые отчеты и краткие обзоры Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами, а также приложенные к ним отчеты санитарной комиссии, где имеются данные о санитарно-производственных условиях рабочих рыбных промыслов. Нами изучены все отчеты, обзоры, вышедшие с 1897 по 1915 г.

В исследовании использованы обширные материалы периодических изданий Императорского русского географического общества (ИРГО): «Записки», «Вестник» и «Известия» и «Записки» его Оренбургского, Кавказского отделов, а также материалы «Сборников географических, топографических, статистических сведений по Азии», «Обзоров Закаспийской области» и др. Ценные сведения извлечены нами также из местных и центральных газет: «Закаспийское обозрение», «Астраханский справочный листок», «Астраханский вестник», «Асхабад», «Голос», «Торгово-промышленная газета», «Уральские войсковые ведомости», «Биржевые ведомости» и т. д.

Несмотря на обилие источников, материалов, отражающих внутренние социально-экономические отноше-

ния, формы и содержание феодальной эксплуатации, численность рабочих рыбных промыслов, сведений о народных волнениях, в них оказалось не так много. Используя вкрапленные в разных источниках сведения, автор книги попытался воссоздать более и менее достоверную и полную картину социально-политического и экономического развития казахов Мангышлака второй половины XIX в. Насколько это удалось, судить теперь читателям.

Глава I

КАЗАХИ МАНГЫШЛАКА В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Социально-экономическое положение казахов Мангышлака

В середине XIX в. на территории, охватывающей полуострова Мангышлак¹ и Бузачи, западную часть плато Устюрт, бассейны рек Эмбы, Сагиза и Уила, на северо-востоке — территорию до Мугоджарских гор и реки Орь, кочевал один из древнейших в племени байулы Младшего жуза род адай. Почти вся эта территория (за исключением северных и северо-восточных районов) находится в пустынной зоне (в подзоне холодных пустынь). Климат ее резко континентальный. Лето продолжительное — от мая до октября, температура воздуха доходит до +40°; осень и весна короткие, теплые (основное количество осадков приходится на эти сезоны). Зима здесь почти бесснежная, что позволяет выпасать скот зимой, но с сильными морозами, более ощутимыми в прибрежной полосе, где постоянно дуют ветры. На этой территории, кроме самой северной ее части, нет ни одной реки. Значительную площадь занимают такыры и соры (солончаки), много соляных озер. На сероземной, солончаковой почве произрастают полынь и разные солянки, зеленеющие весной и осенью и выгорающие летом, что делает невозможным содержание скота в этот период. Скудная

¹ Манкыстау (каз.). Этимологическое значение слова *маң* до сих пор не выяснено. Наибольшего внимания заслуживает, на наш взгляд, мнение Г. Аманниязова, который считает, что слово *маң* в топонимике туркмен обозначает *ұлы* «большой». *Қышлақ* = *оба* = *ауыл* «аул». Отсюда *Манқышлақ* = *ұлы оба* = *ұлы ауыл*, т. е. «большое селение». (Аманниязов Г. Т. Г. Шевченко туркменлерин арасында. — «Совет әдебияты», 1961, № 7, с. 89—95).

растительность покрывает примерно 9/10 площади указанной территории и является основным кормом для скота; 1/10 территории занята сыпучими бесплодными песками.

Природные условия региона, таким образом, благоприятствовали ведению только кочевого скотоводческого хозяйства с чередованием пастбищ по временам года.

Лучшими считаются пастбища, расположенные на полуостровах Мангышлак и Бузачи, на северо-восточной окраине Устюрта, на восточной окраине песков Карынжарык, на участках в степи Актюбе-Саускан, Туесу, в урочище Сам. Пастбищные участки имеются на склонах, в долинах гор Каратау, изобилующих родниками. На восток от залива Мертвый Култук (ныне Комсомолец) раскинулись пески Каракум, Асмантай, Матай и другие, обеспеченные пресной водой и достаточным количеством кормовых растений. На этих песках казахи-адаевцы после трудных зимовок пасли скот весной, а по возвращении с летовок — осенью.

Однако успех годичного выпасного цикла определялся нагулом скота на богатых травами летовках в долинах рек Эмбы, Сагиза, Уила. Хороший нагул скота на летовках в какой-то мере обеспечивал сохранность скота в период частых и опустошительных зимних джутов. С наступлением марта кочевники покидали зимовки на Мангышлаке и перегоняли скот на пастбища Устюрта, где к тому времени начиналось снеготаяние и появлялся корм. В начале апреля они кочевали на север.

На Мангышлаке и Устюрте недостает главным образом проточной воды. Реки Эмба, Сагиз, Уил, в бассейнах которых проводили лето со своим скотом адаевцы, имеют постоянный сток только до наступления летней жары, причем в реке Сагиз вода горько-соленая, не годная к употреблению. Один из образованных чиновников, живший здесь и хорошо знавший хозяйственную жизнь казахов Мангышлака, Ф. А. Михайлов писал, что «здесь лишний колодец в песках или лишний литр в секунду текущей воды в ручье обуславливают существование лишней семьи или группы семей»². С наступлением

² Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, с. 15.

летней жары вода остается только в глубоких колодцах и в немногочисленных родниках. С конца весны до ранней осени адаевцы вынуждены были поить скот из колодцев. Колодцы рылись двух типов: глубокие (более 10 метров) — шинграу и мелкие, имевшие в зависимости от величины разные названия.

Пытаясь запасти воду на лето, адаевцы строили водохранилища для задержания талых вод. Например, в горах Каратау было построено водохранилище Сулаукапы. От него в долину Жарыптускен был пробит канал. Вода из этого хранилища использовалась не только для поения скота, но и для орошения небольших посевов проса.

Из-за отсутствия открытых водных источников адаевцы издавна прокладывали свои кочевые пути от колодца к колодцу. На этих путях встречались и безводные участки. Готовясь к их преодолению, кочевники у последнего колодца усиленно поили скот, а также набирали воду про запас³. К началу июня кочевники распространялись со своими стадами по рекам Эмбе, Уилу, Сагизу, до верховьев рек Кара Хобды, Сары Хобды, Орь.

Если взять крайние пункты кочевок адаевцев, то длина их с юга на север равнялась более чем 1000 км. Это был самый длинный и трудный в Казахстане и Киргизии путь кочевков, пролегающий по сухим степям и пустыням. Но и на севере содержание скота было делом нелегким. Здесь у адаевцев не было собственных с установившейся границей только им принадлежавших летовочных мест. И как бы они ни спешили сюда весной, все равно не могли появиться со своим скотом на летовках раньше других родов Младшего жуза. Поэтому летовки адаевцев зачастую оказывались вкрапленными в кочевья других родов Младшего жуза. Это вызывало

³ Подробнее о перекочевках см.: Обзор Закаспийской области за 1893 г. Асхабад, 1895, с. 34—35; *Ломакин Н. П.* О полуострове Мангышлаке и путях оттуда в разные концы Закаспийского края.— «Записки Кавказского отдела ИРГО», 1873, кн. 8, с. 19; *Белявский*. Исследование пути от залива Цесаревича через Устюрт до Кунграда, произведенное в 1884.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 15. Спб., 1885, с. 20—21.

распри, столкновения адаевцев с кочевниками других родов.

Однако летние пастбища в указанных районах были для адаевцев настолько важны, что ни ожесточенная межродовая борьба, которую разжигала знать, ни отдаленность районов зимовок и летовок, ни трудности организации пастьбы скота одновременно на Устюрте и северных летовках и даже ни столкновения с другими родами не заставили казахов-адаевцев отказаться от них.

Основными видами скота у адаевцев были верблюды (одногоорбые) и овцы как наиболее приспособленные к местным суровым природным условиям. Верблюд на Мангышлаке являлся незаменимым транспортным средством. Он играл большую роль и как молочное животное. В отличие от других казахов, у адаевцев отсутствовал крупный рогатый скот, немного было и лошадей. Из последних кроме казахской породы разводили особую, так называемую адаевскую, породу, которая отличалась большой выносливостью. Хозяйство казахов-адаевцев во многом сохранило натуральные формы: жилище, одежду, предметы домашнего обихода каждая семья изготовляла из продуктов скотоводческого хозяйства.

Бедняцкие аулы, жившие на побережье Каспия, в устье р. Эмбы, занимались почти всецело рыболовством. В 1851 г. таких хозяйств в устье р. Эмбы было около 1000. Основными орудиями лова у них были костяные крючки, снасти из верблюжьей шерсти и маленькие самодельные лодки, причем последние были не у всех. Поэтому большинство рыбаков, как отмечают источники, ловили рыбу руками, стоя по колено в воде.

Казахи-адаевцы знали земледелие. Однако в силу неблагоприятных природных условий, главным образом из-за недостатка воды, земледелие на Мангышлаке было развито слабо. По свидетельству П. Рычкова⁴, М. И. Иванина⁵ (один из первых комендантов Ново-Петровского укрепления, ныне форт Шевченко), отдельные очаги

⁴ Рычков П. Топография Оренбургская, т. 1, ч. 1. Спб., 1762, с. 16.

⁵ Иванов М. И. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г.— «Записки ИРГО», 1849, кн. 1, с. 338, 349.

поливного земледелия издавна имели место у туркмен и казахов в горах Каратау, в песках, расположенных на северо-западе залива Александр-бай (ныне залив Александра Бековича-Черкасского), в окрестностях Ново-Петровского укрепления и в других местах. Размеры засеваемой площади зависели целиком и полностью от наличия атмосферных осадков и имевшихся здесь родников. Поэтому они не были постоянными. Труд обрабатывавших землю бедняков был исключительно тяжелым, так как обработка велась примитивным способом. В 70-х гг. XIX в. на Мангышлаке не было даже сохи и землю обрабатывали лопатой, формировали ее, как на огородах, грядками, с углублением каждой грядки почти на пол-аршина, чтобы в них дольше удерживалась вода⁶. Полив посевов осуществлялся двумя способами. Вытекавшую из родников или снеговую воду собирали в специальных водоемах — ауданах, из которых вода по небольшим арыкам подавалась на посевы. «Киргизы умеют вести воду на расстоянии 6—8 км,— писал польский революционер Б. Залесский,— и поливают таким образом целые долины»⁷. По другому способу полив производили из колодцев и копаней при помощи чигирей. Чигирь — специальное сооружение для подъема воды из колодца или водоема силой рабочего скота, использовавшееся во многих странах Востока и в Центральном Казахстане с древнейших времен. Сооружение чигиря, а также ежегодный ремонт его требовали значительных затрат — не менее 100 руб.— поэтому мелкие хозяйства могли построить и эксплуатировать его только сообща. Нередко земледельцы (егинши) пользовались чигирем крупного скотовладельца-землевладельца, отдавая ему за это часть урожая. Из 116 десятин земли, засеянной на Мангышлаке в 1892 г., 53 десятины орошались посредством чигиря из колодцев и лишь 111 десятин — водой из разных водоемов⁸. Но все же основной, доминирующей отраслью хозяйства населения Мангышлака оставалось кочевое скотоводство. Земледелие было лишь в зачаточном состоянии.

⁶ Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлаке..., с. 4—7.

⁷ Залесский В. Жизнь киргизских степей. Париж, 1865, с. 93.

⁸ Обзор Закаспийской области за 1893 г., с. 154.

Суровые природные условия определили особенности социально-экономической жизни казахов Мангышлака. К ним прежде всего следует отнести существовавшее здесь ярко выраженное право собственности на колодцы. Поскольку колодцы являлись важнейшим условием жизни, на их сооружение требовалась затрата больших сил, средств и времени. Вполне естественно, что к ним не могло быть одинакового отношения со стороны различных социальных групп. Первые сведения о родниках и колодцах Мангышлака, их принадлежности были собраны в 1870 г. полковником Н. П. Ломакиным, военачальником и приставом Мангышлака. Затем в целях освоения богатств Мангышлака в 1892 г. работала специальная комиссия. Одним из главных объектов ее работы было выяснение источников водоснабжения Мангышлака и Устюрта. Комиссия описала 363 группы колодцев и родников. Материалы, собранные Н. П. Ломакиным⁹, комиссией¹⁰, а также материалы помощника уездного начальника Говорова о порядке использования поливной воды¹¹ свидетельствуют о существовании на Мангышлаке трех видов пользования колодцами и родниками: бийский, общинный и общий для казахов и туркмен. На Мангышлаке, без Устюрта, в 70-х гг. насчитывалось 817 колодцев с пресной, 322 с солоноватой водой, всего 1139 колодцев¹², а в 1899 г.—1211 с пресной, 2957 с соленой водой, всего 4168¹³. Из 1139 колодцев 794 принадлежали 77 биям шести родовых отделений, 291—девяти подотделениям этих же отделений и лишь 54 колодца, расположенные на главных путях, считались общими для всех адаевцев и туркмен¹⁴. Колодцы Устюрта, колодцы урочищ Бешакты, Сынык, Сумса (северовосток залива Кендерли) принадлежали остальным трем отделениям Верхних адаевцев. За преобладание в районе водных источников шла постоянная, временами оже-

⁹ Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлаке... с. 8, 34—42.

¹⁰ Обзор Закаспийской области за 1893 г.

¹¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 2 доп., д. 13, л. 100—101; Субботич Д. И. Материалы по землепользованию в Закаспийской области. Ашхабад, 1903, с. 1—6.

¹² Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлаке... с. 32—44.

¹³ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 1, д. 7806, т. 3, л. 703.

¹⁴ Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлаке... с. 34—42.

сточенная борьба и между родовыми коллективами других родов, между адаевскими и туркменскими феодалами. Захват большинства колодцев феодалами явился основой для усиления эксплуатации рядовых скотоводов, скородичей.

По собранным в эти годы сведениям, казахи рода адай разделялись на 27 подотделений. Из них только 9 имели свои колодцы, а остальные 18 кочевали совместно с биями, собственниками колодцев, родников, находясь в зависимости от них. Рядовые кочевники внутри своего подотделения или аула выполняли основную работу, связанную с ведением хозяйства бия, т. е. отрабатывали ренту за то, что поили водой из колодцев бия свой скот. Ежегодно на Мангышлаке копалось от 200 до 600 новых колодцев и очищались старые.¹⁵ Трудоемким был сам процесс водопоя из колодцев. Воду из мелких колодцев, а также открытых естественных или искусственных, с небольшим запасом воды, водоемов адаевцы извлекали вручную, кожаным ведром — кауга¹⁶. Для того чтобы напоить скот, затрачивался в смену труд трех человек. Для подъема воды из глубоких колодцев — шинграу адаевцы употребляли мес — бурдюк, изготовленный из невыделанной конской кожи, вместимостью до 10 обыкновенных ведер. Поднимали бурдюк на веревке, продетой через укрепленное на перекладине колесико. Тянул веревку конь или верблюд. Зимой после снегопадов нужно было расчищать из-под снега большие участки травостоя для верблюдов, утеплять юрты земляными валами, строить загоны для скота и выполнять много других видов работ, связанных с содержанием скота. Обслуживанием феодалов в быту в основном занимались рабы-кулы (до ликвидации рабства) и пастухи. Все это прикрывалось «родственными» отношениями.

Так как колодцы устраивались на самых лучших урочищах, то, естественно, собственник колодца являлся и хозяином окрестных пастбищ. Право владельца

¹⁵ Каждый адаевец носил на поясе железную лопату для рытья и очистки колодцев; ее называли *бельдеме* — поясной, а не *курек* — обычная лопата.

¹⁶ *Кауга* — самодельное ведро, изготовленное из невыделанной козьей шкуры, вместимостью до двух обычных ведер.

колодца первым пользоваться¹⁷ водой автоматически распространялось на пользование пастбищами.

Небольшие площади пахотной земли, орошаемой родниками, тоже принадлежали феодалам. В 1870 г. у пресных родников на Мангышлаке, расположенных в 29 местах, было засеяно более 550 десятин¹⁸. Из них 116 десятин принадлежало отдельным крупным биям, 373 десятины — группе биев, только 13 десятин у колодцев принадлежало беднякам из разных отделений.

Таким образом, родники со средствами полива — чигирями¹⁹ и поливная земля находились в собственности феодалов. Землю биев обрабатывали их бедные сородичи. Говоров пишет, что «более или менее состоятельные собственники воды и земли передают таковую в пользование беднейшему родственнику»²⁰. Это было одной из форм эксплуатации, прикрытой родовыми отношениями.

Феодальную верхушку — баев, почетных аксакалов — у адаевцев называли биями, почетными биями, а старшин — сардарами. Биями на Мангышлаке называли не ту часть феодалов, которая занималась судебным разбирательством, как это имело место на остальной территории Казахстана, а всех родоправителей, занимавшихся вопросами экономической, политической, общественной жизни. В соответствии с размерами своего хозяйства и количеством подвластного населения бии делились на крупных и мелких. Власть некоторых крупных биев распространялась на несколько родовых отделений. За ними шли так называемые почетные бии, которые управляли отделением, подотделением, а мелкие бии управляли коленами и аулами. Наиболее крупные бии выступали от имени адаевских отделений в регулировании споров между адаевцами и казахами других родов Младшего жуза, туркменами, Хивинским ханством и пограничными властями России.

Масса трудового населения Мангышлака по своему имущественному положению была неоднородна. Раз-

¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 2, доп., д. 13, л. 99—101.

¹⁸ Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлаке... с. 32—34.

¹⁹ В 90-х гг. XIX в. в Мангышлакском уезде было 16 чигирей.

²⁰ См.: Субботич Д. И. Материалы по землепользованию в Закаспийской области, с. 6.

личие в имущественном положении определяло различную степень зависимости от феодалов: от сословной неполноправности до полного закабаления. Часть населения на основе сохранения общинной собственности на небольшое количество колодцев и пастбищ формально составляла отдельные кочевые общины, где все трудоемкие работы выполнялись сообща. Конечно, общинники не были свободны от феодальной эксплуатации, которая выражалась во всякого рода приношениях в пользу знати. Другая, большая часть кочевого крестьянства, имевшая скот, но лишенная воды, вынуждена была кочевать вместе с феодалом и выполнять основные, трудоемкие работы в его хозяйстве. Кроме того, подвластное бию население должно было выполнять все его поручения, переносить все тяготы межфеодальной борьбы, затеваемой им, участвовать в барымте, рискуя жизнью. Часть сородичей обслуживала самого бия, его семью и их гостей в повседневной жизни, а также во время их поездок по аулам близких.

Среди экономически слабых хозяйств особенно после джута выделялось определенное количество неимущих, полностью разоренных, лишившихся средств к существованию. Многие из них попадали в полную зависимость от феодалов.

Как уже говорилось, в хозяйстве адаевских феодалов применялся и труд рабов²¹. Рабство официально было ликвидировано в 70-х гг. XIX в. царской администрацией²², но остатки его просуществовали вплоть до начала XX в.

²¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6850, л. 201.

²² Бесспорно, освобождение рабов — явление положительное. Царизм еще задолго до ликвидации «рабства» в самой России в дипломатических сношениях с Хивинским ханством выступал в качестве противника рабства. Совершенно ясно, что этим преследовались и определенные политические цели, так как на Мангышлаке и в Хиве основной состав рабов был из персиян, а главное — желание расстроить экономику хивинских феодалов, основанную на рабском труде (Юр-ко. События в степи Уральской области в 1869 году. — «Уральские войсковые ведомости», 1870, № 9).

Казахи Мангышлака и Хивинское ханство

Скудность пастбищ Мангышлака, Устюрта, а впоследствии сокращение кочевий на севере вынуждала часть адаевцев пасти скот в пределах владений хивинских ханов, особенно в снежные суровые зимы. Кроме того, адаевцы вели с Хивой активную обменную торговлю. Они обменивали на базарах хивинских городов скот, сырье и продукты скотоводства главным образом на хлеб и изделия ремесленного производства. В свою очередь, в связях с адаевцами были заинтересованы и хивинские ханы и феодалы. Больше того, они продолжали претендовать на власть над Мангышлаком и Устюртом.

Начало распространения влияния Хивинского ханства на адаевских казахов относится к концу XVIII в.²³ Хивинские ханы никогда не владели землями Мангышлака. Если в районе Сырдарьи они имели свои опорные пункты и даже военные укрепления, то на Мангышлаке их не было. В документах указывается, что казахи рода шекты в 1822 г. приняли хивинское подданство²⁴, в отношении адаевцев в источниках ничего подобного не встречается. И, несмотря на это, хивинские ханы периодически облагали их налогом (зекетом), взимали повышенные пошлины, устанавливали разовые сборы в пользу ханства, назначали старшин. Осуществляли они это или через влиятельных адаевских биев, батыров, старшин или силой. Ханы подкупали местную знать подарками, почетными назначениями. Так, в течение 10 лет (1830—1840 гг.) Мая Анетов и мулла Қалбий Қарымкулов были старшинами, назначенными ханом, а шесть биев, управителей отделениями — их помощниками. После смерти Қалбия его преемником стал 19-летний сын Қафаур²⁵.

Каждую весну и осень адаевцы пригоняли в хивинские города большое количество скота и привозили продукты скотоводства. Адаевцы платили хану пошлину за

²³ *Алекторов А. Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, с. 34—35, 385.

²⁴ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Тверь, 1902, с. 265; *Алекторов А. Е.*, с. 25, 38.

²⁵ *Юр-ко.* Корреспонденция из Уральска. — «Голос», 1870, № 127.

пригнанный для продажи скот, за покупаемый хлеб и товары. Размер пошлины был высоким и непостоянным. Торговлю адаевцев в хивинских городах ханы пытались использовать для их же покорения. Когда же после занятия Мангышлака царскими войсками адаевцы перестали платить зекет и не последовали призывам хана выступить против них, то ханы повысили пошлину с продаваемого адаевцами скота, а также на покупаемые ими товары, хлеб²⁶. Спустя некоторое время ханы совсем прекратили торговлю с адаевцами, стали задерживать их караваны, а в 50-х гг. XIX в. установили караулы из 50 человек на путях перехода адаевцев в хивинские города: в деревне Кзылшакала (у г. Куняургенч), в урочищах Даукара, Тайла (около г. Кунграда), Караулбаш (южный склон Устюрта), Айбугир.

Зекет определялся ежегодно в размере 600 тиллей²⁷, или же 1000 голов баранов со всех казахов Мангышлака²⁸. Если, находясь на Мангышлаке и Устюрте, адаевцы в какой-то мере могли уклониться от уплаты зекета, то в пределах Хивы они вынуждены были выплачивать его сполна.

В 1851 г. на территории Хивинского ханства было около 1000 кибиток адаевцев²⁹. Они обычно располагались близ городов Кунграда, Куняургенча, Ходжейли, Кзылходжи, Гюрлен, в урочище Буздай. Все они платили хану зекет — 5 тиллей с каждых 40 голов верблюдов, лошадей и 100 аббасов³⁰ с 40 голов овец³¹. Кроме

²⁶ Если прежде с головы верблюда, а также лошади брали 40 коп., с барана 10 коп., то в 50-х гг. XIX в. с лошади брали 2 руб., с верблюда — 4 руб., с барана — 25 коп. серебром; за навьюченного верблюда — от 3 до 6 руб. серебром (*Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. — «Записки ИРГО», 1851, кн. 5, с. 135; «Военный сборник», 1863, № 2, с. 44).*

²⁷ Тилля — золотая монета в Хиве, равная четырем русским рублям.

²⁸ *Середа Н.* Из истории волнений в Оренбургском крае. — «Русская мысль», 1891, кн. X, с. 80; ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3380, л. 129—134.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3380, л. 151—160.

³⁰ Аббас — монета, равная 50 коп., содержала две тенги (*Муравьев Н.* Путешествие в Хиву и Туркмению в 1819 и 1820 гг. гвардейского генштаба капитана Николая Муравьева в сии страны для переговоров, ч. II. М., 1822, с. 75).

³¹ *Данилевский Г. И.* Описание Хивинского ханства. — «Записки ИРГО», 1851, кн. 5, с. 135.

того, за пользование пастбищами они должны были платить местному беку специальный сбор — *чун пули* (деньги за траву) по 20 коп. с верблюда и лошади, по 10 коп. с коровы и по 5 коп. с овцы³². Бедняки, не имевшие скота, за одно только пребывание в пределах Хивы платили 1—1,5 тилли³³. Некоторые адаевцы занимались на территории Хивы земледелием. Они арендовали землю у хивинских землевладельцев исполу, за половину урожая. Их называли ярымчами (половинники). С этих испошчиков, кроме того, взимался также в пользу хана *ушур* — налог с урожая в размере 1/10 части собранного урожая. Многие из адаевцев жили извозом — отдавали верблюдов в наем хивинским торговцам для караванов.

Сбор зекета превращался в подлинный грабеж. Адаевские старшины обязаны были собирать зекет к определенному сроку. Если сбор затягивался, хан посылал вооруженные отряды, которые грабили аулы, угоняли скот, убивали мирных людей. Особую жестокость ханы проявляли в отношении адаевцев, тяготевших к России. Именно за это в 1832 г. были разгромлены аулы известного адаевского батыра Суюнкары. Ханское войско в 3 тыс. человек на полуострове Бузачи разграбило до 100 аулов, пленило 30 женщин и девушек, семью Суюнкары (жену, дочь, двух сыновей), убило до 500 адаевцев³⁴.

Хивинские ханы особенно с начала продвижения России на восточное побережье Каспийского моря усилили экономическое, политическое притеснение адаевцев, стремясь силой подчинить их своей власти и использовать в борьбе против России. В 1846 г., когда на Мангышлаке было возведено новое военное укрепление России, Хива, занятая войной с Бухарой из-за Мерва, не могла противодействовать его постройке и оказалась перед совершившимся фактом. Однако хан Мухаммед-Амин, не смирившись с этим, официально обратился к царскому правительству с предложением убрать укрепление, но безуспешно. Тогда хан попытался организовать

³² Белявский. Исследование пути от залива Цесаревича через Устюрт до Кунграда, произведенное в 1884 г., с. 22.

³³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5369, л. 60—61.

³⁴ Там же, д. 1652, л. 13—15.

выступления казахов против царских войск. В декабре 1847 г. его эмиссары разъезжали по аулам адаевцев, требовали выделить с пяти кибиток по одному всаднику, откочевать от укрепления³⁵. Более нагло действовал ханский отряд на Мангышлаке: он задержал адаевские аулы около гор Каратау и Актау, запретил им кочевать вблизи укрепления и поддерживать какие-либо связи с ним³⁶. В счет зекета отрядами было собрано 2000 баранов, 20 лошадей, 300 кошм³⁷. Бесчинству хивинских войск был положен конец действиями гарнизона укрепления. В 1847 г. большой отряд хана, напавший на аулы бия Баимбета (Баймагамбет) Маяева, был рассеян отрядом, посланным из укрепления³⁸. Расправилась команда гарнизона и с другим отрядом хана, который напал на адаевские аулы у стен укрепления в 1848 г. Здесь захватчики потеряли 100 человек убитыми, 11 пленными, отобрано было 38 лошадей, 6 ружей и 20 сабель³⁹. В том же году был разбит командой укрепления еще один отряд в количестве 100 человек.

30—40-е гг. XIX в. явились началом перелома в жизни казахов Мангышлака. Восточные берега Каспийского моря, имевшие большое экономическое и стратегическое значение, давно привлекали внимание России. Царское правительство ревностно охраняло этот район от проникновения в него других государств, а с 30-х гг. XIX в. приступило к присоединению его к России. Это обстоятельство имело большое значение в политической и экономической жизни адаевцев.

Мангышлак в составе России

Россия издавна стремилась установить торговые связи со странами Востока. Еще Петр I хотел найти пути в Индию через Хиву, Бухару, Персию, соединить Амударью с Каспийским морем, охватить военными укреп-

³⁵ Рязанов А. Ф. Хивинские набеги в киргизскую степь в 1848 г.— «Труды общества изучения Киргизского края», т. 5, вып. 6, 1924, с. 11.

³⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 130, л. 178—179.

³⁷ Там же, л. 180—181.

³⁸ Там же, д. 180, л. 181.

³⁹ Там же, д. 3151, л. 217—228 с об.

лениями восточное побережье Каспийского моря, важного для торговли и распространения влияния России на Персию и Северный Кавказ. Он намеревался создать торговые компании в прикаспийских странах с центром в Астрахани⁴⁰.

В длительной конкурентной борьбе с европейским, главным образом английским, капиталом, в 20-х гг. XVIII в. захватившим важные позиции в Индии, в ближневосточных странах и закрепившим за собой господство в мировой торговле, Россия впоследствии начала терять свои торговые преимущества в странах внутренней Азии. Особенно ощущалась потеря главного иранского рынка, который в 20-х гг. XIX в. поглощал от 40 до 60% всего вывоза России в Азию⁴¹.

К. Маркс, отмечая англо-русское торговое соперничество на Востоке, писал: «До 1840 г. русские обладали в этом районе почти исключительной монополией на торговлю иностранными промышленными товарами. Русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими. Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость непрерывного расширения торговли... принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. ...Поле торговой битвы между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля... теперь оттеснена на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы»⁴². В 30-х гг. XIX в. усилилось влияние Англии на Герат, расположенный на перекрестке магистральных путей из Передней Азии и Западного Ирана, из Хивы и Бухары в Индию, игравший крупную роль как в торговле, так и в военных предприятиях. Он стал оплотом английского

⁴⁰ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1863, с. 19.

⁴¹ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949, с. 72.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 12—13.

влияния на Востоке. По определению Ф. Энгельса, обладание Гератом дало бы Британии большие преимущества для наступления из Индии на запад, к берегам Каспия⁴³.

Англичане стремились к всемерному расширению связей со Среднеазиатскими ханствами, вели поиски новых торговых путей в них. Наряду с состоявшимися одна за другой экспедициями в Бухару, к истокам Амударьи, организованными Ост-Индской компанией в 30-х гг. XIX в., начались поиски кавказского пути: Потти — Баку — Каспийское море — Астрабад — Мешхед — Бухара. Английские агенты в Герате были тесно связаны с гератским и хивинским ханами. Когда царское правительство перед походом Перовского в Хиву в 1839 г. в поисках предлога для этого похода потребовало от хивинского хана выдачи русских пленных и задержало хивинских купцов в Оренбурге, хан обратился к англичанам, и в ноябре 1839 г. в Хиву по его просьбе прибыл капитан бенгальской артиллерии Аббот с семьей афганцами. Весной 1840 г. этот Аббот уже оказался вместе с ханскими посланниками на Мангышлаке, куда в это время предполагалось перенесение из залива Карасу русского Ново-Александровского укрепления. Возможно, английский агент имел намерение разведать планы России и отношение к ней местного населения. Как свидетельствуют документы, в урочище Актау он собрал много адаевцев и туркмен, но с какой целью, неизвестно. Такой же сбор Аббот попытался провести в урочище Сусаната. Однако здесь адаевцы просто обезоружили его и его спутников⁴⁴ и передали коменданту Ново-Александровского укрепления Лихошерстову, который вскоре отправил их в Оренбург.

Хивинское ханство, находясь «на ближайших торговых дорогах в Россию» является «складочным местом... для восточных товаров, доставляемых в Россию...»⁴⁵. Из Хивы начинались караванные дороги в крупные центры восточной торговли: одна шла в Бухару, Ташкент,

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 12, с. 130—131.

⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2186, л. 4—5.

⁴⁵ Муравьев Н. Путешествие в Хиву и Туркмению в 1819 и 1820 гг. гвардейского генштаба капитана Николая Муравьева в сии страны для переговоров, с. 92.

Шервесада, Файзабада, Балха, Бадахшана, Афганистана и в Индию, другая — через Коканд в города Восточного Туркестана⁴⁶. Хива владела еще низовьями Амударьи и Сырдарьи, что придавало ей большое экономическое и политическое значение. Полковник Н. Игнатьев писал: «...в разговорах с великим князем Константином Николаевичем, с князем Горчаковым, с военным министром Ковалевским я постоянно напирал на необходимость подчинить Среднюю Азию русскому влиянию, завладеть Амударьей если не фактически, то политически и коммерчески, учредив плавание наших военных судов по этой реке, и... с этой стороны угрожать Великобритании, чтобы заставить ее дорожить нашей дружбой»⁴⁷.

Чтобы предупредить проникновение англичан в Среднюю Азию, России необходимо было захватить Хиву и превратить ее во «врата в Среднюю Азию», т. е. в свой опорный пункт. Но со времени военного похода Бековича-Черкасского (1716 г.) хивинские правители на любые шаги России смотрели с подозрением и не допускали создания у себя российских торговых представительств. Соотношение пошлины на товары русских купцов и купцов-мусульман было 10:2, вследствие чего русские купцы вынуждены были торговать через комисионеров — казанских татар и казахов⁴⁸. В тот период русские купцы обычно добирались лишь до Караганской пристани Мангышлака, совершали торговые операции со среднеазиатскими торговцами и возвращались. «Никто из русских торговцев в XIX в. не бывал в Хиве»⁴⁹, тогда как среднеазиатские торговцы проезжали в Астрахань, на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде и даже в Москву со своими товарами.

Царское правительство давно стремилось захватить Хиву, однако осуществить это было не так просто. В

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 341, л. 19.

⁴⁷ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897, с. 3.

⁴⁸ Там же, с. 10—135—136, 158; Юдин М. Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», т. IX, вып. 23, 1902, с. 4, 12.

⁴⁹ Муравьев Н. Путешествие в Хиву и Туркмению в 1818 и 1820 гг. с. 97—98; Миссия в Хиву и Бухару... с. 7.

России по вопросам о Средней Азии сложилось два противоположных лагеря: сторонники военного захвата и сторонники мирного подчинения. Последние опасались осложнения международных отношений. Видный представитель второго лагеря Г. П. Гагарин, бывший министр коммерций, в 1804 г. в письме к директору оренбургской таможни П. Е. Величко писал: «Топографическое описание (Хивинского ханства.— М. Т.) внимания достойно и ныне и на предбудущие времена, но мщение Хиве в теперешних политических обстоятельствах едва ли возможно. Зажжем мы пожар на Востоке, но опасаться надобно, чтобы не воспользовались им на Западе — в такую эпоху времени, где весь политический состав не только Европы, но и других частей света, угрожается сильным потрясением. Кажется, есть средства миролюбивые, которые и употребить хотел»⁵⁰. За постепенное подчинение Хивы выступал также Д. И. Романовский⁵¹ — директор Азиатского департамента Военного министерства. Неудачная экспедиция Бековича-Черкасского по захвату Хивы преподавала наглядный урок необходимости длительной военно-политической подготовки, осуществлять которую было удобно только через восточное побережье Каспия. Отсюда вытекала задача захвата и закрепления за Россией всего восточного побережья Каспия, на которое тогда претендовала и Хива. Но необходимость занятия восточных берегов Каспия не обуславливалась лишь задачами завоевания Хивы. Эта необходимость находилась в тесной связи со стремлением России установить свое военно-политическое господство во всем Каспийском бассейне для дальнейшего продвижения России на восток.

К. Маркс и Ф. Энгельс предполагали возможное столкновение интересов Англии и России в районе Герата. В качестве единственного стратегического пути туда для России они признавали путь по Каспийскому морю. Пути от Кавказа и Оренбурга к Герату были связаны с преодолением серьезных естественных препятствий (горы Кавказа и Северной Персии, в одном случае, пустыни — в

⁵⁰ Бычков И. А. Виды на торговлю с Азией в начале XIX века.— «Русская старина», 1904, № 3, с. 362.

⁵¹ Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. М., 1865.

другом). «Не может быть и речи,— писал Ф. Энгельс,— о том, чтобы в каком-либо из этих пунктов сосредоточить снаряжение и войска, необходимые для завоевания Центральной Азии. Остается только один путь, а именно, через Каспийское море, с базами в Астрахани и Баку, с наблюдательным пунктом в Астрабаде... протяженностью всего 500 миль до Герата. Этот путь соединяет в себе все преимущества. ...Астрахань на Волге занимает то же положение, что Новый Орлеан на Миссисипи... Астрахань обладает всеми возможностями для переправки людей и припасов в целях организации крупной экспедиции»⁵².

В 30-х гг. XIX в. Россия владела только западными и северными берегами Каспийского моря. Теперь предстояло занять восточные берега, где кочевали казахи рода адай и туркменские племена. Основная масса туркменских племен и адаевцев, территория расселения которых имела общую границу с Хивой и Персией, платила дань обоим ханствам и находилась у них в вассальной зависимости. Исходя из этого Хива и Персия издавна считали земли, занимаемые этими прикаспийскими туркменами и казахами, своей собственностью, а их население своими подданными. Хива, Персия и Россия взаимно следили за малейшим проявлением экспансии на восточном берегу Каспия. В высших кругах России хорошо знали, что если она начнет военные действия, то не только туркменские племена, но и Персия и Хива выступят против нее; более того, последние незамедлительно обратятся к Англии, которая, несомненно, окажет им помощь. Эти опасения и сдерживали Россию от открытых решительных действий на восточном берегу Каспия, вынуждали ее до поры до времени проводить мирную политику. Так Россия поступала в отношении Персии до начала 70-х гг. XIX в., пока не укрепила свои позиции в Средней Азии, захватив большую часть Кокандского ханства и подчинив Бухарское ханство, после чего получила возможность непосредственно угрожать Персии. В отношении прикаспийских туркмен до 80-х гг. XIX в. царизм проводил ту же политику подчинения их своему влиянию мирными средствами, путем распо-

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 129.

ложения их к себе, установления с ними дружественных отношений, оказания им «материальной помощи» хлебом, обещания военной помощи против Персии, защиты их интересов от посягательств Хивы. Такую же мирную политику в отношении туркмен царское правительство продолжало и после овладения восточным берегом Каспия до непосредственного наступления на туркменские земли и присоединения их к России.

Россия давно готовилась к подчинению Хивы. Проводилась большая военно-политическая и разведывательная работа на всем восточном побережье Каспийского моря, на Арало-Каспийском перешейке вплоть до близких подступов к Хивинскому ханству. Направляемые в эти районы экспедиции выявляли удобные пункты для основания баз, для заселения, собирали сведения о местах расселения, численности казахов и туркмен, об их занятиях, взаимоотношениях, политических, торговых связях с соседними ханствами, о путях в Хиву, Персию, Афганистан, о военно-политическом положении в ханствах Средней Азии.

Самыми ранними являются экспедиции 1712—1717 гг. Бековича-Черкасского на восточные берега Каспийского моря и в Хиву⁵³. Этими экспедициями возведены в 1716 г. первые военные укрепления: одно на мысе Тюбкараган, другое⁵⁴ на берегу залива⁵⁵, которому

⁵³ Княжецкая Е. А. Новые известия об экспедициях Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию.— «Известия АН СССР. Сер. геогр.», 1960, № 1, с. 90—99.

⁵⁴ Это укрепление не было равнозначно первому и третьему укреплениям. Здесь было оставлено 3 роты пехоты (*Голосов Дм. Поход в Хиву капитана Александра Бековича-Черкасского в 1717 г.*— «Военный сборник», 1861, № XXI, с. 321). В инструкции Петра I Черкасскому была разрешена постройка укрепления в старом русле Амударьи — в Красных водах. Бекович-Черкасский перед самым своим походом в Хиву в 1717 г. послал подкрепление в крепости на Тюбкараганском и Красноводском заливах. После гибели экспедиции комиссии для проверки посылались только в эти последние укрепления. Там, где говорится об оставлении крепости, называются также только эти две крепости (там же, с. 327). Ф. Бларамберг, описывая географические пункты восточного берега Каспия в заливе Александр-бай, ничего не говорит об остатках крепости (Материалы военно-ученого архива, т. I. Спб., 1871, с. 214—215, 302, 362, 382—386).

⁵⁵ В ряде статей, посвященных походу Бековича-Черкасского, этот залив вместо Бектемир-Ишан называют Бехтир-Лиман.

Бекович-Черкасский дал свое имя — Александр-бай⁵⁶, и третье на самой узкой косе Красноводского залива⁵⁷. В этих крепостях были оставлены по 3 полка и 3 роты гарнизона. Гарнизон первой крепости имел на вооружении до 11 пушек. После гибели экспедиции Бековича-Черкасского Петр I намерен был удерживать эти крепости за Россией как «опорные пункты будущих действий». Однако большая убыль личного состава гарнизона и недружелюбие туркмен вынудили командование оставить крепости: 30 октября — на Тюбкарагане, 3 ноября 1717 г. — в Красноводском заливе⁵⁸.

Позже на берега Каспия направлялись экспедиции Ф. И. Саймонова и К. П. Ван Вердена (1726 г.), начальника астраханского порта капитана Токмачева и инженера майора Ладыженского (1764 г.). В 1781 г. на юго-восточном берегу Каспия работала экспедиция во главе с М. Войновичем. Войнович выбрал место для торговой базы на берегу Астрабадского залива. Но когда намерения России обосноваться здесь стали очевидными, астрабадский хан Ага Мохоммед, вероломно захватив Войновича в плен, заставил его уничтожить все то, что он успел здесь возвести, и лишь после этого освободил его.

В 1805 г. генерал-майор Фелькерзам обследовал устье р. Эмбы, залив Тюбкараган и составил план основания военно-торговой базы у мыса Тюбкараган. По поводу того, где построить укрепление, единого мнения не было. Адмирал Мордвинов предлагал построить ее у Красноводска или Огурчинска. Занятие этих пунктов он связывал с идеей соединения России со Средней Азией путем строительства железной дороги с Кавказа на юго-восток от Каспийского моря в Среднюю Азию. Его мнение не разделял главноуправляющий в Грузии генерал А. П. Ермолов, который опасался, что «персияне не останутся равнодушными, видя нас учреждающими заведение столько близко к границам их, паче к Хорасан-

⁵⁶ Бай от англ. bay — залив.

⁵⁷ Чертеж этой крепости приведен в статье Е. А. Княжецкой. «Новые известия об экспедициях Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию» («Известия АН СССР. Сер. геогр.», 1960, № 1, с. 96).

⁵⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 35, ч. II, л. 13.

ской области, непокорствующей им и давно уже возмущившейся»⁵⁹.

Однако тем же Ермоловым были посланы из Баку две экспедиции — одна к туркменам во главе с Пономаревым, другая к хивинскому хану во главе с Н. Муравьевым. В сентябре 1819 г. вместе с туркменским караваном отправился из Красноводска в Хиву Н. Муравьев. Он стал первым русским путешественником, прошедшим в Хиву этим путем. В Хиве его приняли враждебно и даже 48 дней продержали в тюрьме. Предложение Муравьева о перенесении путей продвижения торговых караванов в Россию (Муравьев хотел добиться, чтобы караваны шли не через Мангышлак, а через Красноводск, откуда Россия намеревалась начать проникновение в южную часть Каспия) ханом было отклонено.

Наладить отношения с туркменами, договориться о постройке торговой пристани и крепости для ее охраны на территории, примыкающей к владениям Персии, на пути к Хиве было поручено майору Пономареву. Рапорт Пономарева, считавшего самыми удобными местами для строительства крепостей Серебряный бугор и Красноводскую косу⁶⁰, и рапорт Муравьева обсуждались в Азиатском комитете Военного министерства. Комитет констатировал, что правительство России, «давно желавшее твердой ногой встать на восточном берегу Каспия, теперь к этому вопросу обращает особое внимание», и решил «учредить теснейшие отношения между Россией и турхменцами». Комитет предложил Ермолову пригласить старшин туркменского рода йомуд и выяснить их претензии к Хиве и Персии. В его распоряжение было выделено 85 тыс. руб. для закупки хлеба и продажи его среди туркмен по дешевой цене, 10 тыс. руб. было ассигновано на подарки туркменским старшинам. Вторую экспедицию было предложено отправить на юго-восточный берег Каспия под видом определения места для торга хлебом⁶¹. В 1820 г. в Красноводск прибыл тот же Муравьев. На острове Челекен он в течение 18 дней вел переговоры с туркменскими старшинами об основании

⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 1, л. 2 с об.

⁶⁰ Там же, л. 7.

⁶¹ Там же, л. 1—4.

военно-торговой базы и получил согласие на ее строительство. 21 мая 1820 г. на Красноводской косе была заложена крепость Вознесенская. В своем рапорте Муравьев отметил, что на Нефтяном острове (Челекен.— М. Т.) персияне тоже торгуют хлебом.

Однако и эта попытка России (после экспедиции Бековича-Черкасского) укрепиться на туркменском берегу также закончилась безуспешно. Узнав о стремлении России укрепиться на юго-восточном берегу Каспия, Иранское правительство запротестовало⁶². Россия вынуждена была временно отказаться от своей экспансии на юго-восток Каспийского моря. Она снова занялась его северо-восточными берегами.

В продвижении России на восток большую роль сыграла экспедиция под начальством Ф. Ф. Берга, посланная в зиму 1825—1826 гг. Военным министерством и Министерством иностранных дел. Экспедиция Берга имела задание обследовать пространство, лежащее к югу от низовьев р. Эмбы вплоть до пределов Хивинского ханства; найти несколько пунктов, удобных для основания военных, торговых укреплений, отыскать и описать все идущие в Хиву дороги, собрать самые подробные сведения «о всех способах и возможностях предпринять на сие ханство экспедиции»⁶³ и пр. Находившийся при экспедиции от Министерства иностранных дел переводчик тюркских языков Я. Ярцев имел особое поручение собрать сведения о рыболовстве на северо-восточном побережье Каспийского моря, о возможности здесь плавания, о пригодности его побережья к заселению; выяснить отношение кочующего на юге казахского населения к Хивинскому ханству и к России и др. Для содействия экспедиции Ф. Ф. Берга был выделен специальный отряд военно-морских судов Каспийской флотилии под началом капитан-лейтенанта Басаргина.

Материалы этой экспедиции показывают, что главной целью ее было «разведывание» путей в Хиву, «водворение надлежащего повиновения в Киргизской орде»⁶⁴.

⁶² Там же, д. 147, л. 116 с об.

⁶³ См.: Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963, с. 58.

⁶⁴ Там же, с. 55—56.

15 декабря 1825 г. экспедиция вышла из Сарайчиковой крепости в составе 2375 человек на 2695 лошадях, 872 повозках. В ней участвовали помимо военных астроном, зоолог, врач и другие лица. Тщательно обследовав вышеуказанные территории вплоть до хивинского города Кунград, экспедиция убедилась в полной возможности военного похода через Устюрт в Хиву в зимнее время и рассеяла миф о непроходимости Устюрта и о неприступности Хивы. Это имело огромное значение для дальнейшего развития экспансионистской политики России в отношении Хивы и состояния политических казахско-хивинских и казахско-русских отношений.

Как же водворялось повиновение в Киргизской орде? В сознании мангышлакских туркмен Берг старался укрепить мнение о том, что «Россия готова водворить между ними спокойствие и благоденствие» и что сама эта экспедиция прибыла с целью открытия караванных путей и отыскания удобного пункта обмена привозимых сюда товаров⁶⁵. По отношению к казахам он вел себя иначе. Так, в декабре 1825 г. три полка уральского казачьего войска с двумя орудиями, пехота и оренбургские казаки с артиллерией из экспедиции Берга в течение 8 дней громили под видом «морских разбойников»⁶⁶ аулы мирных казахов-рыбаков в низовье р. Эмбы. Захватив в плен 266 человек и часть их верблюдов и лошадей, казаки уничтожили всю их рыболовную снасть. Пленные были отправлены в Уральск. В пути 13 из них были освобождены, 33 расстреляны «за сопротивление», 2 умерли⁶⁷, остальные были сданы в Пограничную комиссию в г. Оренбурге как аманаты (заложники), имея в виду, что «за преступление одного отвечает целое отделение». Чтобы освободить аманатов, родственники последних должны были в обмен выдать русских пленных, которые находились у хивинских феодалов. За пленными казахи должны были обратиться к хану или по возможности тайно вывозить их из владений знати, что, в свою очередь, обостряло казахско-хивинские отношения.

⁶⁵ Там же, с. 61.

⁶⁶ Там же, с. 205—207, 223—224. [Из отчетов Ф. Ф. Берга].

⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 237, л. 10.

Методы Берга были настолько грубы и жестоки, что некоторые чиновники вынуждены были указать на это публично. Так, Г. С. Винский, автор записки «Об усилении российской торговли с Верхней Азией», требовал отмены воинских поисков в степи, ибо «посланные отряды никогда почти не достигали виновных хищников, нападали, ограбляли даже истребляли совершенно безвинных и, насыщая часто одну алчность, никогда не вознаграждали истинно потерпевших убытки, усиливая между тем в сем грубом народе обидное для нас мнение, что все сии поиски ...суть нарядные грабежи, отдаляющие от нас самых благонамереннейших степных жителей»⁶⁸.

Кроме того, Г. С. Карелин, специально изучавший уже в 1832 г. морской разбой, пришел к выводу, что «разбой на море, совершаемые в соседстве с самой Астраханью, слишком отважны для предприимчивости... полудиких адаевских киргизов, ибо зимою остаются на острове Кулалы обширные заведения, казармы и запасы тюленщиков... но несмотря на то, что можно пробраться туда по льду и что северо-восточные берега Каспийского моря усеяны киргизскими кочевьями, никогда еще не отваживались ордынцы на попытку сжечь или разграбить оные».⁶⁹

После проведенных в низовьях р. Эмбы карательных «поисков» Берг разослал письменное «Обращение к местным жителям». Смысл его сводился к следующему: экспедиция рассеяла мнение о недосыгаемости Хивинского ханства; хивинские ханы должны учесть это обстоятельство, снискать милость русского царя, немедленно возвратив всех находящихся в Хиве российских пленных, возместив убытки российских купцов и т. д., «иначе ханство сие должно ожидать, что Россия принудит его к тому вооруженной рукой». О походе против казахов Берг писал: «Экспедиция произвела в Орде столь сильное впечатление. Вообще дела степи приняли решительно то направление, которое правительство желало дать

⁶⁸ Винский Г. С. Проект об усилении российской с Верхней Азией торговли через Хиву и Бухарию.— «Русский архив», кн. IV. М., 1878, с. 402.

⁶⁹ Карелин Г. С. О разбоях на Каспийском море.— «Записки ИРГО по общей географии», т. X, 1883, с. 156.

оним... Киргизы поняли, что нужно было или повиноваться, или бороться с силами, решительно их превосходящими»⁷⁰.

Успешное завершение экспедиции Берга было встречено в Петербурге с ликованием. Царское правительство щедро раздавало ордена, награды, звания, чины всем участникам экспедиции во главе с ее начальником.

В 1832—1836 гг. с перерывами, на восточном побережье Каспия работала большая экспедиция Г. С. Карелина. Об этой экспедиции официально было объявлено, что она выезжает для обследования уральских рыболовных островов. Перед ней были поставлены обширные задачи: нанести на топографическую карту весь восточный берег Каспия от устья р. Эмбы до персидских пределов, отыскать удобное место для основания укрепления, «исследовать настоящее положение эмбенских вод, неиссякаемого источника богатейшего рыболовства, осмотреть устье р. Эмбы, естественной нашей границы с дегьями великой Татарии; выяснить истинное состояние киргизцев, хищного и могущественного адаевского племени, с давних времен утвердившегося по берегам заливов Мертвого Култука и Кайдака, занявшего обе мангышлакские пристани... ознакомить жителей с нашими произведениями, привлечь их к непосредственным с нами торговым сношениям и изыскать средства к прочному основанию с ними сношений»⁷¹.

В период 10 мая — 16 августа 1832 г. экспедиция сделала описание полуостровов Бузачи, Мангышлак и устья р. Эмбы, собрала сведения об адаевцах. О значении северо-восточного берега Каспия для России Карелин писал: «Пространство великое и тем более важное, что прилежит к землям, служащим ключом к будущей нашей торговле и политическим связям с Средней Азией. Хотя ближайший осмотр сей страны подает мало надежды к прямо хозяйственным заселениям и колониям, но в отношении военном и коммерческом может по всей справедливости стяжать внимание правительства»⁷². Об ада-

⁷⁰ Первые русские научные исследования Устюрта, с. 203.

⁷¹ Карелин Г. С. Путешествие по Каспийскому морю. — «Записки ИРГО по общей географии», 1883, т. X, с. 5—6.

⁷² Там же, с. 5.

евцах он писал, что «они живут в совершенной независимости, ни в чем никому не давая отчета»⁷³.

Кроме путевого журнала — целой книги — Карелин составил карту северо-восточной части Каспийского моря, карту залива Кайдак и планы многочисленных островов. По возвращении из экспедиции он составил обстоятельную докладную записку, в которой предлагал приступить к строительству порта и укрепления в урочище Кзылтас, что на восточном берегу залива Кайдак. Он доказывал, что глубина бухты, наличие пресной воды, строительного материала, близость к Гурьеву и выгодное положение на пути в Хиву «придают этой местности очевидные преимущества»⁷⁴. 19 мая 1833 г. на заседании Азиатского комитета Военного Министерства в присутствии оренбургского военного губернатора В. А. Перовского были обсуждены результаты экспедиции. Комитет еще раз подтвердил, что со времен Петра I Россия стремится «стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря и выгоды коего как для торговли и промышленности, так и для дальних желаний правительства очевидны»⁷⁵, и нашел, что время для осуществления этого наступило. Наиболее подходящими пунктами для сооружения крепости были признаны залив Карасу-Кайдак⁷⁶ и берег Мангышлака. Для начала предпочтение было отдано Кайдаку.

Сооружение крепости Азиатский комитет возложил на В. А. Перовского, выделив для этого 50 тыс. руб. Начальником строительства был рекомендован Г. С. Карелин.

Рассматривая строительство укрепления как первый шаг на пути продвижения в Среднюю Азию и опасаясь вмешательства Хивы и Персии, Азиатский комитет рекомендовал «действовать осторожно, ничем не обнаруживая его завоевательного характера». Поэтому применение оружия разрешалось только в исключительных случаях. Категорически запрещалось устраивать какие-либо российские селения, рекомендовалось внушать

⁷³ Там же, с. 485.

⁷⁴ Там же, с. 481—482.

⁷⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1062, л. 59, с об.

⁷⁶ Залив Карасу, или Кайдак, что на северо-восточном берегу Каспия, казахи называют *денгиз* — море.

местному населению, что укрепление строится с целью развития торговли со среднеазиатскими ханствами»⁷⁸.

Произведя в Астрахани необходимую подготовку, Карелин со своей экспедицией в составе 500 казаков и солдат в апреле 1834 г. вышел из Гурьева на пяти судах в сопровождении 3 крейсеров и 2 мая высадился в заливе Карасу.

При появлении царской флотилии на берегу собралось много адаевцев. В их памяти свежи были еще карательные действия экспедиции Ф. Ф. Берга. Карелин и командир воинского отряда Мансуров объявили казахам-адаевцам о мирных целях прибытия войск и предупредили, что в случае враждебного действия по ним будет открыт огонь из орудий. Адаевцы, посоветовавшись между собой, удалились и в дальнейшем никаких враждебных действий не предпринимали. Некоторым биям, прибывшим в укрепление, Карелин раздавал подарки, на что ему было отпущено 3 ящика шелку и 3 тыс. рублей деньгами⁷⁹.

Начавшаяся в мае 1834 г. закладка укрепления закончилась в течение двух месяцев. Это было солидное сооружение, состоявшее из четырех бастионов⁸⁰ и двух полубастионов, огражденных валами и каменной засекой, которая, по словам Карелина, «не только кавалерию, но и добрую европейскую пехоту заставит призадуматься»⁸¹. Окружность укрепления составила 620 сажень. На его территории могло разместиться 100 дворов⁸². 22 июля 1834 г. гарнизон отпраздновал открытие укрепления, названного Ново-Александровским.

Вскоре после основания укрепления Карелин послал в Хиву своего переводчика торговца Г. Турпаева, поручив ему пригласить хивинских торговцев, проверить состояние торгового пути, а главное — разузнать отношение хана к постройке нового укрепления. Посланец

⁷⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1062, л. 126 с об.

⁷⁹ Там же, л. 927.

⁸⁰ Крепостное или полевое укрепление в виде пятиугольного выступа, небольшой форт.

⁸¹ Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. русского Туркестана и ханства Бухары и Хивы, ч. III. Прибавление. Спб., 1905, с. 615.

⁸² Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. — «Исторические записки», 1940, № 7, с. 186. (Ин-т истории АН СССР).

вернулся через 17 дней, выяснив, что путь до Хивы занимает совсем немного времени и что он удобен для прохождения. В окрестностях укрепления Карелин обнаружил целебный источник, горную смолу, белую нефть, а в горах Каратау разные ископаемые, минералы, селитру. По уверениям казахов, здесь имелись древние копи, вероятно, медные.

Карелин старался войти в доверие к казахам-адаевцам. «Приметя,— писал он,— что они крайне боятся, чтобы мы не забрели в их аулы, я совершенно успокоил их на этот счет, и в первое воскресенье, когда охотники наши, вопреки строгому приказанию, забрели в аул выпить кумыс, наказал их в присутствии 30 ордынцев». О начавшейся торговле с адаевцами он писал: «...киргизы мало-помалу начали дружиться с нами, привозили и пригоняли на мену баранов, но лошадей, верблюдов не продавали, вероятно... чтобы отнять у нас средства разъезжать по дальним местам. Однако ж, 5 числа отдали в наем верблюдов для перевозки провианта... мы продолжаем мену, которая равно прибыльна для них, приобретающих нужные вещи за половину той цены, какую принуждены платить в Хиве, и для нас, получавших барана за 3 рубля ассигнациями» (80 коп. серебром). В найме верблюдов у населения и продаже им скота большое содействие Карелину оказывал бий Мая Анетов, находившийся с ним в тайной связи, а также пострадавший от хивинских сатрапов батыр-адаец Суюнкара, который писал Карелину: «...киргизы как обессилились и потеряли дух, тому уже три года... хивинцы разграбили нас, так же хищные киргизы отнимают наш скот. Полагаю в вас сыскать защиту... Касательно же дел адаевцев я обязываюсь исполнить всякие ваши приказания»⁸³.

Какое значение придавало царское правительство строительству крепости, можно видеть из письма Перовского от 15 мая 1834 г. Карелину. «Можете вообразить,— писал он,— с каким удовольствием получил известие о счастливом водворении вашем в Ново-Александровском; честь вам и слава! Не менее моего порадуются и в Петербурге. По всем сношениям видно, какое там прини-

⁸³ *Липиский В. И.* Флора Средней Азии... с. 613—633.

мают живое участие в вашей экспедиции... буду ожидать дальнейших от вас новостей, которые прошу доставлять сколь возможно чаще, особенно на первых порах»⁸⁴.

В августе 1834 г. Перовский лично посетил Ново-Александровскую крепость. Он был изумлен всем увиденным и заявил, что крепость превзошла его ожидания. За превосходное выполнение поручения царь пожаловал Карелину единовременно 10 тыс. рублей, пенсией по 800 рублей в год пожизненно, наградил орденом Святой Анны 2-й степени и др.⁸⁵

Весть о постройке Ново-Александровского укрепления до Хивы дошла с опозданием. Там полагали, что появление царских войск на северо-восточном берегу Каспия имеет временный характер. Впоследствии, убедившись, что царизм укрепляется на занятом пункте, хан жаловался, что русское правительство не почитает его ханом, а ханство — независимым⁸⁶. Он посылал своих лазутчиков, чтобы они разведали характер и цели постройки крепости, ее военную силу. Хан негодовал по поводу отдачи в наем верблюдов коменданту крепости и вызвал к себе Мая-бия для объяснения. По приезде Мая-бия в Хиву хан собрал к себе туркменских старшин для совета. Он потребовал от них организации нападения на новое укрепление. Туркмены отказались от этого, ссылаясь на «худобу лошадей»⁸⁷. Тогда хан приказал Мая-бию для нападения на крепость объединить адаевцев с табынцами⁸⁸. Но бий также заметил, что адаевцы не хабрее туркмен.

За этими отговорками крылось явное нежелание защищать интересы Хивинского ханства. К тому же адаевцы ясно себе представляли бесполезность выступления против России. Тогда хан решил прибегнуть к более сильным средствам. Он приказал Мая-бию немедленно внести в казну 1000 хивинских червонцев якобы в качестве куна за убитых когда-то адаевцами туркмен, возвра-

⁸⁴ Там же, с. 636.

⁸⁵ Там же, с. 606, 727.

⁸⁶ *Галкин М. Н.* Дневник переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Александровского укрепления в Хиву. — «Записки ИРГО по отделению этнографии», 1867, т. 1, с. 123.

⁸⁷ Там же, с. 127.

⁸⁸ Там же.

тить туркмену Казы 60 верблюдов, захваченных адаевцами, откочевать от укрепления, прервав всякие связи с его комендантом, а затем приехать в Хиву⁸⁹. В качестве заложника хан задержал сына Мая-бия Баймамбета, прибывшего в Хиву вместе с посланным Г. С. Карелиным торговцем Турпаевым в августе 1834 г. Наблюдение за выполнениями своего приказа хан поручил юзбашу (начальник сотни.— М. Т.) Аманбаю, который прибыл вместе с Мая на Мангышлак. Аманбаю также поручалось разведать о военной силе Ново-Александровского укрепления и о намерении его командования.

Бий Мая объявил адаевцам ханскую волю. Поскольку они не могли обойтись без пастбищ на территории Хивинского ханства и, кроме того, хан в любое время мог разорить их, то бии решили собрать с населения требуемые ханом 60 верблюдов и 100 червонцев, а в качестве выкупа за сына бия Мая Баймамбета — 1000 лошадей, 180 штук кошм⁹⁰.

В январе 1836 г. хивинский хан решил напасть на крепость. Однако осуществить это ему не удалось. «Хивинский хан,— сообщал Перовский,— собрав рать, хотел идти на Ново-Александровское, но голодные воины, его, состоящие на собственном продовольствии, разошлись раньше, чем хан решился выступить»⁹¹.

В ноябре того же года хан обратился с письмом к Перовскому, в котором обвинял местные царские власти в том, что они самовластно в пределах владений Хорезма построили укрепление, протянули руку к казахам, издавна являвшимся его подданными, наконец, пошли на «неслыханное дело, захватив купцов»⁹². В заключение он просил разрушить Ново-Александровское укрепление, за что обещал жить с Россией в дружбе⁹³.

⁸⁹ Там же, с. 125.

⁹⁰ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2732, л. 86—90.

⁹¹ «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 23. Оренбург, 1913, с. 205.

⁹² Хан имеет в виду арест в августе 1836 г. в Оренбургском меновом дворе 572 хивинских торговцев с товарами на 1400 тыс. рублей. Этим царское правительство якобы хотело принудить Хивинское ханство «к удовлетворению всех справедливых требований» России, в том числе к освобождению русских пленников (*Терентьев М.* История завоевания Средней Азии, т. 1. Спб., 1903, с. 110—114).

⁹³ «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 23, с. 210.

Это письмо только ускорило подготовку похода на Хиву. Узнав об этом, хан обратился к казахам Младшего жуза, в том числе и к адаевцам, с призывом не давать верблюдов, лошадей, продуктов питания экспедиционным войскам⁹⁴. Однако казахи-адаевцы не откликнулись на него. Отряду Хивинского ханства, как видно из документов, пришлось действовать на Мангышлаке без поддержки местного населения. Хан рассылал своих эмиссаров на Мангышлак, в районы рек Эмбы и Сырдарьи и требовал от адаевских и туркменских старшин «вредить русским». Но активных действий со стороны адаевцев он так и не добился.

Летом 1839 г. ханские отряды появились на Мангышлаке, где захватили в плен 120 русских, забрали у них кусовые и подьездные лодки, много больших лодок поломали и утопили в море⁹⁵. В 1840 г. вблизи Ново-Александровского укрепления было разграблено судно с продовольствием и другими товарами на сумму 4047 р. 90 к., принадлежавшее Турпаеву. У него и торговца Завьялова было угнано 857 баранов⁹⁶. В феврале того же года у Караганской пристани была сожжена караульная изба⁹⁷. Действия отрядов Хивинского ханства подрывали веру местного населения в силу России и ее способность защитить от набегов хивинцев. Лейтенант Бодиско, посетивший Ново-Александровское укрепление в 1839 г., сообщал: «Меновой торг с кочевыми жителями здесь почти не существует, даже дружественные старшины из адаевцев и туркмен прекратили сношения с крепостью»⁹⁸.

После неудачного похода Перовского в 1839—1840 гг. в Хиву хан усилил свои притязания на восточные берега Каспия. На требование русского посла Никифорова в 1841 г. признать восточные берега Каспия владениями России хан Аллакули ответил категориче-

⁹⁴ По данным Ф. Энгельса, для этого похода было собрано 8 тыс. вожатых и 15 тыс. верблюдов (только от казахов Младшего жуза.— М. Т.) (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 12, с. 616).

⁹⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2151, л. 17.

⁹⁶ Там же, л. 77, с. об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Попов А. Л. Борьба за Среднеазиатский плацдарм.— «Исторические записки», 1940, с. 220—221. (Ин-т истории АН СССР).*

ским отказом. Более того, он заявил адаевцам, что территория, лежащая на правой стороне р. Урала, принадлежит России, а на левой — Хивинскому ханству, что адаевцы по условию договора с Россией являются подданными Хивы, поэтому они не должны признавать власть России и платить ей налоги. В противном случае «рты их будут залиты свинцом и не будет никакой пощады»⁹⁹.

Адаевцы обратились к местной царской администрации. В письме (1842 г.) к коменданту Ново-Александровского укрепления бий Калбий говорил: «Укрепление построено по велению белого царя, в котором вы поставлены комендантом, чтобы передать повеление царя нам, а наши жалобы довести до его сведения. Вы почтенные люди, а мы слабый народ, вы должны знать, освободил ли нас белый царь от рук Аллакули, дайте нам об этом знать, что прикажет нам царь, слушаемся и прибегаем под его защиту. Если мы будем действовать по приказанию Аллакули-хана и сами будем вредить русским, то добровольно принимаем от царя наказание»¹⁰⁰.

В 1842 г. после смерти хана Аллакули был заключен с Хивой выгодный для России торговый договор, согласно которому хан Мухаммед Амин должен был взимать 5% пошлины с товаров, привозимых из России. Однако признать восточный берег Каспия владением России он не только не согласился, но и потребовал уничтожить Ново-Александровское укрепление¹⁰¹. Таким образом, основание военного укрепления у залива Кзылтас не избавило адаевцев от угнетения, грабежа Хивинским ханством. Систематические набеги отрядов хана привели к тому, что адаевцы не могли свободно кочевать и производить торговые операции с укреплением. К тому же их изнуряли двойные налоги, которые им приходилось платить и Хиве и России.

В 1844 г. бии снова обратились к коменданту того же укрепления с просьбой объяснить, была ли определена

⁹⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2409, л. 11.

¹⁰⁰ Там же, д. 2171, л. 132.

¹⁰¹ Туркестанский край. Сб. материалов для истории его завоевания. Под ред. А. Серебренникова. Т. III. Ташкент, 1847, с. 125.

граница России с Хивинским ханством. Они заявляли, что «готовы жертвовать жизнью за избавление от подданства хивинского хана»¹⁰². В другом письме бий Калбий сообщал, что «адаевцы покорные слуги русского государства» находятся в таком положении, как «при челюсти дракона», и «не желают остаться в подданстве хивинского хана»¹⁰³.

В эти же годы адаевцы обращались и к Оренбургской пограничной комиссии с просьбой определить границу с Хивой или отвести им места под кочевки подальше от владения Хивинского ханства. На этот раз инициатива исходила от самих масс.

Однако царское правительство не было заинтересовано в установлении точных границ с Хивой, так как их отсутствие постоянно использовалось им для дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии. Даже Министерством иностранных дел было вынесено решение: «Вопрос об определении границ влияния хивинцев в степи отложить впредь до усмотрения»¹⁰⁴, ибо, как говорится в другом документе, «отсутствие твердой границы в этом районе полезно»¹⁰⁵.

Но все же Оренбургская пограничная комиссия поручила правителю Западной части Младшего жуза султану Б. Айчувакову определить кочевья адаевцам таким образом, чтобы не были стеснены казахи других родов¹⁰⁶. Айчуваков не мог выполнить этого задания, так как нельзя было отвести землю адаевцам, не затронув интересы других родов.

В 1844 г. к адаевцам и шомышты-табынцам прибыли ханские сборщики зекета в сопровождении военных отрядов. В счет зекета они собрали много верблюдов и лошадей. Через год сборщики снова появились в аулах адаевцев¹⁰⁷. Тогда же они приезжали в аулы тлеукабакского отделения шектинского рода с целью «взыскания по барымте»¹⁰⁸.

¹⁰² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2171, л. 152.

¹⁰³ Там же, д. 80, л. 18—19.

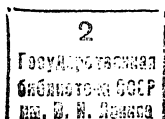
¹⁰⁴ Там же, д. 180, л. 106—107.

¹⁰⁵ Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм, с. 225.

¹⁰⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3151, л. 251—255.

¹⁰⁷ Там же, д. 180, л. 59—60.

¹⁰⁸ Там же, л. 60.

Пограничные власти не препятствовали такому открытому грабежу казахского населения, так как они были заинтересованы в обострении отношений его с Хивинским ханством. Позднее, особенно после неудачного похода Перовского в Хиву (в зиму 1839/40 г.), адаевцам и другим кочующим на юге родам не раз предлагалось составлять мелкие отряды с целью нанесения вреда «хивинцам и им преданным», поскольку «Россия находилась в состоянии войны с Хивой». За оказание помощи было обещано: отнятое у хивинцев имущество признать собственностью казахов; награждение за уничтожение и пленение хивинцев (за голову ханского эмиссара уплатить 3 рубля серебром); выгодно сбыть аргамаков (лошадей), захваченных у хивинского населения¹⁰⁹.

Однако адаевцы и другие роды отказались помогать России в борьбе с Хивой.

Хивинский хан хорошо понимал, что основание Ново-Александровской крепости означает укрепление позиций России на Восточном берегу Каспия, что в конечном итоге приведет к покорению адаевцев Россией и лишению самостоятельности Хивы¹¹⁰.

Однако планы России простирались дальше — она намеревалась проникнуть в глубь Средней Азии, для чего необходимо было построить новое укрепление вблизи границ Хивы, Персии и расположения туркменских и казахских племен. В 1836 г. экспедиция Г. С. Карелина снова обследовала юго-восточные берега Каспия. Секретная инструкция, данная офицеру генштаба Бларамбергу, участнику этой экспедиции, гласит: «Производить съемки и планы мест, важных в военном и торговом отношении»¹¹¹. Это еще раз подтверждает, что царизм готовился к захватническим походам.

Экспедиция тщательно описала залив Гасанкули, полуострова Огурчинский, Челекен (или Нефтяной), заливы Красноводский, Балханский. Многие из этих гео-

¹⁰⁹ ЦГА Каз ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2206, л. 22; д. 3822, л. 5.

¹¹⁰ Единственное, что реально предприняли хивинцы против продвижения России на восточные берега Каспия — это возведение в 1835 г. на северо-западе г. Ургенча укрепления Ташауз (*Иванин М.* Хива и Амударья. СПб., 1875, с. 36).

¹¹¹ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 16, л. 15—16.

графических пунктов «были неизвестными, а частью вовсе новыми, где вовеки нога русского не ступала», — писал Карелин своим родственникам. На холмах Челекена Карелин обнаружил более 1800 нефтяных колодцев.

Спустя три года восточные берега Каспия вторично подвергались изучению, а несколько позднее (1844 г.) и залив Тюбкараган. Данные экспедиции подтвердили возможность постройки там военного укрепления. По сравнению с берегами зал. Кайдак, где находилось Ново-Александровское укрепление, Мангышлак имел ряд преимуществ. Здесь была незамерзающая, закрытая со всех сторон от морских ветров прекрасная гавань с пристанью Караган; от нее начинались пути по морю в Астрахань, Гурьев протяженностью всего 200 верст. Перевозка грузов от Астрахани до Мангышлака требовала 3 дня, а при попутном ветре — одни сутки; перевозка одного пуда груза обходилась около 30 копеек серебром. От этой же пристани в Хивинское ханство¹¹² шел и караванный путь расстоянием 20 дней конной езды. Воды восточных берегов Каспия были богаты промысловой рыбой и тюленем, а для заведения рыбных промыслов здесь по сравнению с другими берегами имелись лучшие условия: побережье было изрезано множеством заливов и бухт, удобных для стоянки промысловых судов, а море было сплошь глубоким, без больших отмелей. Здесь были найдены месторождения нефти, соли, угля, разные виды минерального сырья, строительного камня и др.

К основанию военного укрепления на Мангышлаке царское правительство подходило осторожно: оно опасалось сопротивления со стороны Хивы и Персии. И, действительно, как только хивинский хан узнал об обследовании Мангышлака в 1844 г., он немедленно приказал туркменам прикочевать на Мангышлак и не допустить там основания укрепления¹¹³. Поэтому высадку войск на Мангышлак было решено провести одновременно с

¹¹² По подсчету того же М. И. Иванина, в середине XIX в. перевозка одного пуда груза из Хивы до Нижнего Новгорода через Оренбург обходилась от 5 до 7 руб., а из Хивы до этого же Нижнего Новгорода через Мангышлак морем — 3 руб., 2 р. 50 к., 2 руб. (*Иванин М. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. — «Записки ИРГО», 1849, кн. 1, с. 353*).

¹¹³ Туркестанский край. Сб. материалов. Т. 3, с. 5.

открытием постоянного пароходного сообщения по Каспийскому морю¹¹⁴.

Первые русские пароходы на Каспийском море появились в 1846 г. Всеми вопросами по высадке десанта и занятию полуострова Мангышлак занимался оренбургский военный губернатор В. А. Обручев. На случай нападения на полуостров было отправлено более 700 солдат, которые кроме обычного вооружения, имели еще 6 трех- и четырехфутовых единорогов (вид орудий.— М. Т.) и две пушки. В заливе Тюбкараган постоянно находился пароход для поддержания связи с Гурьевом и Астраханью¹¹⁵. В Гурьеве содержалась рота солдат для отправки на Мангышлак «в случае надобности».

В течение двух месяцев здесь было возведено сильное военное укрепление, названное сначала Ново-Петровским, а в 1859 г.— фортом Александровским. Вначале укрепление имело 14 орудий, впоследствии их количество было доведено до 24¹¹⁶. Укрепление способно было отразить атаки многочисленных войск¹¹⁷. Через два года количество войск, содержащихся в Ново-Петровском укреплении, в заливе Александр-бай и Красноводской косе составляло почти 3600 человек¹¹⁸.

Теперь восточные берега Каспия, игравшие немалую роль во внешней политике царизма на Востоке, а также в установлении его господства в Казахстане и Средней Азии с населяющими их адаевцами, оказались под властью России. С этих пор Мангышлак стал территорией России, являющейся более развитой в экономическом, культурном отношении, стоявшей на более высокой ступени общественно-политического развития, чем Хива.

Вскоре на Мангышлак прибыли переселенцы из Астраханской, Саратовской, Оренбургской и других губерний. Переселенцам предоставлялись льготы и пособия: в течение 10 лет они освобождались от всех налогов; им обеспечивался бесплатный провоз семей,

¹¹⁴ Там же, с. 193.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Юдин П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г.— «Русская старина», 1894, № 7, с. 138.

¹¹⁷ Туркестанский край, с. 235.

¹¹⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18 282, л. 46.

имущества при переселении, за счет казны им строились дома, ежегодно в течение трех лет им выдавалось по 60 руб. на семью, выделялись казенные лодки, снасти; они свободно и бесплатно пользовались на месте земель, строительным материалом (камнем-ракушечником). Законом 1851 г. (статьи 700, 702, 705)¹¹⁹ в их распоряжение было отдано у мыса Тюбкараган водное пространство в 150 кв. верст сначала на 10 лет, а затем до 1912 г. Им разрешалось «с согласия туркмен» ловить рыбу к югу от Тюбкараганского залива до р. Атрек, бить тюленя на островах Подгорном, Кулалы, Святой, беспошлинно сбывать свой улов во всех портах Каспийского моря¹²⁰, им выдавалось бесплатно по 150 пудов соли на семью в год. С переселенцев-торговцев в течение 10 лет брали только половину пошлины.

С 1846 г. по 1858 г. на Мангышлак переселилось всего 49 семей. Они образовали здесь первый оседлый пункт — Николаевскую станицу у Ново-Петровского укрепления. Большинство этих семей были бедными, жили за счет помощи государства. Наиболее предприимчивые переселенцы, заняв под улов у астраханских крупных торговцев деньги и товар¹²¹, начали торговать с местным населением. Некоторые из них открыли морской лов, где широко использовали труд бедняков-адаевцев. В 1852 г. рыболовством занималось 15 русских семей, они имели 19 лодок, более 130 крючьев, 19 голов крупного рогатого скота, а в 1868 г. на 25 таких семей приходилось уже 109 лодок, 267 тыс. крючьев, 6700 сетей и 59 голов скота. Улов этих семей в 1850 г. составлял 958 пудов красной рыбы и 10 шт. тюленей, в 1860 г. — 3929 пудов красной рыбы, в 1869 г. — 22 000 пудов, 6000 пудов тюленьего жиру и шкуры¹²². Зажиточные рыболовы-поселенцы сочетали морской лов с торговлей.

¹¹⁹ Свод законов Российской империи, изд. 1857, т. 12, ч. II.

¹²⁰ С 1867 г. вывозимая с Мангышлака рыба совершенно освобождалась от государственной пошлины.

¹²¹ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 20, л. 19.

¹²² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы по географии и статистике России. Спб., 1865, с. 155, 164; Линевич И. Статистические сведения о Мангышлаке. Сб. сведений о кавказских горах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с. 30.

Торговые отношения как на Мангышлаке, так и с Хивой развивались медленно. Крупные торговцы из России опасались отправлять товары на отдаленный полуостров, а мелкие зачастую не имели средств, чтобы вывезти закупленный скот. Торговля с местным населением велась в Нижнем укреплении на базаре и в районах заливов Кендерли, Александр-бай, Карабугаз, Красноводский и т. д. Торговцы в основном проживали в Слободке укрепления и станице Николаевской. В 1850 г. их было 5, в 1863 г.—18; по национальности это были армяне, русские, персы, туркмены.

Постепенно устанавливались торговые связи с Хивинским ханством. За три года (с 1846 по 1849 гг.) из Хивы на Мангышлак прибыло всего 5 караванов. Значительно сократился и вывоз товаров из России в Хиву — с 118 тыс. руб. в 1846 г. до 8 тыс. руб. в 1848 г.¹²³ Только с середины 50-х гг. товарооборот России с Хивой через Мангышлак стал увеличиваться и в 1855 г. достиг 28 747 руб.¹²⁴

Юридическим оформлением подчинения местного населения Мангышлака России явилось распространение в 40-х гг. на весь Младший жуз дистанционной системы управления, которая была введена еще в 1831 г. и охватывала тогда казахов, кочевавших при казачьих линиях. По этой системе кочевья казахов делились на 32 дистанции (соответственно числу казачьих станиц), позднее их стало больше.

Дистанционные и местные начальники, назначаемые Оренбургской пограничной комиссией из числа феодальной знати (султанов, биев), по Положению 1844 г. (§ 46) являлись исполнителями колониальной политики царизма; они были ответственны за «верность», «послушание» казахского населения, за своевременное внесение им податей, исполнение натуральных повинностей. Эти полицейские чиновники имели право подвергать аресту провинившихся, производить следствие. Им же вменялось в обязанность собирать интересные правительству сведения¹²⁵.

¹²³ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в.... с. 321.

¹²⁴ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, с. 155.

¹²⁵ ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 1, д. 2171, л. 124.

Казахи Мангышлака по административно-территориальному делению относились к Западной части Младшего жуза, во главе которой стоял султан-правитель.

В рассматриваемый период четыре отделения адаевцев (крыкмултук, туркмен-адай, кунан-урус, балыкши), зимовавших на юге Устюрта, и несколько родов других отделений Младшего жуза составили 52-ю дистанцию. Начальником ее был крупный бий адаевцев Есенжан Абызов, назначенный Оренбургской пограничной комиссией и подчинявшийся непосредственно султану-правителю Западной части Младшего жуза. Все бии, управлявшие вышеназванными отделениями, являлись его помощниками.

Далеко не сразу колониальным властям удалось привлечь на свою сторону адаевцев, зимовавших на Мангышлаке. Так, бий С. Байданов отказался служить царизму местным начальником, возможно, потому, что Джурунбай после присяги на верность царю был убит «неблагоденными киргизами», а его имущество, скот были «разграблены»¹²⁶. Лишь в 1847 г. после основания второго военного укрепления на полуострове Мангышлак местным начальником над казахами-адаевцами стал Мухаммедов. Тогда же ему дали чин старшины. Через два года по ходатайству коменданта Ново-Петровского укрепления Мухаммедова сменил влиятельный бий Верхних адаевцев Баимбет Маяев¹²⁷.

По мере строительства военных укреплений на территории Младшего жуза все больше распространялась власть царизма и над адаевцами Мангышлака. В 1867 г. казахи-адаевцы были объединены в одну Верхнюю дистанцию, но через год из-за трудности управления столь обширной территорией она была разделена на две: адаевцы пяти отделений, зимовавшие на Мангышлаке, вошли в Нижнюю дистанцию, а три отделения, зимовавшие на Устюрте, у колодцев Бешакты, Синик, Сум-

¹²⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2315, л. 14—18.

¹²⁷ Это сын Мая-бия Анетова, которого в 1834 г. хивинский хан призывал напасть на Ново-Александровское укрепление, но он не сделал этого. Напротив, он и его сын Баимбет и другие казахи помогали Карелину заложить крепость, поставляли верблюдов и лошадей. За преданность Баимбет неоднократно получал награды и дослужился до чина зауряд-хорунжего.

са — в Верхнюю. В Нижней дистанции начальником был крупный бий адаевцев Кафаур Калбин, а Верхней — Баимбет Маяев. Оба они являлись непосредственными помощниками коменданта форта Александровского и имели довольно большие административные права, вплоть до ареста «неблагонадежных людей». Начальники дистанций располагали воинской командой в 40 чел., которая их сопровождала при исполнении ими служебных обязанностей в степи (сбор кибиточной подати, усмирение непокорных, разбор споров и т. д.).

Колоннальная политика царизма, постепенно охватывая все стороны жизни казахов Младшего жуза, в середине XIX в. наиболее последовательно проявила себя в земельном, налоговом вопросах. Вследствие непрерывного изъятия земель вопрос о пастбищах для казахов Младшего жуза вообще, для адаевцев Мангышлака в особенности, приобрел особую остроту. В это время территория казахов Младшего жуза, за исключением юга, где лежало плато Устюрт, оказалась окруженной с трех сторон казачьими военными линиями — на западе Уральской, на северо-востоке — Оренбургской, на востоке — Сибирской. Усиление последних сопровождалось изъятием земель у казахов. Еще в начале XIX в. царизм уже свободно распоряжался землей казахов, хотя юридически она еще не являлась собственностью России. В 1810 г. в связи с созданием Илецкой казачьей линии у казахов было отрезано 700 тыс. десятин земли, расположенной между реками Уралом, Илеком, Бердянкой и Курайлой. В результате роды табын, тама и другие, несмотря на их упорное сопротивление, были вытеснены в пески Барсуки, в бассейн р. Эмбы, основной район летовок адаевцев, что привело к обострению межродовых отношений.

В целях укрепления своей власти в Казахстане, в том числе на восточном берегу Каспия, и создания опорной базы для продвижения в Среднюю Азию царское правительство вместо посылки в степь «летучих поисковых отрядов» с казачьих линий переходит к строительству военных укреплений, значение которых точно определил генерал-лейтенант М. А. Терентьев: «Опыт убедил, наконец, что ни султаны-правители, ни летучие отряды... ни жестокость, ни дипломатия... не в со-

стоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках»¹²⁸.

Первые военные укрепления были основаны на территории казахов-адаевцев. В 1834 г. на их летовках (южный берег залива Мертвый Култук) было построено Ново-Александровское укрепление, а спустя 5 лет на среднем течении р. Эмбы — Эмбенский пост¹²⁹ — одно из центральных и крупных военных укреплений. В 1845 г. к востоку от летовок адаевцев появилось Оренбургское укрепление на р. Тургай, Уральское — на р. Иргиз, через год — Ново-Петровское в центре зимовок адаевцев, на мысе Тюбкараган; еще спустя год близ устья Сырдарьи — Раимское (Аральское). В 1848 г. на пути отступления казахов на восток вырос на р. Иргиз форт Карабутак; Косарал — на Аральском море. В 1862 г. на нижнем течении р. Эмбы создано Эмбенское укрепление (в урочище Есенберды), через 7 лет на верхнем Илеке — Актюбинское, на среднем течении р. Уил (ур. Беркин) — Уильское¹³⁰.

В каждом из этих укреплений в мирное время находилось 250—300 казаков с двумя-тремя конными орудиями и 14—16 человек к ним артиллеристов. Разделившись на мелкие отряды, казаки целое лето находились в степи, сопровождая султана-правителя в его служебных поездках. Вначале радиус их действия определялся 200 верстами.

Создание военных укреплений, сопровождавшееся изъятием земель, лишило многих казахов средств к существованию, что, естественно, вызвало протест: они отказывались выполнять требования царской администрации, уходили на юг. Длительное время казахи родов табын, тама и другие вели борьбу за возвращение отнятых у них земель в районе р. Илек, при образовании Ново-Линейного района. Позднее к ним присоединились

¹²⁸ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875, с. 13—15.

¹²⁹ Эмбенский пост на р. Темир (местное название Каракамыс) в 1879 г. был переименован в Темирское укрепление.

¹³⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6815, л. 1—3; ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 258/908, д. 49, л. 90; там же, д. 25, л. 25; Гродеков Н. М. Война в Туркмении. Т. II. Спб., 1893, с. 38; Туркестанский край. Сб. материалов... с. 30—34.

казахи других родов, также лишившиеся земли в связи со строительством военных укреплений.

В отчете Оренбургской пограничной комиссии за 1847 г. сказано, что «шайки злонамеренных киргизов разных родов»¹³¹, расположившись в урочище Актюбе, заявили посланному, что они собрались для того, чтобы вместе с байулинцами требовать от военного губернатора «уничтожения возведенных укреплений и беспрепятственного кочевания на старых местах, в противном случае решили действовать против отрядов... вооруженною рукою, а при неудаче уйти в Большой жуз»¹³².

Активно боролись за сохранение летних пастбищ и адаевцы. Основной район их летовок — это бассейны рек Эмбы, Уила, Сагиза, куда в 60-х гг. периодически направлялись съёмочные партии для поиска мест под новые военные укрепления. Адаевцы всячески препятствовали этому. Так, в 1863 г., когда на среднем и нижнем течении р. Эмбы работала съёмочная партия, адаевцы напали на ее лагерь, угнали лошадей и даже не раз оказывали вооруженное сопротивление сопровождавшим партию казачьим командам¹³³.

Опираясь на казачьи отряды, царские чиновники всеми силами старались привести казахов к полной покорности. Особенно жестокими были действия против адаевцев. По отношению к ним, как к «дикому», «военственному племени», колониальное начальство требовало от своих местных чиновников принимать самые строгие меры. Феодалная знать, перешедшая на службу царизму, угрожала адаевцам в случае их сопротивления властям выселением из пределов Казахстана, передачей их земель другим родам.

Не лучшим было положение адаевских и туркменских рыбаков.

Богатые промысловой красной рыбой северо-восточные, восточные берега Каспия, где адаевские и туркменские джатаки (бедняки) издавна занимались рыболовством, также привлекали внимание российских

¹³¹ Это были роды назар, каракесек, уджирай, чурен, исык и др. (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 408, л. 28, 30—34).

¹³² Там же, л. 34, с об.

¹³³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2641, л. 1—2; Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 14 199, л. 3.

предпринимателей. Еще в середине XVIII в. русские купцы пытались захватить рыбные промыслы в низовьях р. Эмбы. Так, астраханский купец Курочкин построил в 15 верстах от Гурьева морской стан. Однако обосноваться не смог. Кочевавшие там казахи запротестовали.

Царское правительство всячески содействовало развитию российских рыбных промыслов на северо-восточном и восточном побережье Каспийского моря. Для этого оно всю территорию и водное пространство возле укреплений отдавало в бесплатное пользование рыбопромышленникам и переселенцам, чем лишало адаевцев и туркмен единственного источника их существования. Они уже не имели права заниматься рыбным и тюленьим промыслом в этих местах. К ним применялись самые жестокие меры: уничтожались рыбалки, отбирались снасти, даже подвергались разгрому джатакские становища¹³⁴.

Спустя 9 лет были сломаны все рыболовные лодки туркменских и адаевских рыбаков у Ново-Александровского укрепления¹³⁵. Адаевские аулы были лишены водопоя и полива из родников, находящихся возле укрепления, вследствие чего они вынуждены были откочевать¹³⁶. В 1846 г. после основания Ново-Петровского укрепления водное пространство у берегов Тюбкарагана, богатое красной рыбой, а также тюленьи острова восточного берега Каспия были отданы в бесплатное пользование переселенцам-казакам и промышленникам. Кроме того, они могли ловить рыбу по всему восточному побережью моря, занимая богатые рыбой, удобные для лова места. В результате чего местные бедняки-рыбаки лишились права лова там рыбы. В 1836 г. экспедиции подполковников Мансурова, Данилевского (с 550 казаками и офицерами), имевшие специальное задание «наказать морских разбойников», якобы «мешающих нормальной работе российских рыбопромышленников», на побережьях Бузачинского, Мангышлакского

¹³⁴ См. стр. 25 данной работы.

¹³⁵ Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханства Бухары и Хивы, ч. III. Прибавление. Спб., 1905, с. 267.

¹³⁶ Белявский. Исследование пути от залива Цесаревича через Устьюрт до Кунграда, произведенное в 1884, с. 13.

полуостровов сожгли все рыболовные лодки адаевских джатаков-рыбаков, захватили из них 53 человека в плен, у других отбили столько скота, выручка от продажи которого покрыла все расходы экспедиции¹³⁷. Пленных после наказания шпицрутенами в 500 и 1000 ударов сослали в Сибирь, на крепостную работу в г. Бобруйск, в солдаты в г. Выборг¹³⁸. По существу, все это было запрещением адаевским джатакам заниматься рыбной ловлей. Полковник генштаба Белявский, в 80-х гг. XIX в. длительное время находившийся среди казахов низовья р. Эмбы, писал: «Адаевцы несколько раз передавали мне о существующем будто бы запрещении для них заниматься рыболовством. ...Сейчас такое запрещение, стесняя мирную деятельность адаевцев, производит одно только раздражение и затрудняет развитие между ними цивилизации и сближения с русскими, порождая злобу и зависть... а поэтому было бы своевременно помянутое запрещение отменить»¹³⁹. Под угрозой штрафа и отдачи под суд русским рыболовам запрещалась продажа орудий лова местному населению¹⁴⁰. В 1846 г. Сенат уже не первый раз предложил Оренбургскому военному губернатору «взять под свой контроль рыбопромышленников с тем, чтобы не допускать продажу инородцам», т. е. казахам, судов, лодок и других рыболовных средств¹⁴¹. Рыбопромышленникам разрешалось нанимать на промыслы казахов с условием не более трети всех рабочих¹⁴². Все эти действия сводили на нет скудное рыболовное хозяйство адаевских джатаков.

Опираясь на поддержку центральной и местной власти, российские промышленники стали смелее проникать на восточное побережье Каспия. В 60-х гг. XIX в. уже по официальному разрешению Оренбургского об-

¹³⁷ Добросмыслов А. И. Тургайская область. Истор. очерк. Тверь, 1902, с. 314.

¹³⁸ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2894, л. 127.

¹³⁹ Дополнительные сведения о путях в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Устьюрту и Амударье. (Секретно).— Сб. геогр. топогр. и статист. материалов по Азии. Вып. XXV. Спб., 1887, с. 113.

¹⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 1, д. 1439, л. 1—2.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 4, л. 46.

ластного правления¹⁴³ российские промышленники, торговцы, крестьяне начали заселяться в приэмбаевском районе, занимали Жилую и Прорвинскую косы, Ракушу, Гранный бугор, Сиротские колки и другие районы, захватывали богатые рыбой и удобные для лова места, вытесняли адаевских джатаков-рыбаков¹⁴⁴. Последние пытались отстоять свои права на занятия рыбной ловлей, но без успеха. В 50-х гг. XIX в. для управления рыбными промыслами Каспия в Астрахани была организована так называемая «Рыбная и тюленья экспедиция». В это же время астраханские промышленники постоянно в весенние и осенние путины стали приезжать на восточные берега Каспия вплоть до Кендерлинского залива, занимаясь рыбной ловлей, боем тюленя. На острове Иктяной в начале 70-х гг. XIX в. уже действовал завод Сапожникова по вытапливанию тюленьего жира. Широкую дорогу в экономику восточного берега Каспия российскому капиталу открывало Положение 1868 г.

С усилением царизма в Младшем жузе казахи облагались различного вида налогами: натуральная повинность, кибиточная подать и другие сборы.

Взимание натуральной повинности с казахов Младшего жуза началось с 40-х гг. XIX в. в период подготовки похода царских войск на Хивинское ханство. Тогда казахов принудили поставить более 14 тыс. верблюдов, 2450 человек к ним вожатых, 15 тыс. пудов мяса, сала бараньего, 750 кибиток, джуламеек, 880 арб, 8350 сажень арканов (веревки), 15 248 сажень кошм, 10 124 полушубка из джабаги, овчины, 10 964 шапки, кошменных чулок, 10 тыс. пар рукавиц овчинных¹⁴⁵.

Султан-правитель Западной части Младшего жуза Б. Айчуваков и чиновник Оренбургской пограничной комиссии Бизянов с двумя отрядами в 500 казаков в течение двух месяцев (с 15 марта по 12 мая) преследовали аулы адаевцев, делая ежедневно от 60 до 80 верст.

¹⁴³ В 1859 г. Оренбургская пограничная комиссия была переименована.

¹⁴⁴ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 4, л. 50.

¹⁴⁵ *Иванов М. И.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 г. СПб., 1874, с. 87.

Они отобрали у них много верблюдов¹⁴⁶, уничтожили аулы непокорных, убили до 450 человек, взяли пленных¹⁴⁷. Это был грабеж. И он не мог не вызвать возмущения народа. М. И. Иванин, один из первых комендантов Ново-Петровского укрепления, писал: «Принудительный способ особенно приобретения верблюдов вызвал со стороны киргизов скрытое недовольство и открытое сопротивление»¹⁴⁸. Это происходило вопреки подачкам биям, угрозам Оренбургской пограничной комиссии карать виновных как изменников государства¹⁴⁹.

Вожаками для верблюдов были бедные люди, собранные по наряду. В сборном пункте Акбулаке 300 верблюдовожатых отказались следовать с отрядом и только расстрел трех заставил их смириться.

Начиная с 1840 г. казахи Младшего жуза, в том числе адаевцы, ежегодно выставляли от 3500 до 4000 верблюдов со всеми принадлежностями для выюка и жожаками: на каждые 5 верблюдов выделялся один человек сроком на 4—5 летних месяцев. Чиновники местного управления, по свидетельству В. В. Григорьева, «под угрозой наказания» заставляли казахов исполнять бесплатно разные натуральные повинности, обеспечивать чиновников местного управления транспортом; делали поборы якобы для содержания гимназии (с двух кибиток по одному барану), вестовых при султанах-правителях, дистанционных начальниках, управителях родов; присваивали кибиточную подать, поступления в счет натуральной повинности. В этом был небезгрешен и местный начальник казахов Мангышлака бий Б. Маяев¹⁵⁰. С каждой кибитки в 1860 г. адаевцы и другие роды платили по одному барану¹⁵¹. Сборы взыскивались «поровну с бедных и богатых»¹⁵².

¹⁴⁶ Там же, с. 193.

¹⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 2159, л. 8—9.

¹⁴⁸ Иванин М. И., с. 154, 176.

¹⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2079, л. 277; д. 50, л. 40.

¹⁵⁰ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, с. 53.

¹⁵¹ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. 2. Спб., 1898, с. 127; ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1237, л. 4—6.

¹⁵² Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, т. 2, с. 162.

Взимание кибиточной подати с казахов Младшего жуза началось в зиму 1837 г. Сначала ею облагались казахи, зимовья которых находились в пределах казахских линий или прилегали к ним. Официально же этот налог был установлен только в 1844 г. Если в первые годы адаевцам порой удавалось уклониться от взноса подати, то с появлением в 1846 г. на Мангышлаке военного укрепления, с упрочением колониальной власти на юге Оренбургской степи они вынуждены были вносить ее регулярно, причем зачастую дважды — первый раз коменданту или местному начальнику при Александровском форте, когда прикочевывали зимовать на Мангышлак, второй — султану-правителю Западной части Младшего жуза, когда переходили на летовки. Поскольку адаевцы, как шомышты-табынцы, назаровцы и другие роды, были двоеданцами, то за пользование пастбищами они платили зекет, чуп пули и другие сборы еще и Хивинскому ханству.

О размерах поступлений от кибиточной подати точных сведений нет; но известно, что адаевцы ее вносили натурой — баранами. Никаких документов, свидетельствующих об уплате этого налога, им не давали. Комендант Александровского форта, имевший право расходовать кибиточную подать по своему усмотрению, содержал на эти средства воинскую команду в степи¹⁵³. Колониальные власти для каждого рода определяли лишь общую сумму подати, исходя приблизительно из количества в нем кибиток. Внедряя ее постепенно, без осложнений, они ежегодно увеличивали число облагаемых кибиток, а с кого сколько взимать, решали правители-феодалы. Размеры кибиточной подати все возрастали. Если сбор ее в 1837 г. составлял 23 259 руб., то в 1865 г. — 285 240 руб.¹⁵⁴ От взноса подати царизм никого не освобождал. Аульская беднота, джатаки-пастухи, батраки на линиях платили в одинаковом размере с богачами. Особенно разоряла кочевников ссуда с высокими процентами у торговцев для уплаты государ-

¹⁵³ *Линевич И.* Статистические сведения о Мангышлаке. Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с. 53.

¹⁵⁴ *Материалы по истории политического строя Казахстана.* Т. 1. Алма-Ата, 1960, с. 267.

ственных налогов. При переводе на деньги подать, разные сборы, повинности и сбор за билеты на право наниматься на линии составляли, по заявлению Степной комиссии, в 1865 г. 10—12 рублей в год с кибитки¹⁵⁵.

Более всего от разного рода налогов и повинностей страдало трудовое население. Сами чины управления (Любимов из МИД, Ладыженский — председатель Оренбургской пограничной комиссии, чиновник д' Андре) еще в середине XIX в. считали несправедливым взимание податей с бедных, так как они «вынуждены бывают продавать последнее имущество (таганы, котлы)», предлагали ее дифференцировать¹⁵⁶.

Налоги собирались насильственно при содействии военной силы: султанов-правителей всех трех частей Младшего жуза сопровождал отряд в 200 казаков, с адаевцев подать собирал или комендант или дистанционные начальники при отряде в 40 казаков. Такой порядок не мог не вызвать недовольства и сопротивления народных масс. В архивах сохранились документы, свидетельствующие о массовом «уклонении» казахов от уплаты налогов. При этом отказывались платить налоги не только отдельные лица, но и целые роды, в том числе и адаевский. Известно несколько случаев, когда казахи оказывали вооруженное сопротивление сборщикам налогов, убивали их, отбирали собранные ими деньги¹⁵⁷.

Большое развитие на Мангышлаке принимает торговля, которая носила меновой характер. Имея поддержку властей, торговцы здесь, не зная конкуренции, действовали совершенно свободно. При этом они не только обсчитывали, обмеривали население, но и произвольно завышали цены на свои товары. Эти злоупотребления достигли таких значительных размеров, что даже М. И. Иванин с возмущением писал: «Торговцы вознаграждают себя барышами или обманом, что более вредит торговле, прочному сближению и расположению

¹⁵⁵ По поводу статьи Л. Арасанского о причинах волнений в киргизских степях бывшего члена Степной комиссии. — «Современная летопись», 1869, № 24.

¹⁵⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 239—245.

¹⁵⁷ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 180, л. 14; д. 408, л. 43—44.

к нам туземцев»¹⁵⁸. Чиновник особых поручений Пограничной комиссии Костромитинов, посетивший Мангышлак в 1851 г., также отмечал, что «в Ново-Петровском укреплении торговцы за трех баранов дают только четверть¹⁵⁹ ржаной муки, тогда как в Гурьеве за то же количество баранов отпускают две четверти муки»; муку же в оба пункта привозили из Астрахани по одинаковой цене¹⁶⁰. Баранов, вымененных у казахов, торговцы продавали на линии по 4—4 р. 50 к. за голову¹⁶¹. «Армяне,— писал он позднее,— не церемонятся с туркменскими рыбаками. Они оценивают их товар крайне низко, пользуясь тем, что этим беднякам не у кого, помимо них, приобрести себе пропитание». За четверть муки ценой 6 руб. туркмены давали от 15 до 18 тыс. шт. мерных¹⁶² красных рыб. В обмен на рыбу они получали хлеб и разные товары, причем, как правило, самого низкого качества.

Разорившиеся в результате колониальной, феодальной эксплуатации казахи издавна уходили на казачьи линии, в оседлые пункты в поисках средств к существованию. С середины XIX в. их число непрерывно росло¹⁶³.

Однако они не могли стать постоянными жителями линии, так как им запрещалось заниматься земледелием, вести оседлый образ жизни¹⁶⁴. Это связано с тем, что, как известно, царизм хотел сохранить скотоводство как главную отрасль хозяйства казахов. Бедняки-казахи Мангышлака становились чернорабочими, ловцами, тюленебойцами, грузчиками, рабочими соле-разработок, каменотесами, угледобытчиками. Эта самая дешевая рабочая сила жестоко эксплуатировалась на

¹⁵⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18 282, л. 6—7.

¹⁵⁹ Четверть ржаной муки весом около 4 пудов стоила 6 рублей.

¹⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 3880, л. 151—160.

¹⁶¹ «Уральские войсковые ведомости», 1870, № 6, с. 6.

¹⁶² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы по географии, статистике России. Спб., 1865, с. 161—167; Петриченко. Каспий и его промышленность.— «Морской сборник», 1862, № 8, с. 158.

¹⁶³ В это время на обеих казачьих линиях находилось до 37 тыс. человек. (Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 6305, л. 137, 656, 713; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 2709, л. 29).

¹⁶⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 190, л. 77.

рыбных, соляных промыслах, на трудоемких сельскохозяйственных работах, пастьбе табунов, на строительных работах. Рабочие на линиях зарабатывали 3—4 руб. в месяц, а на Мангышлаке ловцы за сезон (2—3 месяца) 4—5 руб., чернорабочие — 6 руб в месяц¹⁶⁵. По царскому закону еще в 20-х гг. XIX в. батраки за право наниматься на линии платили казне за билет сроком на 1 месяц 20 коп., а на год — 2 р. 45 к.¹⁶⁶ Сбор от продажи билетов в 1847 г. составлял 14 207 р. 16 к.¹⁶⁷

Опасаясь отрицательных действий батраков, еще за десятилетия до введения Положения 1868 г. колониальные власти установили ряд ограничений, препятствующих наплыву их на линии. К найму допускались те, кто имел письменное разрешение от местных начальников. На линиях «праздношатающихся» бедняков-казахов задерживали и отправляли на военную службу или передавали султанам-правителям¹⁶⁸, а по месту работы на линиях их брали на особый учет.

Казахам запрещалось переходить из одного жуза в другой. За тайный переход из Внутренней орды в Младший жуз и обратно закон карал арестом¹⁶⁹, а чтобы получить разрешение для ухода на заработки, требовалось письменное заверение 25 одноаульцев «о надежном его поведении», подтверждение этого местным старшиной, уплаты за год вперед всех повинностей¹⁷⁰. Позднее (1857—1868 гг.) колонизаторы поступали с джатаками, батраками на линии еще более жестоко. Из меновых дворов около Оренбурга, Троицка и других городов были удалены все батраки с семьями, занимавшиеся починкой купцам тюков, поденной работой. Такая же участь постигла 335 семей байгушей, которые жили за счет добычи соли из озер Тузтюбе, Акжал около г. Гурье-

¹⁶⁵ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 663, л. 168.

¹⁶⁶ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 2038, л. 15—16, 39.

¹⁶⁷ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 408, л. 891.

¹⁶⁸ *Рязанов А. Ф.* На стыке борьбы за степь.— «Труды Оренбургского отдела Государственного географического общества», вып. 1, (XXVI). Оренбург, 1928, с. 53.

¹⁶⁹ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 6112, л. 3.

¹⁷⁰ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 1933, л. 11—12.

ва. Все они были выселены в степь в свои родовые деления¹⁷¹.

Таким образом, к половине XIX в. в жизни казахов-адаевцев, обитавших в чрезвычайно суровых природно-климатических условиях, каждый день которых был борьбой за существование, произошли большие перемены. Попытки хивинских ханов, издавна стремившихся подчинить население Мангышлака своей власти и использовать их против продвижения России к восточным берегам Каспия — подступам к Хивинскому ханству — оказались безуспешными. В 30—40-х гг. XIX в. восточные берега Каспия были присоединены к России. Однако это не оградило адаевцев от набегов хивинцев, так как России выгодно было отсутствие твердой границы с Хивой для дальнейшей экспансии в Средней Азии. Более того, осуществлявшиеся в течение 30 лет колониальные меры вызвали острый недостаток пастбищ, усилили социально-экономический гнет, произвол царских властей, что породило нищету, глубокое недовольство народных масс, создало острую политическую обстановку в западной части Казахстана в третьей четверти XIX в.

¹⁷¹ Веселовский Н. И. Григорьев В. В. По его письмам и трудам. Спб., 1887, с. 055.

РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ КАЗАХОВ МАНГЫШЛАКА В 70-х гг. XIX в.

Временное положение об управлении степными областями 1868 г. и его проведение в Младшем жузе и на Мангышлаке

Относительно быстрое развитие промышленного капитализма в России после отмены крепостного права усилило роль Казахстана как рынка сбыта и богатейшего источника сырья. Довольно образно об этом сказал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский при открытии Оренбургского отдела Императорского русского географического общества в 1868 г.: «...Киргизская степь абсолютно необходима России; ...без Киргизской степи обнаружился бы в хозяйстве нашем весьма чувствительный пропуск, настолько чувствительный, что если бы сию минуту она не принадлежала нам... мы были бы вынуждены завладеть ею»¹.

Казахстан для царской России являлся, как уже говорилось, еще и плацдармом для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию, значение которой для российской промышленности особенно возросло в связи с разразившимся хлопковым кризисом на мировом рынке в начале 60-х гг.

В это время позиции царизма в Казахстане были прочными. После соединения в 1865 г. сибирских и семиреченских военных линий в районе Ташкента Казахстан оказался в тылу царских войск. По подсчету Д. И. Романовского, директора Азиатского департамента Военного министерства, в этот период в пределах Казахстана размещалось до 400 тыс. казаков и 23 линейных батальона регулярных войск, «употреблявшихся

¹ «Записки Оренбургского отдела ИРГО», 1870, вып. 1, с. 21.

почти исключительно на службу в степи»². Это сделало возможным приблизить управление в Казахстане к русскому.

21 октября 1868 г. царем было утверждено Временное положение об управлении степными областями³, которое подлежало проведению в виде опыта в течение двух лет с 1 января следующего года.

В основу административного деления края был положен территориальный принцип. Теперь Казахстан делился на области, уезды (с обозначением их естественной границы), волости и административные аулы. Последние состояли из кибиток (от 100 до 200), имевших общие зимние стойбища, без учета принадлежности к родам. На все высшие должности областного, уездного управления назначались только царские чиновники, главным образом офицеры из дворян и казаков; в их распоряжении находились войска, полиция, тюрьма.

Младший жуз делился на две области — Тургайскую и Уральскую. С целью «прочного утверждения русской власти... и соединения казаков с киргизами» последняя область была образована из территории Уральского казачьего войска, Западной части Младшего жуза. Во главе области стоял военный губернатор, он же наказной атаман Уральского казачьего войска. Каждая область делилась на 4 уезда. Низовое звено местного управления, начиная с аульных старшин до младших помощников уездного начальника, формально выбиралось населением из числа «благонадежных» местных феодалов, что окончательно подрывало политический престиж султанов. По словам В. В. Григорьева, известного востоковеда, председателя Областного правления оренбургских киргизов, «нигде в мире глава народа и аристократия по происхождению не имели так мало значения, так мало действительной силы, как ханы и султаны у киргизов»⁴.

² Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. М., 1865, с. 21.

³ Текст Временного положения находится в ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 246, л. 1—17.

⁴ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии.— Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб., 1884, с. 233—261.

Такое деление степи привело к нарушению издавна сложившегося порядка использования пастбищ, к раздроблению крупных родов, что ослабило влияние их правителей, к ограничению свободного передвижения кочевников. Переход из одной административной единицы в другую допускался с разрешения «полицейских властей». Притом переходящий должен был уплатить за 3 года вперед причитающийся с него налог по натуральным повинностям, «черному побору» и т. д.

Теперь над населением возвышалась крепкая военно-бюрократическая машина, главная цель которой — держать народ в полном повиновении. Положение 1868 г., подготовленное всей предшествующей политикой царизма, оформило Казахстан как колонию.

Колониальный характер Положения наиболее ярко проявился в земельной политике. Все земли, занимаемые казахами, объявлялись собственностью Российского государства и предоставлялись последним в «общественное пользование», а пользование летними кочевьями по-прежнему определялось «народным обычаем». Зимние стойбища распределялись в зависимости от количества скота и размеров хозяйства. Отведенный участок, если на нем возводились жилые и хозяйственные постройки, переходил в частную собственность. Как видим, новая земельная политика поощряла крупных скотовладельцев, что было в интересах царизма. Положением также предусматривался отвод земли для целей колониального управления (уездным управлениям, военным укреплениям, почтовым станциям и пр.). Положение предоставляло российским переселенцам право бесплатно получать землю, лес, заниматься земледелием, торговлей, ремеслами, промыслами. Фактически же этими льготами могли пользоваться только зажиточные люди.

Повсеместно вводилась единая система налогов — кибиточная подать, земский сбор. Размер кибиточной подати составлял 3 руб., (а раньше 1 руб. 50 коп.), земского сбора — 50 коп. в год. Кроме того, вводились натуральные повинности, волостные поборы, не определявшиеся никакими законами, а потому получившие впоследствии название «карашыгын» (черные поборы). Размер подати возрастал с каждым годом. То же самое

было и с натуральной повинностью. Первоначально она складывалась из следующих статей: содержание всей низовой администрации (волостных, аульных и их писарей, вестовых), содержания в исправности почтовых трактов (военных дорог), обеспечение транспортом, жильем выезжающих в степь чиновников, проходящих войск. Все виды натуральных повинностей переводились на деньги и раскладывались «обществом» на всех. По принципу круговой поруки за недоимщика налоги вносило общество, а с виновника взыскивалось путем отдачи его на заработки сроком на год, продажи его имущества. Для бедняков, идущих на заработки, билетный сбор был заменен паспортным. Основная тяжесть налогов, как прежде, ложилась на массы трудящихся. От них в наибольшей степени страдала в первую очередь слабообеспеченная часть населения.

Существенные изменения внесены и в систему судебного устройства в Казахстане. Были установлены военный суд, суд по общеимперским законам и сохранен ограниченный в деятельности и приспособленный к целям колонизации феодальный суд — суд биев. Власть военного суда была распространена на новые категории уголовных преступлений, которые раньше рассматривались в общегосударственных судах. По Положению, военные суды разбирали дела не только за совершение «политических» преступлений (измена родине, убийство, барымта, возмущение против правительства, захват русских), но и за совершение целого ряда категорий общегосударственных преступлений (убийство христианина, должностных лиц, лиц, желавших принять христианство, нападение на почту, военные транспорты, купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, похищение казенного имущества).

Суровые приговоры военно-судных комиссий и военно-полевых судов (тюрьма, каторга, расстрел) на основании военно-уголовных законов империи не подлежали просмотру прокурора, а поступали лишь на утверждение военных начальников и на ревизию главного военного суда.

Положение 1868 г. в целом было направлено на усиление колониального и феодального гнета. Естест-

венно, что оно, как мероприятие колониальное, повсеместно вызвало возбуждение и сопротивление всех слоев населения, особенно простых кочевников, интересы которых ущемлялись в первую очередь.

В декабре 1868 г. организационные комиссии выехали в степь для проведения Положения. Прежде всего они должны были провести учет кибиток, выборы десятников, пятидесятников, избрать аульных старшин, волостных управителей, сформировать аулы, собрать по новой норме кибиточную подать. Эти комиссии натолкнулись на сопротивление аулов.

Джатаки-рыбаки, занимавшиеся рыбной ловлей в устье р. Эмбы, состоявшие в основном из тобыр-адаевцев, собрав отряд в 400 человек, окружили комиссию Гурьевского уезда, состоявшую из 12 вооруженных человек (в том числе 6 конвойных казаков), забрали транспорт, продовольствие, а затем выгнали из аула.

В начале февраля организационные комиссии каждая в сопровождении 25 казаков и бывших султанов-правителей снова выехали в степь. Тогда же для содействия комиссиям и усиления гарнизонов степных укреплений были посланы в Эмбенский пост отряд из 200 казаков с двумя орудиями под начальством капитана Новокрещенова, по одной сотне в Уральское укрепление, Карабутацкий форт и в Илецкую защиту, две сотни — вниз по р. Уралу. Однако и на этот раз комиссии встретили сильное сопротивление населения, которое требовало «избавить их» от новой подати, от уездных начальников, т. е. царских чиновников, сохранить свободу перекочевков, отменить продажу земли, выборы десятников. Во многих местах «вооруженные шайки» держали комиссии в осаде до тех пор, пока они не давали подписки не являться больше в степь с предложением принять Положение. В верховьях р. Илек взбунтовавшиеся в количестве 600 человек дважды атаковали отряд Новокрещенова, заставили его спешно уйти в Эмбенский пост и «запереться в нем» до прибытия подкрепления⁵. В конце февраля все организационные

⁵ «Биржевые ведомости», 1869, № 156 (из Оренбурга); Голованов В. Из походных записок о действиях в степи в 1869 г. — «Уральские войсковые ведомости», 1871, № 28.

комиссии вынуждены были снова, вторично, возвратиться на линию.

К весне возмущение аулов переросло в восстание. В степь стали стекаться байгуши, пастухи, батраки, работавшие у казачьей верхушки, у разных предпринимателей. Они располагали транспортом, продовольствием, оружием, захваченными у врага — казачьей верхушки, у «своих» феодалов, активно поддерживавших колонизаторов. В течение марта — апреля они совершили 15 нападений на казачьи станицы, форпосты⁶.

Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский докладывал правительству 17 марта: «Не подлежит сомнению, что киргизские шайки достигли значительных размеров. Шайки эти занимаются грабежом и держат народ в страхе. По словам преданных нам киргизов эти шайки состоят преимущественно из самых бедных и безнравственной черни... ищущих наживы на счет зажиточного класса, среди производимых ими смут... из киргизов же зажиточных... только некоторые принимают в нем участие да и те... по необходимости»⁷.

В марте вся Уральская область, западная и южная части Тургайской области были охвачены брожением и восстанием. Восстание родов, которые сосредоточились в окрестностях оз. Шалкар, урочищ Ханколь, Азнабай, Тайпак, Уленте, Курайле, Шидерте, Анкате, Кандыке возглавили Сеил Туркебаев, старшина отделения карабура алачинского рода, Беркин Успанов из рода байбакты. Во главе каждого рода стоял вожак, как правило, бедняк. Восставшие заготавливали копья, шашки, закупали оружие, порох, лом.

Все степное пространство от р. Эмбы на север и юг находилось под контролем восставших. На самых важных пунктах были поставлены конные и даже пешие посты. Повстанцы выступили против колонизаторов, российских купцов, торговцев и «своих» феодалов.

Особенно длительной и упорной была борьба казахской бедноты против своих угнетателей. С марта по

⁶ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 25, 44, 173, 285—286, 292, 628; ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 13, л. 11—12, 15, 19, 108—113; «Современные известия», 1869, № 87. [Корреспонденция из Оренбурга].

⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 18, л. 2—4 с об; д. 13, л. 9—10.

июнь был совершен 41 набег на аулы биев, султанов, волостных управителей, аульных старшин. В этой борьбе в общей сложности участвовало до 3 тыс. человек. В донесениях же чаще всего не указывается количество восставших, а говорится «многочисленная вооруженная шайка». Ими в целом было захвачено более 4 тыс. лошадей и несколько раз «целые табуны»; до 300 верблюдов, 640 голов рогатого скота, 850 баранов, имущества на 45 256 руб., 6 кибиток, уничтожены документы волостных, шнуровые книги, в которые заносились данные о кибиточной подати. Убито с обеих сторон 31 человек, ранено 93, попало в плен со стороны восставших 6 человек⁸.

Повстанцы нарушили связь степных укреплений с административными центрами, с казачьей линией, колониальной администрации с феодалами, находившимися в стане восставших; уничтожили почтовые станции на тракте Орск — Казалинск; подготовленные к отправке в разные степные укрепления, в Туркестанский край обозы (35,2 тыс. пудов), молодых солдат, сменные казачьи войска (4319 чел.) были возвращены на казачьи линии; прекратилась торговля Оренбургского края с Бухарой, Туркестаном, со степью.

В апреле казахи, «принявшие Положение», за исключением наглухо запертых внутри Новолинейного района, уже открыто переходили на сторону восставших. Вся степь Младшего жуза вышла из повиновения. Лишь роды шекты, шомышты-табын из-за предательства биев отошли от восставших.

Против восставших было выставлено более 5300 вооруженных казаков⁹ и до 20 орудий с артиллеристами¹⁰.

⁸ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 25, 78, 100, 112, 114, 137, 163—164, 203—204, 215, 628; ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 13, л. 12.

⁹ В том числе 567 человек (57 офицеров, 510 стрелков) в мае прибыло из Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского военных округов, а в июне — 2 стрелковых батальона, 8-орудийная батарея (ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6812, л. 105, 195—196).

¹⁰ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 232, л. 3—39; «Современные известия», 1869, № 176. [Корреспонденция из Оренбурга]; «Биржевые ведомости», 1869, № 82, Оренбург. [Внутренняя почта]; *Юр-ко*. Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его. — «Голос», 1870, № 23.

Кроме этого, в каждом степном укреплении — Уральском, Карабутаком, Эмбенском — имелся гарнизон по две сотни, 50 человек пехоты, 2 орудия и 12 человек к ним прислуги¹¹. Отдельные укрепления (Эмбенский пост) имели еще особую команду в 170 человек.

Войско, разделенное на несколько отрядов, в начале мая выступило в степь. Испугавшись расправы, многие казахи, возглавляемые феодалами, отделились от «решительно отвергающей Положение части восставших».

Наиболее же активные участники восстания продолжали борьбу. Так, в урочище Жамансай около 20 тыс. казахов в течение 7 дней держали в окружении отряд фон Штемпеля, состоявший из 500 солдат с двумя орудиями, при отряде находилось до 400 повозок, нагруженных материалами, предназначенными для строительства Уильского укрепления, продовольствием¹². Потеряв повозки с продовольствием, 3 человек убитыми, 5 ранеными, отряд вынужден был уйти с Казбекской высоты в Калмыковскую крепость. Несмотря на большие потери, восставшие долго преследовали отряд. Другая часть восставших около р. Ащибулак схватилась с отрядом майора Приорова, состоявшим из одной сотни, 50 стрелков.

Смелое нападение восставших на царские отряды приостановило действия других отрядов. 19 мая отряд Юрковского с урочища Анкат отступил к Илецкому городку. Другой отряд, возглавляемый подполковником Рукиным, состоявший из трех сотен с двумя орудиями, тоже отступил к Калмыковской крепости¹³. Восставшие небольшими партиями преследовали и этот отряд.

Действия повстанцев с каждым днем становились все упорнее и решительнее: вестового, посланного в Оренбург с урочища Жамансай, восставшие задержали, отобрали у него конверт с сообщением о случившемся с отрядом фон Штемпеля; следовавших вслед за ним

¹¹ «Современные известия», 1869, № 176. [Корреспонденция из Оренбурга].

¹² Последние события в киргизской степи.— «Русский инвалид», 1869, № 119; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6812, л. 225.

¹³ Юр-ко. Очерк восстания в Уральской области в 1869 г. и усмирение его.— «Голос», 1870, № 23.

почтаря И. Бородина и бия Бегалина убили; 12—20 мая на четырех станциях по Орско-Казалинскому тракту казахи сожгли станционные дома, телеги, сбури, увели лошадей, захватили смотрителей; 16 июня поймали двух вестовых казахов и отняли у них письмо генерал-майора Веревкина к начальнику отряда Рукину и воззвание его к биям, находившимся в стане восставших; угнали с Уральского укрепления 300, с Эмбенского поста 200, с Уильского 20 казачьих лошадей; вокруг Уильского укрепления все время бушевал пожар. Еще в марте, когда слух «о беспорядках» дошел до царя, он «неоднократно выражал» Милютину «о необходимости принятия самых энергических мер для укрощения неповиновения между киргизами в самом зародыше и предупреждения тем возникновения более важных беспорядков»¹⁴.

Колонизаторы не на шутку встревожились. По их выражению, «судьба русской власти в степи поставлена на карту, находится в критическом положении». 10 июня Милютин телеграфировал Крыжановскому, «чтобы Н. А. Веревкин и Баллюзек действовали решительно... дабы не дать мятежу продлиться и чтобы разом положить ему конец»¹⁵.

Разгром восстания возглавлял военный губернатор Уральской области, генерал-майор Н. А. Веревкин. Прежде всего он решил ударить по восставшим в районе бассейна р. Уил, где были сосредоточены их основные силы, и отрезать им путь к отступлению. Два отряда под командованием графа Комаровского и подполковника Веревкина двинулись на средний Уил, один с реки Ки-ила, другой с Эмбенского поста. Сам генерал-майор Веревкин с двумя местными командами, с ротой стрелков (всего 1700 вооруженных солдат) 21 июня выступил из Калмыковской крепости в направлении к Уилу; сюда же шел Рукин с отрядом в 3 сотни.

Восставшие в это время сосредоточились в среднем течении р. Уил с целью приостановить строительство военного укрепления в урочище Казбек. Однако осуществить это им не удалось.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6812, л. 45—46.

¹⁵ Там же, л. 168.

Слух о выступлении большого войска расстроил ряды восставших. Умеренная часть во главе с биями, (более 11 тыс. кибиток) отделилась и позднее явилась в урочище Беркин к генерал-майору Веревкину «с изъявлением покорности»¹⁶. Основные части повстанцев во главе с руководителями восстания С. Туркебаевым, Б. Усмановым, Д. Рыскуловым, Ш. Сутимгеновым, О. Накановым и другими пытались еще сопротивляться царским войскам, однако силы были неравны, и они отступили на юг. Около 57 тыс. казахов — самая активная, непримиримая часть восставших — ушли в Среднеазиатские ханства.

Восстание 1869 г. по причинам возникновения, целям и задачам, по движущим силам является антиколониальным, антифеодальным, крестьянским движением. Султаны, крупные бии, за исключением некоторых, в восстании не участвовали. Некоторые бии и старшины, примкнувшие к восстанию, нередко проявляли половинчатость и пытались направить борьбу на путь мирных переговоров с колонизаторами или на расправу с неугодными царскими чиновниками.

Колонизаторы жестоко расправились с восставшими. Они разгромили огромное количество аулов, подожгли землянки, стога сена, отобрали у казахов скот, имущество. На территории, где располагалось более 71 тыс. кибиток, введено Временное положение. В качестве штрафа за беспорядки с населения взыскали по 1 руб. с кибитки, сверх того 143 305 руб. для удовлетворения исков торговцев, казачьей верхушки; скот, отбитый при преследовании восставших, поступил в казну. Всех руководителей и активных участников восстания, успевших скрыться от преследования, военный суд заочно приговорил к разным мерам наказания — к каторжным работам сроком 12—15 лет, изгнанию из пределов России. Сеил Туркебаев, не выдержав истязаний, до суда умер в тюрьме г. Уральска.

Итак, восстание казахов против колониального господства в Младшем жузе в 1869 г. было жестоко подавлено. Наступила реакция. Народ временно отступил.

¹⁶ Голованов В. Из походных записок о действиях в степи в 1869 г.— «Уральские войсковые ведомости», 1871, № 33.

Нужно было время, чтобы собраться с силами для продолжения борьбы за свои права.

Фактическое введение Временного положения на Мангышлаке относится к 1870 г.

К решению отложить введение Положения на Мангышлаке царские власти пришли не сразу. Коррективы были внесены восстанием казахов Младшего жуза в 1869 г. В феврале, когда восстание в Младшем жузе еще не приняло широкого размаха, царские власти решили: при переходе адаевцев с Мангышлака на р. Эмбу с их биев и старшин взять подписки с обязательством при возвращении на зимовки «немедленно и беспрекословно принять Положение». Тогда же в Эмбенский пост был послан отряд из двух сотен казаков.

Адаевский и другие летующие в районе р. Эмбы роды местные власти предполагали объединить в особый округ с управителем из влиятельных казахов и собрать с них подать по новой норме (3 р. 50 к.)¹⁷. Но в связи с восстанием, охватившим весь Младший жуз, власти, опасаясь, что адаевцы «соются с восставшими»¹⁸, вынуждены были объявить им, что у них остается старое управление¹⁹.

Восстание казахов Младшего жуза показало, что адаевцы не примут спокойно Временного положения, что вводить его надо «при особых условиях», «при наступлении благоприятного времени»²⁰.

Осенью 1869 г. как только была «умиротворена» степь Тургайской и Уральской областей, оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, уральский военный губернатор Н. А. Веревкин вплотную приступили к подготовке введения Положения на Мангышлаке. Теперь они уже не посылали на места организационной комиссии, как в Младшем жузе, а решили сразу использовать силу оружия, власть адаевских биев и старшин, т. е. введение Положения на Мангышлаке с самого начала носило насильственный характер.

¹⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 18, л. 2—4.

¹⁸ Потто В. Гибель отряда Рукина в 1870 г.— «Исторический вестник», 1900, № 7, с. 122.

¹⁹ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 18, л. 2—4 с об.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 2, л. 39; Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 41, 370, с. об.

В укреплении позиций царизма на Мангышлаке, на восточном берегу Каспия, важнейшую роль играли два военных округа — Кавказский и Оренбургский.

Оренбургский генерал-губернатор занимался укреплением южной части области, куда входили летовки адаевцев, расположенные в бассейнах рек Эмбы, Саги-за, Уила. В октябре 1869 г. для усиления гарнизонов²¹ Уильского, Уральского, Эмбенского укреплений (последние являлись центрами Иргизского, Эмбенского уездов) были выделены 4 сотни казаков, 2 особые команды (Оренбургская, Уральская по 170 человек каждая), 3 взвода (Донской 8-конной батарее), 2 роты стрелков, 2 ракетных станка с артиллеристами (по 14 человек)²². Тогда же был образован Особый комитет под председательством Н. А. Крыжановского. Уездным начальникам указанных уездов, вошедшим в этот комитет, вменялось в обязанность следить за порядком прикочевывающих весной адаевцев, не принявших еще Положения, и держать войска в боевой готовности.

Вскоре на летовках адаевцев (низовья Эмбы, урочище Масше) было построено третье на этой реке военное укрепление. Докладывая военному министру об этом, Н. А. Крыжановский писал: «Вопрос об удержании в повиновении адаевцев можно считать наполовину решенным, так как весьма значительная часть этого дикого племени при вкочевывании в пределы округа и при выкочевывании отсюда в глубь Устюрта будет находиться в районе действия нового укрепления»²³. Теперь в укреплениях, расположенных только на верхнем и нижнем течении р. Эмбы, находилось 8 рот пехоты, 8 сотен казаков с 8 конными орудиями.

Крыжановский добился разрешения выставить отряды за Эмбой и очистить Устюрт, «ибо,— писал он,— Мангышлак и Устюрт... никогда не считались обеспеченными от беспорядков, адаевцы никогда не были вполне

²¹ Гарнизоны степных укреплений состояли из двух сотен казаков с двумя орудиями, ротой стрелков, некоторые имели еще особую команду из 170 чел. («Современные известия», 1881, № 187, с. 3. [Дела в Оренбургской степи].

²² Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 232, л. 3—39.

²³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6848, л. 62.

подвластными, чтобы до введения Временного положения, у них ввести... хотя бы некоторый порядок»²⁴. Отряды должны были выступить в конце марта, т. е. к началу перехода адаевцев с Мангышлака на летовки. О расстановке отрядов и целях их движения Н. А. Крыжановский докладывал кавказскому наместнику: «Для водворения некоторого порядка среди диких адаевцев, подчинения их Временному положению мною предписано распределить означенные войска следующим образом. Отряд (две роты, две сотни, два конных орудия) под командованием подп. Байкова должен был двигаться по Устюрту, включая пески Сам и Матай. Отряду из трех рот, двух сотен и двух конных орудий под начальством генерал-майора Бизянова предстояло «обследовать» территорию от Эмбенского поста до ур. Кандаралы и Желтау, Мынсуалмаз. Отряд под командованием подп. Саранчева в составе трех рот, двух сотен с двумя конными орудиями должен был «охранять» территорию от ур. Есенберды до ур. Тойтарчоку и наступать против адаевцев, направлявшихся на летовки к заливу Мертвый Култук, находящемуся между чинком Устюрта и побережьем Каспийского моря. Отряд подп. Новицкого (одна сотня, две роты, с двумя орудиями) находился в Эмбенском посту в резерве²⁵. Таким образом, вся территория летних кочевков адаевцев оказалась поделенной на военные пункты, занятые отрядами царских войск, которые под предлогом «обследования» территории в различных направлениях установили контроль за переходящим на летовки населением Мангышлака.

Укрепление своих позиций на восточном берегу Каспия царское правительство проводило главным образом в связи с подготовкой к походу на Хивинское ханство. Решено было овладеть Красноводским заливом, откуда можно было не только завладеть Хивой, но и проникнуть в глубь Средней Азии, послать летучие отряды к Аральскому морю, направить торговые караваны в Красноводск. «Восточный берег Каспия,— писал Л. Костенко,— является наиболее надежной базой для отда-

²⁴ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 241.

²⁵ Там же, д. 72, л. 178—179.

ленных предприятий во внутрь Азиатского материка»²⁶.

По приказу особого комитета «По делам Каспийского моря» 8 ноября 1869 г. кавказские войска (1570 солдат) перешли в наступление и вскоре заняли заливы Красноводский, Ташарваткала (пост Михайловский и колодец Муллакари)²⁷. Опорной базой в юго-восточной части Каспийского моря был определен Красноводский залив. Для подкрепления высадившихся войск было решено перебросить не позже конца марта две линейные роты, две конные сотни, лошадей для одного взвода, полевые орудия, скорострельные винтовки; в резерве находились почти шесть батальонов пехоты, 12 орудий и четыре сотни казаков²⁸. Морское министерство через Бакинский порт выделило одно паровое судно и несколько легких судов. Морскую станцию, существовавшую на острове Ашураде с 40-х гг. XIX в., тоже перевели в Красноводск. Начальнику ее поручалось следить за политической обстановкой в порту, в Балханском заливе, вести крейсерство вдоль всего Восточного берега Каспия²⁹.

В результате занятия Красноводского залива Хива, за исключением юга, оказалась окруженной со всех сторон царскими войсками. В связи с этим отпала необходимость в строительстве военных укреплений со стороны Сырдарьи. Теперь были отрезаны пути отступления адаевцев на юг, к хивинским владениям.

Весной 1870 г. отряд казаков занялся обследованием районов Сарыкамыша, что заставило хивинского хана укрепить свою северо-западную границу. В то же время он приказал разрушить или закопать все колодцы на

²⁶ Костенко Л. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии.— «Военный сборник», 1887, № 11, с. 7.

²⁷ Там же, с. 8. Вопрос о захвате Красноводского залива и о создании там укрепленной фактории был рассмотрен в 1859 г. 4 января 1865 г. по этому же вопросу собрался Особый комитет, куда входили военный министр, управляющий морским министерством, главнокомандующий астраханским портом, директор Азиатского департамента Военного министерства и др. 10 февраля 1865 г. положение комитета о занятии Красноводского залива было одобрено царем (ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 144, л. 4 с. об.).

²⁸ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 72, л. 178—179.

²⁹ Там же, д. 41, л. 17—21.

пути из Красноводска в Хиву, чтобы затруднить продвижение царских войск.

2 февраля 1870 г. вышел указ об отделении Мангышлакского приставства с фортом Александровским от Оренбургского генерал-губернаторства и передаче его в ведение Кавказского наместника. Граница между кавказским и оренбургским ведомствами прошла от залива Мертвый Култук, по северной окраине Устюрта, к Аральскому морю³⁰.

Таким образом, все пространство кочевьев адаевцев оказалось в кольце царских войск.

Причины и начало восстания на Мангышлаке

С введением Временного положения в 1869 г. в Уральской и Тургайской областях мангышлакские казахи потеряли летние пастбища, так как их заняли другие роды. Пользоваться этими пастбищами, согласно новому положению, они могли лишь при наличии «свидетельств», разрешающих переходить из одной административной единицы в другую. Это требование царские власти впервые применили среди казахов Мангышлака в 1870 г. и поставили его в прямую связь с принятием ими Положения.

Эти «свидетельства» выдавались лишь тем отделениям адаевцев, которые приняли Положение и полностью внесли кибиточную подать за два года. Тех, кто не имел таких «свидетельств», не пропускали военные отряды, которые были выставлены на путях их перехода с Мангышлака на север со стороны Оренбургского военного округа.

Таким образом, земельный вопрос у адаевцев с введением Положения стал еще более острым. Их лишили возможности переходить на летовки, более того, лучшие земли отбирались для строительства укреплений. Этим ущемлялись интересы всех слоев населения Мангышлака, что послужило одной из главных причин восстания 1870 г.

Возмущение казахов-адаевцев вызвало также введение новой системы налогов. Согласно реформе, все

³⁰ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 180—183.

казахское население должно было платить, как уже говорилось, по 3 руб. с кибитки и 50 коп. земского сбора. Между тем размер земского сбора для казахов-адаевцев был увеличен до 1 рубля с кибитки. Это было связано с решением разделить территорию адаевцев на два округа, во главе которых поставить двух крупных биев — Б. Маяева и К. Калбина — помощниками пристава с определением жалованья каждому по 400 руб. и 200 руб. в год на наем вестовых³¹ за счет денежного сбора с населения. В период введения Положения властям нужно было сохранить этих двух биев, чтобы использовать их влияние на массы.

Несмотря на то, что на Мангышлаке Положение вводилось лишь с 1870 г., царская администрация потребовала от адаевцев уплаты податей и сборов за прошедший год уже по новой норме. Это означало, что каждый бедняк, пастух, плативший по царскому закону в одинаковом размере с богатыми³², должен был внести 8 рублей серебром. Это было невыполнимо не только для неимущих, но и для многих скотоводов Мангышлака. Неуплата же подати лишала их возможности перекочевывать на летние пастбища.

По уточненным данным, в 1870 г. насчитывалось около 20 тыс. кибиток казахов-адаевцев. Следовательно, за два года они должны были внести 160 тыс. рублей. Кибиточная подать взималась деньгами, но поскольку у большинства адаевцев их не было, то еще до реформы разрешалось часть подати вносить баранами³³.

Отсутствие денег у многих адаевцев объясняется тем, что они кочевали в стороне от торговых путей и от российских селений и рынков. Уильская ярмарка, открытая в 1867 г., лежала на северной границе летовок адаевцев, где они могли торговать только летом. Из-за восстания в Уральской и Тургайской областях адаевцы в течение полутора лет на летовки не переходили и менового торгова не вели³⁴. Требование к казахам

³¹ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 515; ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 22, л. 27—31, 40—41.

³² ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, л. 663.

³³ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 32, л. 3—34.

³⁴ Туркестанский сборник. Т. 41. Ташкент, 1870, с. 14—19.

Мангышлака внести подать сразу за два года в повышенном размере явилось другой главной причиной восстания 1870 г. и обусловило активное участие в нем немущих слоев населения.

В июле 1869 г. летовки адаевцев в районе р. Эмбы подверглись нападению со стороны царских войск, преследовавших восставших казахов Уральской и Тургайской областей. В урочище Масше (низовья р. Эмбы.— М. Т.) отряд, возглавляемый графом Комаровским, угнал у адаевцев 1000 верблюдов, а на Устюрте захватил у них весь скот. Казаки из этого же отряда на р. Бокенбай, окружив аулы адаевцев, угнали 350 лошадей, 150 верблюдов. Тех, кто оказал сопротивление, взяли в плен и подвергли допросу и избиению. Часть мангышлакских адаевцев была разделена на административные аулы. С них собрали кибиточную подать по новой норме. Иными словами, их подчинили Временному положению.

Известен и такой случай, когда военный губернатор Уральской области Веревкин требовал от дистанционных начальников Мангышлака арестовать целую группу людей, в том числе Д. Тажиева, А. Джалмагамбетова, будущих вожаков восстания, якобы за угон скота у казахов Уральской области. Однако арестовать их не пришлось, но Маяев взыскал с них 10 лошадей, а у других адаевцев угнал много скота якобы за ограбление оренбургских купцов. Все это происходило еще до введения у адаевцев Временного положения и, естественно, настроило их враждебно.

По новому административному делению Мангышлакский полуостров входил в состав Уральской области отдельным приставством, подчиняющимся военному губернатору. На должность пристава был назначен подполковник Рукин³⁵. Еще до приезда его на Мангышлак в Уральск были вызваны дистанционные начальники Б. Маяев и К. Калбин, с целью выяснить их отношение к Временному положению и узнать настроение наро-

³⁵ Рукин до этого являлся комендантом Тургайской (Оренбургской) крепости. Активный проводник политики царизма, неоднократно, в том числе в 1869 г., возглавлял карательный отряд по усмирению восставших казахов Уральской и Тургайской областей.

да. Н. А. Вережкин, ознакомив с Положением, пообещал назначить их начальниками округов и после окончательного введения Положения на Мангышлаке представить к повышению в чине и к награждению³⁶. В письме от 20 сентября 1869 г. Н. А. Крыжановскому о беседе с этими биями Н. А. Вережкин писал: «Они заявили, что на Мангышлаке все спокойно и не заметно духа непокорности, что адаевцы жалуются только на грабежи Комаровского и Новокрещенова (начальники отрядов Оренбургского военного округа, действовавших против мангышлакских адаевцев в районе р. Эмбы, Устьюрта осенью 1869 г., о чем было сказано выше. — М. Т.), что кибиточная подать собрана с адаевцев в ничтожном количестве... потому, что киргизы не имеют денег и не продавали скота; скотом же не отказывают платить хоть сейчас же, что хивинцы стараются привлечь и взволновать адаевцев, но до сих пор без значительного успеха... Они подробно ознакомились с Новым положением и ничего неудобного в нем не видят, хотя и не ручаются за всех своих однородцев, полагают, что лучше бы оставить у них прежнюю подать в том уважении, что на Устьюрте угодыя скудны и торговли нет... Помоему, все это похоже на правду. Я им приказал немедленно по приезде созвать съезд биев и старшин, предложить принять Новое положение³⁷.

В конце сентября 1869 г. Маяев и Калбин вместе с Рукиным отправились в Александровский форт³⁸.

³⁶ В это же время Вережкин обратился к Крыжановскому: «чтобы теснее привязать к службе» Б. Маяева и К. Калбина и «за удержание однородцев своих от деятельного участия в киргизском мятеже» (восстание казахов в Уральской и Тургайской областях в 1869 г.), перевести их в зауряд-сотники (Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 349 с об.), на что Крыжановский 29 сентября ответил, что по имеющемуся у него сообщению из Главного штаба от 1 апреля 1867 г., основанному на повелении царя, воинские награды, в особенности воинские чины «не испрашиваются вовсе башкирам, киргизам и др. инородческим племенам», почему он просил Вережкина объявить биям, что «как только они окончат введение Нового положения у управляемых им киргизов, то они будут представлены к награждению» (Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 362).

³⁷ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 362.

³⁸ Там же, л. 342.

В своем сообщении Н. А. Крыжановскому о выезде Рукина на Мангышлак Н. А. Веревкин писал: «Не ограничивая его действия никакими инструкциями, однако, устно сделал некоторое указание — войти в соображение с почетными и влиятельными ордынцами, должностными лицами... в отношении образования из бывшей дистанции волостей, а при невозможности их — оставлять без изменений... Но ему, однако же,— продолжал Н. А. Веревкин,— строго приказано, во всяком случае, ввести теперь же новую кибиточную подать и сбор на земские повинности и немедленно приступить к сбору оных за настоящий год»³⁹ (курсив мой.— М. Т.).

Спустя два месяца Рукин собрал в форт адаевских биев и старшин.

Он удачно выбрал время для осуществления своих планов. Зима и весна для кочевников вообще, а для адаевцев в особенности — самая трудная и ответственная пора в хозяйственной жизни, когда приходится бороться за сохранение скота и молодняка в условиях холода и бескормицы. Рукин старался представить Положение как дар царя казахскому народу, потребовал дать подписку о его приеме и немедленно внести подать за 1869 и 1870 гг. по новой норме⁴⁰. Собравшиеся, выслушав его, молча разошлись. Отдельные бии и старшины, стремившиеся к власти, готовы были поддерживать Рукина. Большая часть кочевников остались глухими к требованиям Рукина и его помощников. Только отдельные старшины из Верхней дистанции, где управителем был Б. Маяев, обязались к 10 апреля 1870 г. продать оренбургским купцам 3105 крупных овец (кунанов) по 3 рубля за голову⁴¹. Казахи Нижней дистанции, в том числе полуострова Бузачи (в основном джатаки-рыбаки) отказались платить подать. Всего за 1869 г. Рукин собрал подать (деньгами и баранами) с

³⁹ Там же, л. 372 с об., 409; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6812, л. 360. Требование немедленной уплаты податей связано с содержанием нового штата управления (Корреспонденция из Оренбурга.— «Современные известия», 1869, № 176).

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 24—25; Юдин П. А. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г.—«Русская старина», 1894, № 7, с. 145.

⁴¹ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 2, д. 28, л. 40—41.

2390 кибиток, что составляло менее 1/7 части от их общего количества.

Опасаясь, что оренбургское начальство обвинит его в бездействии, Рукин решил хотя бы формально провести административную часть реформы. 25 февраля 1870 г. он предписал начальнику Верхней дистанции Б. Маяеву: «Ныне... ввести Новое высокое положение. Признавая в настоящее время провести выборы... неудобным, предлагаю существующие отделения вашей дистанции именовать волостями, а начальников их — волостными управителями»⁴². Заметим, что это относилось к небольшому числу адаевцев, зимующих на юге. В этом же документе говорилось: «Совместно с новыми „волостными“ назначить людей на должность аульных старшин, судебных биев и представить список этих лиц на утверждение». От новых «волостных» Рукин потребовал представления полного списка кибитководельцев. В противном случае — угрожал им наложением штрафа и освобождением от занимаемой должности.

В феврале 1870 г. адаевцы через своих старшин обратились к начальнику Красноводского отряда Столетову за разъяснением порядка введения Временного положения. Столетов подтвердил то, что они знали раньше, что для казахов-адаевцев и туркмен Мангышлака пока должны остаться старые порядки и прежняя норма подати⁴³. Это еще больше усилило сопротивление адаевцев проведению Положения.

Весной, как уже говорилось выше, из Красноводска были посланы войска для «обследования» районов Сарыкамышской котловины. Этот момент Рукин считал самым благоприятным для полного подчинения адаевцев. Он еще раз собрал в форт адаевских биев, старшин и потребовал принятия Временного положения. В противном случае он грозил, что войска Оренбурга не пропустят адаевцев на летовки⁴⁴. В то же время он разослал на места кочевков адаевцев крупных биев в надежде, что они смогут склонить народ к приему Положения. Однако и это не имело успеха. Посланный

⁴² Там же, д. 44, л. 1—3.

⁴³ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 22, л. 27—31.

⁴⁴ Там же, л. 26.

на полуостров Бузачи Кабак Ермамбетов известил Рукина, что «о Новом положении на Бузачах никто не хотел слышать»⁴⁵. Более того, бузачинские казахи отказались дать верблюдов для отряда.

С наступлением первого тепла отдельные аулы тронулись с мест в направлении к летовкам⁴⁶. Рукин решил встретиться с откочевывающими, остановить их, «наказать мятежников», принять меры к введению Положения и взыскать подати⁴⁷. С отрядом в 38 казаков при четырех офицерах и переводчике Бекметове в сопровождении бия Б. Маяева, управителей отделений (всего 60 человек), с обозом из 35 верблюдов 15 марта 1870 г. он выехал из форта в урочище Куруп навстречу откочевывающим аулам. Накануне в рапорте Н. А. Вережкину Рукин писал: «В виду оказания содействия волостным управителям к скорейшему окончанию введения Нового положения, а также к понуждению и принятию мер введения такового Положения в тех частях отделений, которые на принятие еще согласия не изъявили, завтрашнего дня выезжаю в степь. Принимая меры к понуждению введения Положения, отнюдь не будет прибегаться к силе оружия, но постараюсь действовать на более влиятельных киргизов убеждением, разясняя бесполезность всякого с их стороны сопротивления»⁴⁸. «...В настоящее время,— продолжал он,— причина, заставляющая адаевцев принять Новое положение, это «свидетельство», без которого, как я уверил, они не будут пропущены отрядами на летовки... Другая — движение Красноводского отряда к Балханскому заливу до хивинских владений; если найдет место для образования торговой базы, то все будет хорошо, а если Красноводский отряд вернется на Кавказ, то наше влияние здесь неминуемо должно рушиться»⁴⁹.

Появление Рукина с отрядом в степи послужило поводом к восстанию. Один из руководителей восстания

⁴⁵ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 25—26.

⁴⁶ Адаевцы на Мангышлаке пробыли две зимы и лето, что недопустимо в условиях ведения кочевого скотоводства.

⁴⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 35, л. 10; ф. ВУА, д. 6825, л. 48; ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 84, л. 169—192; д. 22, л. 12—14; Потто В. Гибель отряда Рукина в 1870 г., с. 123.

⁴⁸ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 510.

⁴⁹ Там же, л. 511 с об.

Иса Тленбаев говорил потом: «Рукин выступил с отрядом для взимания подати; если кто уклонится от этого сбора, то принудит к этому силой, а адаевцы в свою очередь стали собираться, чтобы воспротивиться этому насилию»⁵⁰. Еще до выезда из форта Рукину было известно, что адаевцы решительно отказываются принимать новое положение и готовятся оказать сопротивление. Он знал также, что в Бузачах под руководством пастуха Досана Тажиева, Исы Тленбаева собралось около 200 казахов, вооруженных 30 ружьями⁵¹. Начальник Нижней дистанции бий К. Калбин советовал Рукину не выезжать в степь. Однако это его не остановило. «Киргизы разбегутся, как только увидят русский отряд»⁵², — сказал он.

В течение недели (15—21 марта) царский отряд прошел колодцы Буурлы, Кунансу, Тубекудук, урочище Уманкоп, колодец Усак без препятствий: аулы отступали. 22 марта за колодцем Инебуазкумардан восставшие большой массой окружили отряд и заявили Рукину, что не пустят его дальше в степь и требовали возвратиться назад, в форт. Ответом был залп из казачьих винтовок. В упорной борьбе казахам удалось преградить путь отряду и заставить его отступать. 23 марта отряд отступил до колодца Усак. Восставшие несколько раз пытались его атаковать, но ружейный огонь не давал им подойти ближе. В эту ночь из отряда ушли все казахи, сопровождавшие его, кроме бия Б. Маяева и его двух джигитов и старика К. Мурзабаева, прослужившего 12 лет почтарем в Александровском форте. Рукин послал письмо к начальнику форта майору Зеленину с сообщением об окружении его восставшими и с просьбой о спешной выручке — послать 20 казаков, одно орудие и по 40 патронов на каждого казака, три ведра водки, медикаменты⁵³.

⁵⁰ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 258/909, д. 35, л. 10.

⁵¹ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 22; *Потто В.* Гибель отряда Рукина в 1870 г., с. 112.

⁵² ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 25 с об.; *Потто В.* Гибель отряда Рукина в 1870 г., с. 122.

⁵³ *Потто В.* Гибель отряда Рукина в 1870 г., с. 122—126; *Юдин П. А.* Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г. — «Русская старина», 1894, № 7, с. 146—148.

24 марта, как только прибыла новая группа людей с полуострова Бузачи, восставшие «громадной толпой» заняли проход в горы Актау, чем отрезали путь отступления отряду к форту. При рукопашной схватке за это узкое ущелье были убиты урядник, два казака и несколько человек со стороны восставших⁵⁴. Теперь Рукин вынужден был повернуть к морю, в каменистые крутые горы, но восставшие уже, несмотря на ружейные выстрелы казаков, не давали им ходу⁵⁵. За ущельем Ушаушганак, что в 120 верстах от форта, восставшие, заняв путь к морю, снова окружили отряд, отбили всех верблюдов, лошадей с вьюками, а самих казаков заставили уйти на уступ горы⁵⁶. Всю ночь, разложив огни, восставшие ездили кругом. Теперь им важно было без жертв разоружить взятых в засаду и оставшихся без воды и продовольствия казаков. Ночью Рукин послал Б. Маяева к восставшим, чтобы тот уговорил их, но тот по выходе из лагеря был убит выстрелом. Очувшись в крайне безвыходном положении, на рассвете 25 марта Рукин вышел на переговоры к восставшим. Он просил их возвратить лошадей, верблюдов и пропустить в форт. Иса Тленбаев, возглавивший восставших, на это согласился с условием, что казаки прекратят огонь, дадут трех офицеров в заложники, а за своим транспортом спустятся вниз, в стан восставших. Когда Рукин привел казаков, Иса предложил им сложить оружие. У Рукина не было другого выхода, кроме как заставить наотрез отказывавшихся казаков разоружиться. Однако человек 17—18 сдали шашечники, ножны, а клинки спрятали в шаровары. По сигналу Исы выскочили сидевшие в засаде казахи, казаки бросились на охранявших оружие восставших. В завязавшейся рукопашной схватке казаки, потеряв 17 человек убитыми, в том числе самого Рукина, вынуждены были сдаться. Так кончилась четырехсуточная борьба восставших с вооруженным отрядом царизма. Победа воодушевила, всколыхнула всех адаевцев.

⁵⁴ Потто В. Гибель отряда Рукина в 1870 г., с. 125.

⁵⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 138—147.

⁵⁶ Юдин П. А. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г., с. 147.

Ход, движущие силы восстания и его подавление

Весть о разгроме отряда Рукина и убийстве Б. Маяева молниеносно разнеслась по всему Мангышлаку. Народ поднимался на борьбу: Семьи со скотом спешно уходили в степь. Ловцы, рабочие рыбных промыслов Слободки форта Александровского и станицы Николаевской бросали работу, захватывали лодки. Начальник гарнизона форта Зеленин писал: «Все работники из киргизов, как и у торговцев, так и у поселян разбежались»⁵⁷. Из судов, отнятых в Сарытасском заливе у рыбопромышленников, рабочие образовали своеобразную флотилию, которая позднее участвовала в осаде Александровского форта⁵⁸. К рабочим-казахам присоединились адаевцы, прошлой осенью задержанные в Эмбенском уезде. Количество восставших дошло до 10 тыс. человек.

27 марта Зеленин отправил военному губернатору Уральской области два донесения о восстании. Еще задолго до выступления адаевцев власти Кавказа и Оренбурга договорились о подкреплении Мангышлаку, о выделении парохода, способах обороны форта⁵⁹. Это говорит о том, что царская администрация ожидала восстания адаевцев. Форт Александровский, по оценке инспектировавших его офицеров, был первоклассным неприступным укреплением, имел 18 орудий, до 800 пудов пороху (кроме готовых зарядов для орудий и патронов для ружей), был огорожен каменной оградой, высотой 4, а толщиной 2 м.⁶⁰ Гарнизон форта в январе 1870 г. состоял из 293 уральских казаков, 23 офицеров⁶¹.

В Оренбурге узнали о восстании на Мангышлаке 2 апреля. В тот же день Н. А. Крыжановский дал телеграмму военному министру Милютину. От него последовало великому князю Михаилу, наместнику Кавказа, распоряжение: «Примерно наказать мятежников». На телеграмме о выделении подкрепления форту Александровскому из войск Кавказского военного округа царь

⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 37.

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 2, л. 20 с об.

⁵⁹ «Уральские войсковые ведомости», 1873, № 42, с. 2—3.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 180—183.

Александр II наложил резолюцию: «Согласен и надеюсь, что наказание не замедлит»⁶².

3 апреля 1870 г. из Петровска в Александровский форт были отправлены 2 роты с двумя орудиями, военный пароход из Баку, шхуна из Астрахани. А на следующий день Крыжановский телеграфировал Зеленину: «Распорядительность ваша — ручательство за спокойствие форта, надеюсь на вашу стойкость и доблестный дух гарнизона. Будьте молодцами. Вы скоро получите подкрепления из Кавказа»⁶³.

5 апреля 1870 г. восставшие атаковали Александровский форт, Николаевскую станицу, сожгли маяки у форта, разгромили Нижнее укрепление, где сохранились запасы воинского гарнизона, дома, имущество торговцев. В течение трех дней (с 5 по 8 апреля) повстанцы держали в осаде форт, но взять это первоклассное укрепление не смогли. Осажденным нелегко было отражать атаки восставших. Так, в ночь на 8 апреля гарнизоном форта было выпущено до 2 тыс. ружейных патронов и более 25 зарядов на каждое орудие. Новое наступление на форт восставшие наметили на 10 апреля, но уже накануне с Кавказа прибыли войска во главе с графом Кутайсовым, которому вменялось в обязанность «успокоить край» и «наказать виновных». Майор Зеленин, подводя первые итоги борьбы с адаевцами, писал: «Бывши офицером корпуса топографов, я в продолжение своей службы, более 20 лет, бывал командирован в киргизскую степь, имел столкновение с киргизами, но такого отчаянного и упорного нападения не ожидал... судьбу форта решило бы еще несколько таких отчаянных наступлений. Трудно предугадать, чем бы это все кончилось»⁶⁴. Впервые кочевники так упорно осаждали военную крепость, впервые они показали на что способны. До этого считалось, что «киргизы и вообще среднеазиатцы никогда не решатся броситься на штурм укрепления, пока оно в состоянии деятельно поддерживать огонь»⁶⁵.

⁶² ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 154, 155.

⁶³ Там же, л. 171.

⁶⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 124.

⁶⁵ Юр-ко. Взгляд на степную войну.— «Военный сборник», 1873, № 11, с. 65.

Граф Кутайсов так оценил создавшееся положение в особом рапорте главнокомандующему кавказской армией: «Все (казахи.— М. Т.) ушли, даже мальчишки, жившие у армян (торговцев.— М. Т.); без перевозочных средств нельзя сделать ни шагу; степь и пески страшные; сию без верблюдов, без проводников, без лазутчиков; в укреплении всего четыре инородца, оставшиеся верными правительству. Ценою золота нельзя добыть достоверных сведений. Нужны кавалерия, глубоко сидящее судно, серебряные деньги»⁶⁶.

Чтобы обеспечить себя верблюдами, без чего невозможно было продвигаться по пескам, и продовольствием, кавказские войска выступили в степь. 20 апреля отряд из 140 дагестанцев, возглавляемый капитаном Мухранским, напав на туркменские племена у колодца Торткули, угнал у них верблюдов и баранов. Другой отряд (две роты стрелков, одно орудие) вел сам Кутайсов. В 12 верстах от Александровского форта отряды были встречены восставшими до 5 тыс. человек. Завязались упорные бои, в которых отряд потерял 10 человек убитыми, 14 человек было ранено. Повстанцы захватили вьючную лошадь Кутайсова; среди его личного имущества находилась единственная карта Мангышлакского полуострова. Многих потеряли и казахи: «На несколько верст поле было устлано трупами киргизов»⁶⁷. В тот же день восставшие дважды пытались овладеть фортом, но безуспешно: артиллерийский огонь заставил их отойти.

После этого повстанцы, прекратив борьбу, отступили на юг, на Устюрт. Царские войска начали преследовать их: кавказские на Мангышлаке, оренбургские на их северных летовках.

23 апреля Кутайсов докладывал командующему войсками Дагестанской области генерал-майору князю Меликову: «Край в полном восстании, вооружение поголовное... несмотря на значительные их потери, они и не думают падать духом. Они сильны до чрезвычайности, одолены громадною решимостью и предприимчи-

⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. 715, д. 41, л. 263.

⁶⁷ Б. Карпов. Письмо в редакцию.— «Современные известия», 1881, № 187, с. 3.

вы... слава богу, еще, что они плохо вооружены и не умеют хорошо драться». Граф просил еще три батальона и шесть сотен кавалерии. «Без этих войск,— писал он,— нельзя думать о наступлении... держаться здесь имеющимися у меня средствами, конечно, я буду до невозможности, но за последствия ручаться не могу...» Кутайсова поразили боевой дух восставших, их предприимчивость. «При первой встрече с ними никто не мог понять, почему они, страшно порубленные, продолжают натиск и никто из них не падает... оказалось, что все они были привязаны к седлам и не разберешь кто скачет живой и кто мертвый, и беспорядок происходит страшный и при такой суматохе чрезвычайно трудно приводить часть в порядок»⁶⁸.

Действия восставших, вооруженных только пиками, арканами, палками, заставили отряд противника в течение всего апреля укрываться за стенами форта. Ожидая подкрепления, Кутайсов затеял переговоры с крупными биями Мамбетниязом Тлеповым, Есергепом Досжановым, Кафаром Караджигитовым и другими, скрывавшимися в долине Каратау как от царских отрядов, так и от восставших. Ему помогали в этом торговцы Слободки форта, тесно связанные с местным населением, сыновья бия Мурзабая Косум и Ержан, давно служившие царю, правители отделения баимбет, влиятельный старшина из мангышлакских туркмен Мамет Сафар и др.

Кутайсов хотел расправиться и с туркменами, которые, по его убеждению, принимали участие в восстании казахов. Однако Меликов запретил применение «каких-либо крутых мер до окончания дел с киргизами... дабы не быть вынужденным на отдельные действия одновременно против киргизов и туркмен»⁶⁹.

В конце апреля прибыло новое подкрепление, и Кутайсов, возглавив три роты пехоты при одном орудине, три сотни кавалерии, 1 мая выступил в степь. Прежде всего он хотел захватить аулы вышеуказанных биев, «принудить их перекочевывать к форту, поставить

⁶⁸ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 41, л. 281—286.

⁶⁹ Там же, д. 42, л. 114.

их в невозможность уйти на Устюрт и... иметь возможность достать перевозочные средства»⁷⁰.

С 1 по 8 мая колонна Кутайсова побывала на известных колодцах Хангабаба, Тубиджик, Буурлы, Кунансу, Тарталы, Каратаучик, Джангулово, но нигде не застала аулы адаевцев. Только у колодца Уланак к Кутайсову явились представители отделения Б. Маяева. «Это первые туземцы, которые явились ко мне добровольно с тех пор, как я на Мангышлаке», — писал он. Этому отделению Кутайсов разрешил прикочевать к Александровскому форту. Родственники Маяева помогли найти аулы разыскиваемых выше биев. 9 мая войска Кутайсова у колодца Баки догнали аулы этих биев с табунами, а через три дня они были переправлены к месту сбора войск — в Кунансу. Сотня штабс-капитана Абдулхалиха в горах Сундкун захватила нескольких мужчин и женщин с детьми, много имущества, брошенного беженцами. Кутайсов, собрав биев, старшин захваченных аулов, велел им передать «всем остальным, чтобы в течение 8 дней мирные явились к нему с повинной... в противном случае, — грозил он, — с ними поступят как с бунтовщиками»⁷¹. Он наложил на них контрибуцию — ежедневно до полного установления спокойствия на Мангышлаке доставлять по 30 баранов.

15 мая на пароходе «Князь Баратынский» Кутайсов отправился в форт Александровский, куда вскоре полковник Трейтер должен был доставить захваченные аулы вместе со скотом — 20 тыс. баранов, 2000 лошадей, 600 верблюдов. Однако в ночь на 18 мая все аулы, кроме отделения Маяева, скрылись в степи, а отряды, выступившие в погоню, через три дня возвратились ни с чем⁷². В конце апреля великий князь Михаил снова сообщал царю: «Дела на Мангышлакском п-ове принимают все более серьезный оборот. Восстание киргизов общее; нахожу крайне необходимым содействия отрядов с Эмбы»⁷³.

⁷⁰ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 2, л. 36.

⁷¹ Там же, л. 37 с об.

⁷² Там же, л. 42—43.

⁷³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 78—79.

Вместе с тем с Кавказа прибывали все новые военные силы; снимались войска, стоявшие в Дагестане. К концу мая на Мангышлаке было сосредоточено более 7 рот пехоты, почти 6 сотен кавалерии, 32 пеших уральских казака и еще два взвода при 4 орудиях. Дислокация этих войск была такова: две роты с одним орудием охраняли форт, один взвод — Николаевскую станицу, а остальные войска расположились у колодца Кунансу⁷⁴, который являлся плацдармом для наступления на повстанцев. Между портами Петровским и Александровским постоянно курсировали военные пароходы «Князь Горчаков», «Князь Баратынский» и др. Время с 19 апреля 1870 г. по 19 сентября 1870 г., понадобившееся царским войскам для подавления восстания, принималось за военную кампанию⁷⁵. В мае в форт прибыл с большими полномочиями личный адъютант великого князя Михаила барон Мейендорф⁷⁶.

Повстанцы, отступившие с Мангышлака на Устюрт после боев с кавказскими войсками, оказались в трудном положении: они не могли перекочевать на летовки — на север, на Эмбу, так как войска оренбургского военного округа их не пропускали.

Кутайсов знал, что адаевцы должны появиться у колодцев Хангабаба, Буурлы, в предгорьях Каратау, а также в урочищах Баки, Актюбе, Башкудук, Карасаз и других, площадью 200 верст в длину и до 150 в ширину, где в самую сильную жару они всегда держали скот. Он решил занять эти районы. Изменена была тактика наступления. Если раньше все войска наступали сразу, то теперь решено было наступать несколькими колоннами, чтобы охватить большое пространство с разных сторон⁷⁷. Одна стрелковая рота, один взвод и 77 всадников выделялись для охраны стоянки в Кунансу; остальные войска (4,5 роты, 4,5 сотни, 32 пеших казака с тремя орудиями) выступили против адаевцев. Накануне Кутайсов писал князю Меликову, что выезжает

⁷⁴ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 42, л. 219.

⁷⁵ ПСЗ Российской империи, собр. 2-е, т. XLVI, № 49850.

⁷⁶ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 2, л. 23.

⁷⁷ Автором этого новшества, наверняка, является барон Мейендорф.

«для наказания непокорных, отбить все, что возможно, уничтожить все посеы»⁷⁸.

Пехотная колонна, которой командовал сам Кутайсов, с 30 мая по 7 июня обследовала ближние подступы к хребту Каратау и колодцы Джангельды, Унды, Керт, Тарталы. Кавалерией в составе четырех казачьих сотен и взвода конной артиллерии командовал барон Мейендорф. Конники действовали в дальнем Каратау: прошли колодцы Тарталы, Уланак, Джангельды, Тушубек, Керт, Чепе, через Унды до Агашты и на этом пространстве уничтожили посеы адаевцев⁷⁹.

Отряд Мейендорфа захватил в Курюктюбе, в отделении тобыш, 500 лошадей, на Актюбе — до 2 тыс. лошадей и верблюдов, принадлежавших биям Боранкулу, Амандыку (тоже отделение тобыш) и 16 человек, в том числе сын Амандыка Ермамбета, три сына Джанмурзы, а также пастухи. Многие казахи были ранены, а один (Джантока) убит⁸⁰.

Обследовав территорию до колодцев Буурлы, Джарма, Кутайсов отправил трех казахов, известных своей «верностью», в аулы наиболее влиятельных биев с заданием заставить их «покориться правительству». «Высочайшая воля... относительно совершенного покорения этого края нашей власти непреклонна... — писал он, — и адаевцы должны немедленно изъявить покорность, иначе... мы будем отбирать их стада, имущество, забирать их самих и высылать из края, оказывающих же нам сопротивление убивать»⁸¹.

7 июня весь отряд собрался в Кунансу, а спустя два дня туда прибыл князь Меликов. Приехали Мамет Сафар и представители некоторых отделений адаевцев, участвовавшие по заданию Мейендорфа в увещевании повстанцев. После обычных угроз Меликов раздал им воззвания, написанные на татарском языке, с призывом к покорности и текст условий, на которых принималась «покорность» адаевцев. Оглашение воззвания и условий, а также выявление желающих покориться было

⁷⁸ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 42, л. 220.

⁷⁹ Там же, л. 164.

⁸⁰ Там же, л. 167.

⁸¹ Там же, л. 170.

поручено Мамет Сафару, посреднику между восставшим и кавказской администрацией.

23 июня в Александровский форт приехали посланцы (34 чел.) от адаевских аулов, находившихся на Мангышлаке. Они были представлены Меликову, который предупредил их о неизбежности покорения. Наибом (управляющим) был назначен почетный старец кадий Арпелинский, прибывший вместе с Меликовым из Дагестана. В помощь ему он определил двух биев с содержанием по 300 руб. в год и обещал сделать их наибами после изъявления покорности остальных адаевцев⁸². Кадия Арпелинского вскоре сменил Гусейн-хаджи.

О всех военных действиях кавказских войск Меликов 26 июня подал рапорт великому князю Михаилу. Последний наложил резолюцию: «Все эти действия нахожу весьма удовлетворительными, распоряжение князя Меликова вполне одобряю»⁸³. 29 июня великий князь Михаил телеграфировал царю, что «около 1500 кибиток приняли покорность и назначенный Меликовым наиб из почетных дагестанцев Гусейн-хаджи уже находится среди их кочевьев. Есть сведения, будто бы большая часть адаевцев намерена явиться с такою же покорностью»⁸⁴. Все это свидетельствует, что царское правительство пристально следило за ходом восстания на Мангышлаке и предпринимало все меры к скорейшей его ликвидации.

За три месяца Мангышлак был занят царскими войсками. Для казахов-адаевцев наступили черные дни, пожалуй, самые тяжелые дни за всю их историю. И, несмотря на репрессии, угрозы, число добровольно покорившихся кавказской администрации, даже из среды феодалов (если исключить отделение Маяева), было незначительным. Лишь после захвата у казахов скота, имущества, пленных, в том числе сыновей известных биев, количество приведенных в покорность увеличилось.

Царское правительство сурово расправлялось с «непокорными». Военный министр Милютин телеграфиро-

⁸² «Биржевые ведомости», 1870, № 304.

⁸³ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 42, л. 229.

⁸⁴ Там же, л. 251.

вал Н. А. Крыжановскому: «Надобно примерно наказать мятежников»⁸⁵. Князь Меликов приказывал: «...не пропускать без билетов мангышлакских киргизов за Эмбу и арестовать таковых в случае перехода их за эту границу»⁸⁶. Инструкция, составленная Крыжановским для начальников отрядов, носила жестокий характер. «Относительно не принявших Положение и не имеющих свидетельств местного начальника в уплате податей,— говорилось в ней,— поступать как с разбойниками, безжалостно истребляя и разоряя их, не заботясь о том, чем будут питаться их семейства»⁸⁷.

Отделения адаевцев кыркмултук, туркмен-адай, балыкши, относящиеся к Верхней дистанции и кочующие зимой в большинстве своем против Кендерлинского залива, у колодцев Бешакты, Синик, Сумса и др., а летом — на Эмбе, в конце мая в количестве около 3000 кибиток направились к верховьям р. Сагиза. Узнав об этом, Крыжановский приказал начальнику войск, находившихся в резерве в Эмбенском посту, генерал-майору Бизянову перекрыть путь адаевцам на Эмбу. Отряд, состоявший из четырех рот и одной сотни с двумя орудиями, выступил навстречу аулам адаевцев, двигающимся к урочищу Кзылжару, к верховьям рек Чиили и Сагиза. Туда же из Уральского укрепления со своим конвоем, усиленным сотней уральских казаков, шел Крыжановский. Таким образом, царские отряды окружили адаевцев с двух сторон и стали их гнать обратно, отбирая при этом верблюдов, лошадей и другой скот. «Как выяснилось позже,— писал Крыжановский,— одновременное движение к верховьям Сагиза отрядов из Эмбенского поста и моего конвоя действовали чрезвычайно внушительно на передовых адаевцев»⁸⁸.

Бии и старшины обратились к Крыжановскому с заявлением о своей готовности выполнить все его требования, лишь бы им разрешили остаться на местах своих старых летовок. С них была взята подписка о том, что подведомственные им казахи будут безусловно покорны

⁸⁵ ЦГВИАЛ СССР, ф. 9, оп. 1, д. 59, л. 92—94.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, л. 166—174.

⁸⁸ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 42, л. 138.

царской администрации, соберут в течение 14 дней кибиточную подать (с 3000 кибиток) за 1869 и 1870 гг. и до полной уплаты податей не будут передвигаться с места на место, носить оружие, держать связь с другими отделениями адаевцев и давать пристанище руководителям восстания, содержать их скот⁸⁹ и т. д. Однако не прошло и двух недель, как отряд полковника Новицкого (одна сотня, две роты, два орудия), окружив аулы адаевцев, приступил к сбору податей, сбору в счет «убытков», нанесенных восставшими, выявлению активных участников восстания.

Царские сатрапы буквально преследовали и грабили казахов-адаевцев на всей территории Мангышлака и южной части Оренбургской области. 7 июня нижнеэмбенский отряд в три роты, две сотни и взвод кавалерии с двумя конными орудиями, возглавляемый Саранчевым, направился к озеру Масше, где расположились аулы отделений джарово, тобышево, джименеево. Но когда он приблизился к озеру, то обнаружил только следы «беспорядочного и поспешного их бегства». На правом берегу р. Эмбы отряд догнал и атаковал адаевцев. О своих действиях Саранчев писал: «Толпы их в паническом страхе обратились в бегство и были преследуемы на расстоянии более 20 верст... я остановился от бесполезного кровопролития только тогда, когда число жертв и отбитого скота, по моему взгляду, могли составить достаточный поучительный урок для адаевцев». При этом была использована артиллерия. «Как я начал отходить назад,— писал Саранчев,— и присоединился к артиллерии, то открыт был мной артиллерийский огонь с картечными гранатами...»⁹⁰. Отрядом Саранчева было захвачено до 3 тыс. голов скота⁹¹. Начальник другого отряда Байков, уточняя Саранчева, показал: «Он, Саранчев, скрытно подойдя к кочевавшим в низовьях р. Эмбы аулам, начал стрелять по оным картечью, а официально донес другое»⁹².

Бии и старшины названных выше отделений заяви-

⁸⁹ С мая по октябрь 1870 г. такие подписки дали 83 бия адаевцев (ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 19, л. 1—2).

⁹⁰ ЦГВИАЛ, ф. 9, оп. 1, д. 59, л. 126—127.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, л. 10—59.

ли о своей покорности. Но Саранчев отказался вести с ними переговоры и потребовал только выдачи русских пленных.

Ожидая дальнейших распоряжений Крыжановского, отряд расположился близ оз. Масше. Видя тяжелое положение адаевцев, Саранчев писал в рапорте начальнику войск Мангышлака: «кочевание на берегах реки Эмбы составляет насущную потребность для адаевцев и промедление в выдаче им на это свидетельства может довести их до крайнего разорения»⁹³. Но Крыжановского это не беспокоило. Он приказал Саранчеву двигаться дальше до Мертвого Култука, чтобы «отбросить их (адаевцев.— М. Т.) к Мынсуалмасу». В первых числах июля Саранчев снова напал на адаевцев и заставил несколько тысяч семей бежать по направлению к Мынсуалмасу. Не оказывая никакого сопротивления, бросая изнуренный скот и имущество, люди спасались от преследователей.

Одно отделение адаевцев, джетымек, пыталось укрыться на островах и в морских лиманах. Узнав об этом, Саранчев 6—7 июля, разделив отряд на три части, напал на них. «Картина была ужасная,— писал он,— множество людей и верблюдов с навьюченным имуществом лежали в прибрежном иле, завязшие и брошенные своими хозяевами, а далее в 2 или 3 верстах от берега толпы адаевцев по пояс в воде спешили перебраться на острова, покидая на произвол судьбы не только имущество и скот, но даже грудных детей... другие полусотни, которые также дошли до самого берега, загнали в море все встреченные ими аулы»⁹⁴. Более трех тыс. голов скота, оставленного адаевцами, было захвачено⁹⁵.

Крайней жестокостью отличались действия начальника другого отряда — подполковника Байкова, действовавшего по северному Устюрту, пескам Асмантай, Матай и Сам. О результатах действий Байкова Кры-

⁹³ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 21, л. 18 с об.

⁹⁴ Потто В. О степных походах.— «Военный сборник», 1873, № 7, с. 499; см. также: Терентьев М. История завоевания Средней Азии. Т. 2. Спб., 1906, с. 70.

⁹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 258/909, д. 49, л. 118—123.

жановский с удовлетворением сообщал военному министру: «...быстрыми и смелыми движениями без дневок Байков заставил всех непокорных киргизов бежать с такой поспешностью, что на всем пути встречались покинутые стада, кибитки и брошенное имущество. Вооруженные же скопища были совершенно рассеяны в четырех стычках, стоивших жизни многим киргизам»⁹⁶. В другом рапорте говорилось: «Появление отряда среди лета в таких местах, которые считались недоступными для русских, было совершенной неожиданностью для киргизов. Устрашенные аулы, бросая свое имущество и скот, торопились уходить в глубь Устюрта». Отрядом было захвачено 71 тыс. голов скота, значительная часть которого за недостатком корма и воды, погибла или была брошена⁹⁷.

Зверская расправа с адаевцами продолжалась в течение всей второй половины 1870 г. Были созданы специальные карательные отряды для поисков повстанцев⁹⁸. Крыжановский в августе 1870 г. требовал от командиров отрядов содействовать эмбенскому уездному начальнику в изгнании адаевцев Мангышлака с территории Уральской области.

Отряд под начальством Зерницкого в составе одной роты и одной сотни был направлен 5 сентября для обследования районов Больших и Малых Барсуков. На Эмбенском посту содержалась в резерве одна рота и одна сотня под начальством подполковника Фролова. Туда же был направлен на всю зиму из Оренбурга стрелковый батальон и еще рота. Такие же отряды с артиллерией были разосланы во все места, где могли появиться адаевцы.

Отвечая кавказскому наместнику об изгнании адаевцев на Мангышлак, уральский военный губернатор Веревкин писал: «...киргизы, добровольно не откоче-

⁹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 258/909, д. 49, л. 127. Байков был произведен в подполковники «за отличную распорядительность в степи при возмущении киргизов» (ЦГВИАЛ СССР, ф. 9, оп. 1, д. 59, л. 10—59).

⁹⁷ Там же, ф. ВУА, д. 6973, л. 70—85 с об.

⁹⁸ С 1869 по 1876 г. ежегодно для этой цели на юге Оренбургской области находилось до 8 рот пехоты, до 11—12 сотен кавалерии с артиллерией (ЦГА КазССР, ф. 315, д. 49, л. 60; д. 3, л. 15 с об.).

вавшие на Мангышлак, вытолкнуты из пределов области силой»⁹⁹.

О судьбах адаевцев тот же Веревкин писал: «Как далеко и куда именно откочевали вытесненные киргизы — неизвестно, ибо отряды прекращали преследование, как только выходили за границы области, так как дальнейшее движение по пустыням Устюрта, по морскому берегу, покрытому непроходимыми топями, камышами и проранами, представлялось невозможным»¹⁰⁰.

8 сентября 1870 г. уже подполковник Байков, имевший две стрелковые роты, две сотни с двумя орудиями, одну часть отряда послал на р. Киякты с приказом «перевести всех киргизов (адаевцев Мангышлака.— М. Т.) мужского пола, если они не будут иметь квитанции об уплате подати, не входя в разбирательство, каких они будут родов и отделения»¹⁰¹. На берегах р. Киякты отряд напал на аулы адаевцев и отобрал весь их скот и имущество. Байков распорядился захваченное «...имущество разделить между нижними чинами, лошадей (около 50), верблюдов (64) раздать для хранения, а баранов (200 голов) отдать на мясные порции»¹⁰².

10 сентября в урочище Даулчи другая часть отряда Байкова напала на аулы отделения крыкмултуков. Было убито 20 адаевцев, кибитки и имущество их сожжены. Солдаты насильствовали женщин и девушек, а потом убивали их¹⁰³.

13 сентября на р. Сагизе Байков напал на мирный караван адаевцев, шедший в Оренбург за хлебом. При этом был убит 21 человек. Все 350 верблюдов были захвачены, а вьюки брошены.

Преступления, совершенные отрядами Байкова, оказались столь вопиющими, что царское правительство вынуждено было отдать его под суд. Главный прокурор в обвинительном заключении писал, что Байков с 8 по 12 сентября 1870 г. со своим отрядом напал на аулы

⁹⁹ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 161.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове.— «Военный сборник», 1871, № 5, с. 36.

¹⁰² ЦГВИАЛ СССР, ф. 9, д. 59, л. 166—174.

¹⁰³ Там же, л. 10—69.

казахов-адаевцев без каких-либо на то оснований. Ограбил 16 аулов, расстреливал людей группами и в одиночку, захватывал скот, имущество, уничтожил до 70 кибиток со всеми хозяйственными принадлежностями, разбил караван, убил 21 человека из вожakov каравана, захватывал женщин, которых подвергал насилию¹⁰⁴. Байков через год был приговорен военным судом к административному выселению в Тобольскую губернию с лишением всех чинов, прав и привилегий.

Царское правительство пошло на осуждение Байкова вовсе не потому, что считало его действия преступными. Все эти зверства над адаевцами явились осуществлением той инструкции, которая была составлена генерал-губернатором Н. А. Крыжановским. Сам Крыжановский признал на суде, что «в степи так еще недавно происходило действие с киргизами совершенно такого же порядка и что в самом войске разграбление и умерщвление киргизов не считалось делом незаконным»¹⁰⁵. Правительство опасалось неблагоприятного общественного мнения внутри страны и за ее пределами.

Таким образом, выступление небольшой группы адаевцев против отряда Рукина переросло в восстание с участием до 6 тыс. человек, а потом до 10 тыс., т. е. практически все население Мангышлакского полуострова¹⁰⁶ выступило против введения Положения и произвола царской администрации. Предводителями восстания были пастух Досан Тажиев¹⁰⁷, старшина Иса Тленбаев, Иржан и Ирмамбет Куловы, Алга Джалмамбетов.

Основную массу восставших составляли трудящиеся-скотоводы, а также джатаки-рыбаки, батраки и рабочие-рыбаки¹⁰⁸, вооруженные пиками, топорами, палками, веревками и незначительным количеством ружей (30 шт.).

Бии и старшины в этой борьбе показали свою несостоятельность, непоследовательность. В начале восстания

¹⁰⁴ Там же, л. 491.

¹⁰⁵ ЦГВИАЛ СССР, ф. 9, оп. 1, д. 59, л. 49.

¹⁰⁶ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 156; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 252.

¹⁰⁷ ЦГА КазССР, ф. 85, д. 84, л. 64.

¹⁰⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6826, л. 62—67; ЦГА КазССР, ф. 85, д. 23, л. 68—70.

некоторые бии и старшины, находившиеся на службе у царя и слабо связанные с родовым коллективом, как, например Б. Маяев, открыто поддерживали царскую администрацию. Бии Кабак Ермамбетов¹⁰⁹, Берекет Бердинов, Калдыбаев были ее лазутчиками. Некоторые бии, например Есенкубек Капланов, пытались играть роль посредников между восставшими и приставом, уговаривали казахов не бунтовать. Когда восстание охватило весь Мангышлакский полуостров, многие бии, боясь восставших, бежали на Устюрт, а оттуда в Хиву. Кабак Ермамбетов из аула Койсары, что на Бузачах, признался, что «он боялся своих больше, чем русских» (т. е. царских чиновников.— М. Т.). Крупный бий Кафар Калбин — дистанционный начальник, ближайший помощник Рукина, вел двойную политику: выведав все планы восставших, он сообщил о них Рукину, а потом, боясь мести своих, уехал в Хиву. Часть биев и старшин в зависимости от обстановки переходила то на одну, то на другую сторону.

Вскоре после поражения восстания многие бии нашли общий язык с местной администрацией царизма и помогали ей в усмирении восставших. Десять из них «за услуги» в подавлении восстания и упрочении позиции царизма на Мангышлаке были награждены правительством серебряной медалью «За усердие», а Кабак Ермамбетов¹¹⁰ получил золотую медаль «За храбрость». Еще в апреле десять адаевских «почетных» биев и четыре туркменских старшины, в том числе сын убитого Маяева, Бака, и переводчик Косум Мурзабаев¹¹¹ полу-

¹⁰⁹ К. Ермамбетов 24 марта доставил воинскому начальнику форта Зеленину записку Рукина об окружении его восставшими и о посылке «спешной выручки» (ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 54, л. 179—181).

¹¹⁰ В 1901—1902 гг. он получал пенсию от казначейства в Петровске.

¹¹¹ Почтарь, переводчик при колониальной администрации, умер в 1887 г. За участие в подавлении восстания 1870 г., за мужество и храбрость при завоевании Хивы, за участие в Ахалтекинском походе в качестве командира первой сотни казахской временной милиции он получил от царского правительства серебряную медаль знаки отличия военного ордена IV и III степеней (за № 1323, 510), «для мусульман установленных». По выходе со службы 2 января 1886 г. ему назначена ежегодная пенсия в 150 руб. (ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 27, л. 28—30). После смерти пенсию получала его жена Буртусисбаг Мунтова.

чили в награду халаты из белого бархата и другие подарки.

В ходе дискуссии историков (в 1952 г.) о характере национальных движений в дореволюционном Казахстане рядом ученых было высказано мнение, что восстание адаевцев спровоцировано хивинскими феодалами. Тщательное изучение материалов тех лет показало, что это не так.

Несомненно, Хива была заинтересована в создании препятствий на путях продвижения царских войск в Среднюю Азию. Во время восстания в Уральской и Тургайской областях в 1869 г. хивинский хан обращался к туркменским старшинам и адаевскому бию Маяеву с призывами бороться против русских. В письме к Маяеву он писал: «...состоящие под покровительством русских алимулинцы и байулинцы идут сюда, но о чем думают и на каких путях находится ваш народ — не знаем. Мы же надеялись, что народ ваш прежде всех сынов киргизских окажет нам услуги и преданность. Если вы тверды на пути ислама, то по получении этого письма пусть придут сюда несколько почетных лиц и старшин и скажут о своих намерениях и посоветуются и поговорят об общей пользе и потерях. Доставьте по прежним примерам зекет, и если нужна военная сила, то пусть берут и отправляются обратно»¹¹². Вскоре хан снова послал адаевским биям письмо следующего содержания: «Хотя мы и упоминали о взносе зекета, но сделали это не из одного только желания приобрести от вас выгоды; ни в зекете, ни в выгодах мы не нуждаемся, но желаем только удостовериться в прочности вашего мира и степени готовности вашей к услугам»¹¹³. Однако тогда же специальный посол от хана передал адаевцам, что если они в ближайшее время не исполнят его требований, то он вышлет против них свои войска¹¹⁴. Запуганные с одной стороны ханом, с другой — царскими властями, адаевцы не откочевали на свои летовки, расположенные в бассейнах рек Эмбы, Сагиза,

¹¹² Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 484.

¹¹³ Там же, л. 430.

¹¹⁴ Там же.

а остались на Мангышлаке, «терпя недостаток корма и воды»¹¹⁵.

Адаевцы, не раз подвергавшиеся грабежам и поборам со стороны хивинцев, едва ли могли положиться на их заверения о помощи и подняться на борьбу по их призыву. К тому же после занятия царскими войсками Ташкента, всего бассейна Сырдарьи, Красноводска Хива вряд ли могла решиться на вмешательство в дела царизма на Мангышлаке. Современники этих событий сходятся в том, что «...обложение высшей податью и вообще непонятные для киргизов... требования Нового положения и были главными и единственными причинами последнего восстания; восстание началось вследствие местных причин, без вмешательства Хивы»¹¹⁶. Кавказское начальство, принимавшее в свое управление восточные берега Каспия как раз в разгар восстания, также считало, что «поводом вспыхнувшего возмущения было несоответствие местным условиям объявленного ко введению на Мангышлаке Временного положения»¹¹⁷.

После поражения восстания его предводители Иса Тленбаев, Досан Тажиев, Иржан, Ирмамбет Куловы со своими приверженцами и аулами и многие адаевцы, активно участвовавшие в восстании, всего 3000 кибиток, в том числе аулы адаевских биев, опасавшиеся преследования царских карателей, в декабре 1870 г. перешли в пределы Хивинского ханства¹¹⁸. Это был вынужденный переход адаевцев в Хиву, никак не связанный с какой-то ролью Хивы в восстании. Казахи так поступали часто, особенно в суровые зимы: они откочевывали туда в поисках корма для скота.

Восстание было вызвано резким усилением колониального гнета до и в момент введения Положения, грубым произволом царских властей, принявшим широкие размеры к середине XIX в. на Мангышлаке.

¹¹⁵ Из Киргизской степи.— «Голос», 1870, № 127. [Из сообщения находившегося на полуострове летом 1869 г. Доронина, начальника отряда по поискам месторождений угля].

¹¹⁶ «Военный сборник», 1871, № 5, с. 41—59.

¹¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6832, л. 37.

¹¹⁸ Там же, ф. 400, оп. 258/909, д. 13, л. 79—80; ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 22, л. 56—63.

Таким образом, острие борьбы трудящихся было направлено против царизма.

В восстании на Мангышлаке антифеодальная борьба была выражена слабо. Это объясняется наличием родовых пережитков, тормозивших развитие классового сознания казахов. И если восставшие расправлялись с отдельными биями, то прежде всего как со ставленниками царизма на Мангышлаке.

Главная особенность восстания состоит в том, что в нем активное участие принимали широкие слои трудящихся — бедняки, джатаки-рыбаки, батраки, работавшие в хозяйствах российских предпринимателей. Этим можно объяснить ярко выраженную относительную наступательность, большую организованность движения, что отличает восстание от многих выступлений в Казахстане в XVIII—XIX вв. Одним из подлинных организаторов восстания и его главой был пастух Досан Тажиев, признанный народом батыром.

Восстание на Мангышлаке не было также одним из эпизодов борьбы против царской агрессии, как считали до сих пор некоторые историки, а довольно активной, продолжительной борьбой трудящихся всего племени адай. По целям и задачам восстание было антиколониальным, а по движущим силам оно было преимущественно крестьянским с участием рабочих-рыбаков.

У повстанцев не было надежного тыла, экономической базы, они не могли надолго отрываться от своих аулов. Единственным районом, не занятым царскими войсками, куда они могли отступить, был пустынный, безводный Устюрт. Восставшие не имели (и не могли иметь) заранее продуманной четкой политической программы. Действия их определялись ходом событий. В начале адаевцы отказались принять Положение, и с наступлением весны решили уйти в глубь степи, но Рукин, навязав им борьбу, потерпел поражение. Это вдохновило восставших, вселило им уверенность в победе, активизировало их действия. Они решили уничтожить военную опору царизма на Мангышлаке форт Александровский и сбросить с себя царское иго. Но они не знали, что царизм так просто не уступит своих позиций, которые он с большим трудом завоевал. Слабо было единство народа в силу отсталости социально-эко-

номических отношений. Хотя эксплуататорские слои находились вместе с восставшими трудящимися, но их борьба носила пассивный характер, они больше всего заботились о своих интересах, а при поражении восстания их представители, предав движение, перешли на сторону царских властей. Несмотря на поражение, это восстание значительно повлияло на рост политического сознания народа, который если отступил, то лишь на время, чтобы, собравшись с силами, окончательно сбросить иго царизма.

В октябре 1870 г. на Мангышлак прибыл новый начальник отряда генерал-майор Комаров. Он же был назначен и управляющим приставства. Комаров сразу же отдал приказ о сборе кибиточной подати. За 1869 г. она взималась по 1 р. 50 к., а за 1870 г. — от 3 р. 50 к. до 5 руб. Подать адаевцы должны были внести до 1 октября 1870 г. Однако денег у них не было. Пользуясь этим, купцы скупали скот у казахов по очень низким ценам: за самого крупного барана (кунана. — М. Т.) они давали только 2 рубля. А тут еще Комаров объявил, что если адаевцы не уплатят подать в указанный срок, он отправит в ссылку людей, взятых в заложники во время восстания (около 60 человек находилось в тюрьме форта Александровского), отберет силою оружия скот и продаст его по цене еще более низкой, чем назначали купцы¹¹⁹.

Кибиточную подать буквально выбивал из народа наиб Гусейн со своими всадниками при содействии войск форта. Согласно отчетам начальников, только за одно лето они захватили у населения более 2000 лошадей, 500 баранов, 32 верблюда. От продажи лошадей было выручено 3233 руб. (в среднем каждая лошадь была продана по 1 р. 60 к.)¹²⁰.

К концу 1870 г. было собрано подати: за 1869 г. с 7297 кибиток 11 028 руб., за 1870 г. с 7203 кибиток — 25 210 р. 50 к. За два года было собрано 36 238 р. 50 к. Сюда не вошла кибиточная подать, собранная еще Рукиным за 1869 г. с 2390 кибиток в сумме 3584 руб.¹²¹

¹¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 21, л. 26.

¹²⁰ Там же, д. 17, л. 11—14.

¹²¹ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 28, л. 27.

Таким образом, подать с отдельных кибиток за 1869 г. была собрана дважды. Подать за 1870 г. была собрана с небольшого числа кибиток, так как 6 тыс. кибиток отошли к Уральской области, какая-то часть казахов, скрываясь от преследования колонизаторов, покинула пределы приставства. Тогда же с населения было взыскано 18 079 руб.¹²² якобы за убытки, понесенные частными лицами во время восстания. Вместе с кибиточной податью поборы составили 57 901 р. 50 к. Причем эти поборы, взысканные не деньгами, а скотом фактически значительно превышали официальную сумму. Надо сказать, что далеко не все население смогло внести кибиточную подать за 1869—1870 гг.¹²³ Несмотря на это, царская администрация наложила на него контрибуцию для возмещения убытков, нанесенных повстанцами.

В конце декабря 1870 г. Комаров назначил в форте сбор представителей всех адаевских отделений. В случае неявки они лишались права переходить на летовки, расположенные в бассейне р. Эмбы и считались бы послушниками воли великого князя, наместника Кавказского¹²⁴. Поэтому, несмотря на суровую зиму и падеж скота, адаевцы, зимовавшие даже в верховьях рек Эмбы, Сагиза, Уила, послали своих представителей. Всего собралось до 100 биев и 6 сардаров (старшин). Обвинив адаевцев в нарушении законов государя, вследствие чего он якобы понес людские и материальные жертвы, Комаров потребовал от них возместить издержки: уплатить кун за 31 человека убитых и за 20 человек, находившихся в плену; возместить стоимость вооружения, обмундирования и лошадей 40 казаков, бывших в отряде Рукина, а также оружия и лошадей 8 милиционеров, бывших в отряде графа Кутайсова; заплатить

¹²² Из этой суммы 13 500 руб. (в разном размере) были розданы 26 торговцам форта, остальная часть (от 20 до 1195 руб.) — 45 поселянам Николаевской станицы (ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 48, л. 67).

¹²³ Образовавшиеся за 1869—1871 гг. недоимки по кибиточной подати в сумме 17 000 руб. в 1876 г. были сняты, «чтобы не вызвать нового восстания» (ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 259/909, д. 26, л. 6—7 с об.).

¹²⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 215—218.

за 2 маяка, оцененных в 100 тыс. руб. Ущерб, нанесенный повстанцами разным лицам, определялся в 600 тыс. руб. Кроме того, Комаров требовал выдачи остальных пленных, возврата имущества, захваченного восставшими.

От имени наместника Кавказа великого князя Михаила Комаров объявил прощение всем адаевцам, за исключением пяти руководителей. Прощение это он представил как особую милость монарха, не желающего разорять и истреблять своих подданных. В то же время он предупредил собравшихся, что за малейшую попытку к нарушению покорности правительству адаевцы подвергнутся строгому наказанию.

По определению канцелярии Дагестанской области, наложенная на адаевцев контрибуция была очень большой. Каждая кибитка из отделений, участвовавших в восстании, должна была платить в продолжение 6 лет по одному барану ценой 3 рубля. Та небольшая часть адаевцев, которая не участвовала в восстании, но, зная о нем, не донесла начальству, также была обязана платить на протяжении 3 лет по одному барану ценой 3 рубля с каждой кибитки¹²⁵.

Контрибуцию должны были выплатить и те, кто ушел в Хивинское ханство. По возвращении на Мангышлак их брали на учет и взимали контрибуцию в первую очередь. Комаров предложил распределить контрибуцию внутри аула по принципу «кто более виновен, тот больше и платит»¹²⁶. Активными же участниками восстания являлись простые кочевники и промысловые рабочие. Таким образом, основная тяжесть контрибуции легла на плечи народа. Контрибуция налагалась на каждую податную кибитку, т. е. на каждую семью, даже не имевшую ничего, кроме лачуги. Контрибуция взималась и баранами и деньгами, причем баран принимался самый крупный и упитанный. Естественно, что такой скот мог вырасти и сохраниться только у богачей. Поэтому бедноте пришлось вместо одного крупного барана давать двух.

¹²⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6825, л. 219—221; ф. 400, оп. 258/909, д. 45а, л. 20—22.

¹²⁶ Там же, ф. ВУА, д. 6825, л. 219—221.

Ежегодно в сентябре взималась очередная норма контрибуции. В счет ее первой партии только адаевцы, кочующие на Мангышлаке, внесли (по отделениям): баймбетово 2100 баранов, тобышево, подотделения альмамбет — 2100, джименеево — 3300, джавлиево — 2700, подотделения тней, вали, джаман-адай отделений туркмен-адаево — 1800 баранов, всего — 12 тыс. баранов за один год, а за 6 лет — 72 тыс. баранов. Сюда не входила контрибуция, наложенная на 6 тыс. кибиток адаевцев, насильственно закрепленных за Уральской областью и обязанных платить по 1 барану в течение трех лет, и еще на скрывавшихся в Хивинском ханстве и в других местах около тысячи. Таким образом, общий размер контрибуции превышает 90 тыс. баранов¹²⁷.

Помимо налогов на адаевцах лежали многочисленные натуральные повинности: очистка старых и рытье новых колодцев, починка дорог, обеспечение царских войск лошадьми и верблюдами, причем зачастую бесплатно.

Царизм не думал ограничиться проведенными военными мерами, ему хотелось уничтожить у народа всякое желание к сопротивлению. Это считалось одним из решающих условий для осуществления похода на последнее независимое ханство Средней Азии — Хиву. Царское правительство наводнило полуостров военными отрядами. В конце 1870 г. только в урочище Сам, на Бузачи, Бешакты находилось 11 рот пехоты, 14 сотен с восемью конными орудиями¹²⁸.

О характере будущих действий на Мангышлаке царский каратель граф Кутайсов писал: «...край огромен, население дикое, необузданное, своевольное, не имеющее ни малейшего понятия о могуществе России. Нужно кроме форта занять самый центр народонаселения и

¹²⁷ В статье автора «К вопросу о восстании казахов-адаевцев на Мангышлаке в 1870 г.» («Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 1/6, с. 52) неточность: вместо более 90 тыс. баранов значится 51 792 барана. При этих взысканиях кавказской администрацией не приняты в расчет более 70 тыс. лошадей, верблюдов и много баранов и имущества, захваченные карателями летом 1870 г. у адаевцев.

¹²⁸ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 3, л. 15 с об.

дать кровавый урок для адаевцев; без силы и серьезного наказания мы ничего не добьемся»¹²⁹.

Предложение Кутайсова о дальнейшем военном наказании адаевцев было одобрено царем, и походы войск после 1870 г. против адаевцев как со стороны Оренбурга, так и на Мангышлаке являются его реализацией. Как только адаевцы собирались на свои осенние и зимние стоянки, непременно появлялись войска и долго оставались в их аулах. Чиновники из местных феодалов требовали от населения к приходу солдат подготовить жилище, питание. Это вызывало дополнительные материальные затраты у населения и угнетающе действовало на него. Адаевцы старались не встречаться с войсками, порой даже уходили в чужие владения.

В июне 1871 г. отряд, возглавляемый полковником Ломакиным, преемником Комарова, прибыл в аул адаевцев, кочевавший на берегах залива Сарытас (в 55 верстах от Александровского форта) для сбора податей. С согласия Ломакина (в то время сбор людей допускался только по разрешению начальства) одноаульцы совершали поминки по убитому повстанцами бию Маяеву. Ломакин решил воспользоваться этим сбором для демонстрации сил царизма, «для обуздания ослушания, своеволия и насилия»¹³⁰. В степь он выехал с двумя сотнями казаков и командой рассыльных. На всех привалах адаевцы ставили для отряда кибитки, приносили молоко, воду, баранов. На поминках Ломакин выступил с речью, всячески восхваляя царские порядки, которые якобы несут народу благо и спокойствие. Объехав аулы и собрав подати, он вернулся в форт.

В октябре того же года состоялся другой поход, в этот раз на полуостров Бузачи. Он совершался из форта к горе Акпан в Каратау, к колодцу Сагже, к месторождению угля, в разных направлениях Мангышлака. Отряд состоял из двух сотен казаков с одним орудием. 9 октября у колодца Кунансу с парохода выгрузили боеприпасы нарочно в присутствии адаевцев. Ломакина сопровождали 200 старшин, биев, сардаров и помощни-

¹²⁹ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 42, л. 252—284.

¹³⁰ Действия Красноводского и Мангышлакского отрядов в 1871 г.— «Военный сборник», 1873, № 1, с. 83—88.

ков наиба, и здесь население предоставляло им кибитки, топливо, продовольствие. В течение трех дней Ломакин посетил все основные пункты и колодцы.

Еще раньше, в августе и сентябре, команды рассыльных производили разъезды по окраинам Устюрта. Тогда же отряд из Красноводска произвел рекогносцировку Сарыкамышской котловины и обследовал пути в Хиву.

Чтобы окончательно удержать кочевников на Мангышлаке, кавказское начальство решило укрепиться в южных пределах их кочевок. Этого требовал и предстоящий поход на Хиву.

20 сентября 1872 г., в то время когда адаевцы, вернувшись с летовок в бассейне р. Эмбы, расположились у колодцев Бешакты, Синик, Сумса, Чопаната (против Кендерлинского залива), туда же морем через Кендерлинский залив прибыл отряд из двух рот пехоты. Небольшая территория, закрытая со всех сторон высокими горами (Акжан), богатая пресной водой и лесами, являлась главным местом зимовок Верхних адаевцев, уже закрепленных за Уральской областью. Не считаясь с этим, Ломакин решил занять этот район, так как отсюда незначительными силами можно было блокировать Мангышлак¹³¹. Собрав кибиточную подать с аулов (200 кибиток), кочующих у колодцев Бешакты, Ломакин потом перешел на полуостров Бузачи. В течение 7 дней он дважды объехал все основные колодцы.

За два с половиной года царские войска проникли во все уголки Мангышлака, Бузачи, Устюрта. По мере движения войск изучалось состояние местности, дорог, колодцев, пастбищ, топлива, путей, идущих в Хиву, Красноводск и в Уральскую область.

Нелегко жилось и адаевцам, перешедшим в пределы Хивы. Они также испытывали двойной гнет: хивинских и «своих» феодалов. Большим доверием у хана пользовался Кафар Калбин. Собрав от каждого отделения адаевцев 70 биев, в числе которых был и Кабак Ермамбетов, и старшин, он явился к хану. Калбина хан назначил вторым министром (бегляр-беком) и правителем г. Куняургенча, а также всех адаевцев, находившихся

¹³¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6850, л. 198.

в Хиве. Занимавший эту должность до него Иса Тленбаев был отстранен. По рекомендации Калбина многие из этих биев были назначены правителями над адаевцами, прикочевавшими в Хиву. Каждому в знак власти была вручена грамота и печать¹³². Правителям вменялось в обязанность следить за тем, чтобы адаевцы не уходили из пределов Хивы, наблюдать за сбором дани в пользу хана (по одному барану с каждой кибитки, бедные — с каждых двух кибиток, или по 2,5 тилли денег), за сбором зекета (с 10 баранов — одного, с одного верблюда 4 тянги, с лошади — 1 тянгу)¹³³, выставлять определенное ханом количество людей для участия в строительстве ирригационных каналов¹³⁴. Кроме того, адаевцы должны были платить местным хивинским бекам — владельцам земли — за траву и водой, за право торговли в городах. Начальники городов всячески притесняли адаевцев: задерживали людей, возвращавшихся с торговли в других городах; отбирали у них купленный хлеб¹³⁵, брали их заложниками. Откочевка на пастбища Устюрта допускалась только в сопровождении ханского отряда.

Зимовка большого количества кочевников в Хиве неблагоприятно сказалась на их хозяйственной жизни. Наступил массовый падеж скота от бескормицы. Не было ни одного хозяйства, которое бы не пострадало. Отдельные бии лишились всего скота, например бий Мамбетнияз (баимбетово отделение). Обедневшие адаевцы нанимались батрачить на любых условиях.

С приближением весны 1871 г. наступал последний срок взноса подати и зекета в пользу хана. Уйти было почти невозможно: за адаевцами следили не только «свои» правители, поставленные ханом, но и его войска. Помог уходу адаевцев лишь случай. В начале весны в Хивинском ханстве произошло большое смятение вследствие распространения слухов о наступлении российских войск со стороны Бухары. Воспользовавшись уходом хивинских войск на восток, адаевцы пере-

¹³² Кабак Ермамбетов позднее представил грамоту и печать коменданту форта.

¹³³ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 91.

¹³⁴ Там же, л. 20, 26—27, 73, 85 с об.

¹³⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6833, л. 123.

шли на Устюрт, а оттуда частью на р. Эмбу и Мангышлак. Из трех тысяч кибиток, перешедших в Хиву, вышли две тысячи. Ушла из Хивы вся феодальная верхушка.

В пределах Хивы осталось только около 1000 кибиток, среди них Кафар Калбин. Почти все оставшиеся были из отделения джар, и это не случайно. Джаровцы были самым бедным отделением, они сосредоточивались на Бузачинском полуострове и существовали в основном за счет рыболовства. Джаровцы являлись ядром восставших. Из их среды вышли такие последовательные руководители восстания, как пастух-батыр Досан Тажиев, Алга Джалмамбетов, Иржан и Ирмамбет Куловы. В Хиве осталась также часть кунан-урусовцев, балыкчиевцев, Иса Тленбаев со своими одноаульцами.

Выступления казахов-адаевцев в 1873 г.

В 70-х гг. царское правительство готовилось к давно задуманному и все неудававшемуся походу на Хивинское ханство. Предварительной подготовкой к этому явилось занятие в конце 1869 г. кавказскими войсками Красноводского залива и других пунктов на юго-восточном берегу Каспия. Однако осуществить поход в следующие три года не удалось «ввиду беспокойного настроения пограничного населения и крупных издержек, разрыва отношений с Кульджой»¹³⁶.

В конце 1872 г. царизм вплотную приступает к подготовке похода на Хиву. В нем должны были участвовать все три военных округа — Оренбургский, Туркестанский и Кавказский. Первоначально предполагалось, что Кавказский военный округ выделит большую армию. Но вскоре выяснилось, что и количество войска и судьба самого похода вообще зависят от наличия верблюдов, единственно возможного в местных условиях транспорта. Поставить их могли казахи Мангышлака и туркмены, кочевавшие за рекой Атрек. Туркменские племена, кочевавшие на юго-восточном берегу Каспия,

¹³⁶ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875, с. 104.

решено было не трогать, дабы не вызвать их недовольства. Что касалось адаевцев, то считалось, что они, обескровленные и запуганные при подавлении восстания, будут покорны и не окажут никакого сопротивления. Реквизиция верблюдов возлагалась на начальников отрядов — Н. П. Ломакина и Маркозова. Первый возглавлял Мангышлакский отряд, второй — Красноводский.

Обеспечение отрядов продовольствием, снаряжением (кошмой, теплой одеждой, веревками и т. д.); а также исправление дорог, идущих из Мангышлака в Хиву, очищение колодцев и т. п. возлагалось тоже на Ломакина. Все необходимое для выступления он должен был доставить в Кендерли к 20 февраля 1873 г., т. е. к прибытию экспедиционного войска с Кавказа. Все поборы и реквизиции осуществлялись при содействии феодальной верхушки, перешедшей на службу царизма. Привлекались к этому и торговцы, знавшие язык местного населения.

В декабре 1872 г. отряд с двумя сотнями при двух орудиях выехал в степь для реквизиции верблюдов у адаевцев, кочевавших в окрестностях Александровского форта. Ему удалось собрать только 500 верблюдов. Туркмены, кочевавшие за р. Атрек, не дали верблюдов. Однако штаб Дагестанского военного округа требовал от Ломакина немедленно собрать еще 3 тыс. верблюдов и доставить их к 18 февраля в Красноводск. Выход был один — предупредить откочевку адаевцев в глубь степи, т. е. задержать их на Мангышлаке. Для этого Ломакин занял их зимовки — район колодцев Бешакты и вход в Бузачинский полуостров. Однако казахи не пошли туда, а откочевали в дальние районы — к заливу Мертвый Култук. Так они сорвали план начальника отряда.

Теперь единственно, где можно было раздобыть верблюдов — это у казахов, кочующих на полуострове Бузачи и в долинах гор Каратау. Чтобы не выпустить адаевцев с полуострова, Ломакин послал одну сотню к колодцу Тарталы, а сам с сотней кавалерии и ротой с двумя нарезными орудиями стал объезжать аулы. Бии и старшины усердно помогали ему. За три дня они собрали с отделений тобыш и баимбет 800 верблюдов вме-

сто предполагавшихся 700¹³⁷. Причем у бедных отбирали даже единственного верблюда¹³⁸.

С появлением казачьих войск казахи со своими семьями, скотом двинулись к выходу из Бузачи. На выходе из полуострова между адаевцами и войсками произошла короткая, но горячая схватка. Адаевцы (их было 500 человек) во главе с бием Ермамбетом Туровым, вооруженные палками, пиками, топорами, шашками, напали на 4 взвода казаков и дагестанцев. Казаки стреляли в упор из ружей, пистолетов, действовали кинжалами. В схватке было ранено 16 человек из царского отряда, в том числе хорунжий Кособрюхов. Адаевцы потеряли 40 человек убитыми и более 100 человек ранеными и вынуждены были отступить. У них было захвачено 100 лошадей, 20 голов рогатого скота, 59 пик, топоры и одно ружье, а десятки тысяч баранов остались на месте схватки¹³⁹.

Другая группа адаевцев во главе с С. Тампиевым, спешившая на помощь Е. Турову, была разбита отрядом Ломакина. С. Тампиев умер от раны, а Е. Туров, не дождавшись подкрепления, отступил; 20 января группа казахов ночью у колодца Мастек (Бузачи) отбила у казаков своих лошадей и верблюдов. Такие стычки происходили и в других районах Бузачи.

Ломакин не смог доставить верблюдов к установленному сроку, хотя и заверил главнокомандующего кавказским округом князя Михаила, что верблюды будут и что на Мангышлаке обстановка спокойная. Свою неудачу он на всякий случай объяснил вмешательством Хивы. При этом он имел в виду «донос» бия Ермамбетова, которого Ломакин посылал к адаевцам, кочевавшим в районе колодца Бешакты (напротив Кендерлинского залива), с целью предупредить их откочевку. Ермамбетов сообщил ему, что хивинский хан Мадрагим обещал управляющему четыремя отделениями адаевцев К. Каражигитову¹⁴⁰ назначить его правителем г. Порсу

¹³⁷ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6866, л. 32—38.

¹³⁸ Там же, л. 10—26.

¹³⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6855, л. 27—30.

¹⁴⁰ Бий, наиб, родственник Кафара Калбина, управляющий четыремя отделениями, имел серебряную медаль за участие в покорении адаевцев.

(близ Ургенча) и каждому его сардару и бию уплачивать по одной тилли и выделить по участку земли, если они откажутся от поставки верблюдов русским¹⁴¹. По его словам, Кафар, как только узнал о продвижении отряда Ломакина на Бешакты, зажег призывные огни¹⁴² на горе Чопанате. Собравшимся казахам он сказал, что Ломакин не ограничится тремя тысячами верблюдов, а потребует еще больше, а если адаевцы не исполнят этого, то он разорит их аулы. С прибытием отряда Ломакина в Бешакты Кафар, не оказывая никакого противодействия, ушел на Устюрт, а оттуда в Хиву¹⁴³. В рапорте от 2 февраля Ломакин писал, что адаевцы не собрались, как в предыдущие годы, на свои зимовки в Бешакты, и поэтому он не занял этот район, кроме того, сопротивление оказали бузачинские, а не бешактинские казахи, среди которых якобы «проводил агитацию» Кафар. Надо сказать, что сам Ломакин доносу бия особого значения не придавал, так как считал, что «немногие легкомысленные следовали» за Кафаром¹⁴⁴. Похоже на то, что «донос» Кабака больше выдуман, чтобы Ломакину оправдаться перед начальством в неудаче со сбором верблюдов. Но если даже допустить, что агитация хивинского хана имела место, то и при этом оставалось бы несомненным, что причиной ухода казахов явилось массовое изъятие верблюдов.

Чтобы заставить адаевцев вернуться на свои кочевья, Ломакин запретил торговцам в форте торговать с ними, особенно хлебом, задержал 60 человек заложниками из отделений, откочевавших с Мангышлака, и еще 10 самых известных биев от главных отделений; разослал своих людей в аулы с угрозой, если казахи не возвратятся, то «рискуют потерять весь свой скот». От

¹⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6855, л. 31—38.

¹⁴² Древний способ сигнализации — «уран от» (сигнал кострами) сохранился во второй половине XIX в. у казахов-адаевцев. Аулы, узнавшие о приближении или нападении врага, зажигали много костров на возвышенной местности, давая знать об опасности соседним аулам, те, в свою очередь, делали то же самое, так что масса аулов на огромном пространстве при необходимости моментально могла скрыться.

¹⁴³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6866, л. 31—38.

¹⁴⁴ Там же. д. 6855, л. 26—38; ЦГА УЗССР, ф. 715, оп. I, д. 55, л. 32—36.

адаевских родоправителей он потребовал немедленно доставить необходимое ему число верблюдов, отобрать от джаровцев и джименеевцев отбитых у дагестанской сотни лошадей, выдать зачинщиков недавнего выступления. В противном случае он грозил не пропустить их на зимовки — на Мангышлак и на летовку. Вместе с тем он договорился с военным губернатором Уральской области не пропускать ни одного из 7 подразделений адаевцев (сабутай, раимберды, альмамбет, челым, джомарт, тней, джаман-адай) на летовки в свою область «без особых» от него, Ломакина, «свидетельств и билетов» и об аресте и высылке в форт перечисленных в его списке людей. Все эти меры были одобрены Меликовым и великим князем Михаилом ¹⁴⁵. Но, несмотря на это, зимой почти все адаевцы откочевали на Устьюрт.

В начале марта штаб главнокомандующего кавказской армией получил сообщение о том, что отряду Маркозова удалось раздобыть у туркмен всего 500 верблюдов, что было совершенно недостаточно для участия в походе на Хиву. Положение было трудным. Кавказское начальство опасалось, что восстание может охватить юго-западные пределы Казахстана, а это затруднит наступление на Хиву Оренбургского отряда, тем более, что уральский военный губернатор Вережкин, оставив на Устьюрте из предосторожности несколько рот, просил подкрепления казачьими войсками, а до начала выступления оставалось меньше месяца.

Все это, но главным образом недостаток верблюдов, вносило определенные коррективы в организацию похода. Соображение было такое: если Маркозов не сумеет добыть нужное количество вьючных животных, то он с частью войск сделает 5—6 переходов в сторону Хивы для демонстрации наступления и этим ограничится, а основные его силы в Чекишляре, Красноводске и Кендерли будут переданы в распоряжение Ломакина. Все надежды возлагались на сбор верблюдов на Мангышлаке, где к началу марта было собрано всего 800 голов. Решено было покупать животных, так как Ломакин заявил, что казахи охотнее продают верблюдов, чем отдают в наем. С Кавказа полковник Филатов доставил

¹⁴⁵ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 54, л. 288, 293.

наличными 30 тыс. руб. Кроме того, Ломакину разрешалось потратить на приобретение верблюдов до 45 тыс. руб. из кибиточного сбора.

После принятия всех этих мер дагестанская администрация категорически потребовала от Ломакина «употребить все силы для приобретения верблюдов»¹⁴⁶, так как, говорилось в сообщении великому князю Михаилу, «количеством верблюдов, собранных Ломакиным, определится сила и состав экспедиционного отряда».

Маркозов, получивши полную свободу действий, совершил несколько походов на заатрекских туркмен. Он пригнал от них почти 2200 верблюдов. Всего им было добыто 2614 голов, из них 400 были даны туркменами добровольно, а остальные взяты силой¹⁴⁷. Так, обеспечив себя перевозочными средствами, Маркозов с отрядом в составе 20 рот пехоты, 4 казачьих сотен, 16 орудий 19 и 26 марта выступил из Красноводска в Кендерли с расчетом соединиться с генерал-майором Веревкиным в районе залива Айбугир¹⁴⁸.

Начальник Бешактинского опорного пункта майор Навроцкий с 2 сотнями казаков и командой всадников воровски, ночью делал набеги на аулы адаевцев в районе залива Кайдак, у колодцев Богды, Малибек, Утек. В течение трех суток (с 12 по 14 апреля) ему удалось конфисковать 2750 баранов, 161 лошадь, 423 верблюда. Им было задержано 14 человек, в том числе несколько биев¹⁴⁹. Казахо-адаевцев буквально грабили, семье порой оставлялось 1—2 верблюда, 5—10 баранов и коз, а иногда их лишали и этого. При оказании сопротивления они понесли много жертв. Так, ценой крови было обеспечено выступление Мангышлакского отряда.

Всего Ломакин набрал 1500 верблюдов, их явно не хватало для выступления отряда в полном, намеченном

¹⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 55, л. 95—98.

¹⁴⁷ Там же, л. 241—274.

¹⁴⁸ Там же, л. 174—175. Фактически со стороны Кавказа в завоевании Хивинского ханства участвовало 3076 человек, при которых было 738 лошадей, 9 орудий; со стороны Оренбурга 3229 человек, лошадей было 1694, орудий 20; Туркестан поставил 5809 человек, 1690 лошадей и 28 орудий (Пребывание русских войск в Хивинском ханстве в 1873 г. Ташкент, 1883, с. 135—136).

¹⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 55, л. 241—271; *Герентьев М.* История завоевания Средней Азии. Т. II. Спб., 1906, с. 212—214.

раньше составе, и он вынужден был выступить в поход на 16—25 дней позже, чем другие отряды, и отдельными группами, учреждая промежуточные склады продовольствия в Бешакты, Ильтедже.

По пути в Хиву экспедиционные отряды настигали уходящих адаевцев. Авангард царских войск во главе с генералом Скобелевым, застав аулы адаевцев у колодца Мандалы, около залива Айбугир, захватил их ¹⁵⁰. У колодца Итебай войска также пытались взять кочующих адаевцев, но встретили энергичное сопротивление. Казахи ранили самого Скобелева, двух офицеров и нескольких казаков, а сами потеряли 11 человек убитыми. Прибывшие вскоре апшеронцы рассеяли адаевцев, отобрали у них всех верблюдов, 10 лошадей, 15 кибиток и 800 пудов риса, всю джугару и другие съестные припасы ¹⁵¹.

Этот продолжавшийся несколько лет неслыханный грабеж, сопровождавшийся варварским уничтожением народного добра, нарушением естественного порядка ведения хозяйства, нанес адаевцам огромный ущерб.

Судьба предводителей восстания 1870 г. и выступлений 1873 г. сложилась по-разному. Одни явились с повинной и перешли на службу царизму, а другие продолжали борьбу.

Иса Тленбаев после завоевания в 1873 г. Хивы Россией возвратился на Мангышлак и явился с повинной к начальнику отряда Ломакину. Его оставили на свободе с условием содействия в поимке Досана Тажиева, учредив за ним тайный надзор. Иса показал усердие в выполнении задания, за что был прощен и в 1874 г. назначен волостным управителем.

Досан Тажиев до конца своей жизни вел борьбу против царской администрации и местных феодалов. Его аул в Хиве был расположен между Куняургенчем и Кунградом. Здесь казахи выбрали Досана начальником охранной стражи для защиты от набегов туркмен. «В этой должности,— писали царские офицеры,— Досан заслужил всеобщее уважение» ¹⁵². В августе 1871 г.

¹⁵⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6954, л. 92—93.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 84, л. 169—192.

Досан вместе с батыром Сокуром Чабаевым в урочище Шошкакуль напал на аул крупного бия Даута Асауова. В следующем году Досан с отрядом, включающим 120 человек, совершил набег на табуны Нижнеэмбенского укрепления. Тогда же отряд напал на аулы биев табынского рода и угнал много скота¹⁵³. Вместе с Досаном были его ближайшие товарищи по восстанию: Акбала (Алга) Джалмамбетов¹⁵⁴, Дейхан, Косак, Кошкар, Токаш, Бекбосын. Действия Досана беспокоили оренбургскую администрацию. Она послала лазутчиков в Хиву для установления его местонахождения. Одному из них, Нурчу Бланбаеву, удалось найти Досана, присоединиться к нему и даже войти в доверие¹⁵⁵.

Через некоторое время все казахи, участвовавшие в восстании, были амнистированы, в том числе и некоторые руководители. Досана, Алгу Джалмагамбетова власти объявили вне закона, решили судить «по всей строгости законов». Под страхом наказания местные власти заставили адаевцев отказаться помогать им.

Весной 1874 г. Досан со своими приверженцами решил перебраться из Хивы на Устюрт. Местные власти Оренбурга ждали его появления. К захвату Досана были привлечены бывший его соратник по восстанию бий Иса Тленбаев, бии Кабак Ермамбетов, Кафар Калбин¹⁵⁶ со своими родственниками. В июле 1874 г.

¹⁵³ Там же, л. 15—16.

¹⁵⁴ В сентябре 1870 г. вместе с тремя адаевцами он был захвачен подполковником Саранчевым в Калмыковском уезде и посажен как заложник в тюрьму Александровского форта, а 5 февраля 1871 г. был освобожден Меликовым и послан в Хиву к адаевцам для передачи объявления: «...желающим перейти на Мангышлак местное начальство препятствовать не будет» (ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 20).

¹⁵⁵ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 84, л. 57.

¹⁵⁶ Царские власти преследовали его не за участие в восстании, а как своего ставленника, не сумевшего предотвратить его. Кафар Калбин, ушедший в Хиву после подавления восстания в 1870 г., в период похода России на Хиву в 1873 г. получил от хана задание собрать всех живших в Хиве казахов, умеющих владеть оружием, и выступить против русских войск, засыпать все колодцы между Ильтедже и Куняургенчем. Калбин действительно объединил многие аулы казахов, но потом явился к царскому командованию и перешел на его сторону. За услуги ему было разрешено вернуться на Мангышлак.

отряд, возглавляемый начальником Самского и Каратамакского отрядов Аничхиным, напал на аул досановцев, находившийся у могилы Кашен, захватил 17 женщин, детей и 2 мужчин. В вооруженной схватке был убит товарищ Досана Джуманияз.

Досановцы, собравшиеся у колодца Бейнеу, решили разойтись. Трое отправились на Эмбу, а остальные перешли к колодцу Джанбаян. Отсюда Досан отправил своего сына Шолпана с Ураком, Демесином в Каратау, а сам с восемью своими единомышленниками явился к Караджигиту Кармулову, отцу Кафара Караджигитова и дяде К. Калбина. Здесь его увидел Кабак Ермамбетов и сообщил Аничхину. Родственники Калбина предали Досана: они умышленно задержали его до прибытия отряда. В донесении Аничхина говорится, что «Досан был взят после упорного сопротивления и нанесения ему нескольких ран; кибитка, в которой он спал, была окружена и опрокинута. Кроме обыкновенной одежды на нем была надета кольчуга»¹⁵⁷.

Несомненно, здесь Аничхин преувеличивает сопротивление Досана. По свидетельству адаевских стариков, в памяти которых жива эта история, солдаты среди ночи, окружив юрту, в которой спал Досан, стреляли в нее до тех пор, пока не сочли его мертвым. Когда же солдаты зашли в юрту, то увидели, что Досан в одном нижнем белье сидит посередине юрты, держа в поднятой руке саблю. Убедившись в бесполезности сопротивления, он сдался. На удивленные возгласы солдат, что он такой маленький, Досан заметил: «Разве золото бывает огромным!».

Тогда же были арестованы Кумусбек Мульсубаев, Тлеуберген Ураков, Дейхан Утепов, Карасай Мамбаев и Алибай Сюткунбаев и доставлены на Эмбенский пост, откуда их перевели в гурьевскую тюрьму, где они содержались больше года. Позднее Иса Тленбаев, Кафар Калбин поймали еще 8 участников восстания: Табуная Бейсенова, Отегена Итемгенова, Урака Сайбалиева, Демесина Джиенбаева, Шолпана, 14-летнего сына Досана, братьев Джарас, Джаманбала.

Нельзя не отметить полного единодушия местной

¹⁵⁷ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 84, л. 184.

феодалной верхушки и царской администрации в расправе над Досаном и его соратниками, которые оставались непреклонными в своей борьбе против царизма и его местных сатрапов.

Через год досановцев перевели на гауптвахту форта Александровского. С ними обращались исключительно жестоко: как важных государственных преступников содержали в одиночных, темных, холодных камерах, построенных из камня; арестованным не выдавали ни постели, ни одежды, почти не кормили, постоянно били. Несмотря на это, они держали себя с достоинством. В заключении следствия написано, что на допросах Досан всю вину взял на себя и признался, что в 1870 г. он был действительно первым организатором и руководителем восстания.

Вести о мужестве Досана из каземата доходили до народа. Поэт Саттыгул, воспевший восстание 1870 г., считает его первым руководителем движения и противопоставляет Исе. Исключительную твердость характера и силу воли проявил товарищ Досана Карасай Мамбаев. За время заключения он не дал следователям никаких показаний.

Не выдержав тяжелых условий заключения в начале 1876 г. мучительной смертью умерли Кумусбек Мульсубаев, сам Досан и его брат Джаманбала. Во врачебном заключении было написано, что они умерли «божьей волей от водянки». Над остальными арестованными 8 марта 1876 г. в форте Александровском под председательством воинского начальника форта полковника Архангельского и 6 членов из офицеров состоялся военно-полевой суд «для острастки и в назидание другим». Арестованные были осуждены как «бунтовщики» против законной власти царизма. Суд приговорил Тлеубергена Уракова к смертной казни через повешение, Алгу Джалмагамбетова к каторжным работам в крепостях на 10 лет; Демесина Джиенбаева, Алибая Сюткунбаева, Отегена Итемгенова сослали в Сибирь на поселение на разные сроки. Двое — Дейхан Утепов, Черен Иманов — были преданы общему суду империи. Абсолютно невиновные — сын Досана Шолпан, Табунай Бейсенов, Джарас — после трехлетнего заключения были освобождены. Чтобы показать милосердие высшей власти к

своим подданным, великий князь Михаил изменил приговор первым двум: Алгу Джалмагамбетова было решено сослать в Сибирь на 7 лет, а Тлеубергена Уракова — на постоянное поселение туда. Дело Карася Мамбаева было передано в распоряжение Уральского военного губернатора. Судебные издержки в сумме 465 руб. было решено взыскать с Алги Джалмагамбетова и Уракова, а в случае их несостоятельности — с однородцев. После суда вскоре умерли брат Досана, Джарас, и Отеген Итемгенов. Алга Джалмагамбетов умер в сибирской тюрьме 16 марта 1877 г. Дейхан Утепов в 1884 г., после истечения срока ссылки, вернулся на родину. Судьбы остальных пока неизвестны.

Характерно, что в числе осужденных нет ни одного бия или старшины. Все они, как написано в статейных списках, выходцы «из простого звания»¹⁵⁸.

Так царизм жестоко расправился с вожаками восстания 1870 г. и выступлений 1873 г.

Временное положение об управлении Закаспийским краем от 9 марта 1874 г.

Вслед за покорением Мангышлака встал вопрос об управлении им. Он рассматривался в Военном министерстве еще в 1871 г. А спустя год Кавказская администрация представила проект нового штата военного управления Мангышлаком. Предполагалось вместо приставства образовать Военный отдел (как в Дагестане), а население разделить на 4 наибства. Для «исполнительной службы» и «охраны спокойствия» при отделе предусматривалось, подобно дагестанской милиции, учредить особую команду «рассыльных» из местного населения. Поскольку такое управление отличалось от системы управления, действовавшей по всему Казахстану, Военное министерство решило выяснить применимость его на Мангышлаке. В мае 1873 г. в Оренбург и на Мангышлак был командирован заведующий Азиатской частью военного министерства полковник Проценко. Ознакомившись с обстановкой, он при-

¹⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 84, л. 189—203.

шел к выводу, что «введение новой администрации в этой местности должно быть исполнено с особой осторожностью и лишь по полной и справедливой оценке некоторых исключительных условий собственного быта мангышлакского населения и того несомненного факта, что население это имеет много общего с населением других областей»¹⁵⁹.

9 марта 1874 г. было утверждено Временное положение об управлении Закаспийским краем¹⁶⁰. Два приставства — Мангышлакское и Красноводское — образовали Закаспийский военный отдел, непосредственно подчинявшийся Главнокомандующему кавказской армией как в военном, так и в административном отношении¹⁶¹. Территория отдела простиралась от Мертвого Култука на севере до р. Атрек на юге (граница территории, занимаемой туркменами, с Персией) и от восточного берега Каспия до западных пределов Хивинского ханства. К отделу относились все острова, лежащие вблизи восточного, юго-восточного берегов Каспийского моря (Кулалы, Святой, Подгорный, Кирель, Долгий, Челекен, Огурчинский и др.). В примечании написано: «Подробное разграничение Отдела с Уральской областью и Хивинским ханством устанавливается по соглашению главнокомандующего Кавказской армией с генерал-губернаторами Оренбургским и Туркестанским». Это говорит о том, что Кавказская администрация совершенно не вникала в существо вопроса о летних кочевках адаевцев на севере. Более того, в тексте Положения написано, что адаевцы на северные летние кочевки могут перейти только с письменного разрешения начальника Закаспийского военного отдела.

¹⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 258/909, д. 13, л. 35—54 с об.

¹⁶⁰ ПСЗ Российской империи. Собр. 2-е, т. 49, № 53233.

¹⁶¹ С 1881 по 1885 г. к территории отдела были присоединены все туркменские земли. В 1881 г. из Закаспийского военного отдела и вновь присоединенных к нему туркменских земель была образована Закаспийская область, включающая Мангышлакский, Красноводский, Ашхабадский, Тадженский и Мервский уезды, с центром в г. Ашхабаде. До 1890 г. она находилась в ведении Кавказского военного округа, затем перешла в непосредственное ведение Военного министерства, с декабря 1897 г. была передана Туркестанскому генерал-губернаторству. Начальник области имел такие же права, как и начальник военного округа.

Закаспийский военный отдел, позднее Закаспийская область объявлялись находящимися в исключительном положении. Это до крайних пределов расширяло карательные полномочия администрации и судов. Начальник Закаспийского военного отдела имел военную и гражданскую власть: являлся командующим войсками отдела, а по управлению гражданским населением имел права губернатора. Главное, что от него требовалось — это при помощи приставов, волостных и аульных старшин «следить за состоянием умов населения», «за благонадежностью лиц местного управления». Он имел право подбирать людей на должность волостных, судебных биев приставства, утверждать в должности аульных, отстранять, сменять, подвергать дисциплинарным взысканиям и аресту сроком до трех месяцев, предавать суду всех должностных лиц местного управления, причем уголовные дела общегражданской подсудности передавать в военный суд. Должность начальника военного отдела и приставов занимали офицеры регулярных войск.

Такие же права и обязанности имел и пристав. Он лично отвечал за порядок в приставстве. В случае нарушения он был обязан немедленно принимать меры к его восстановлению; наблюдать за точным исполнением должностными лицами своих обязанностей, за правильным поступлением налогов, исполнением натуральных повинностей, за учетом кибиток, за пребыванием в аулах «неблагонадежных» лиц. Он мог подвергать должностных лиц местного управления взысканиям и аресту до одного месяца, т. е. имел права и обязанности уездного исправника. Волостной управитель тоже имел исполнительную и полицейскую власть, имел право на арест до трех дней, на штраф до 3 рублей.

Красноводское приставство управлялось самим начальником отдела, Мангышлакское — получило отдельный штат.

Административное управление разделило адаевцев на 3 волости — Мангышлакскую, Бузачинскую и Устюртскую, выделив туркменов в особую, Туркменскую волость. Через три года, в 1877 г., Мангышлакская волость была разделена на две — Мангышлакскую и Тюбкараганскую, а Бузачинская — на Первую и Вторую Бузачинскую, а в 1888 г. образовались еще три новые

волости — Туркмен-Адаевская, Джименеевская и Раимбердинская¹⁶². Позже появилась Третья Бузачинская волость. В 1908 г. все казахские и туркменские рыболовы восточного берега Каспийского моря объединились в особую волость — Рыболовную. Мангышлакское приставство, преобразованное в 1881 г. в уезд, состояло из 10 казахских и одной туркменской волостей¹⁶³.

Распределялись по волостям адаевцы неравномерно. В каждой волости насчитывалось от 1100 до 1600 кибиток. Вторая Бузачинская волость состояла из 2000 кибиток. Волости разделялись на административные аулы. В 1908 г. было 74 аула. Территория каждой волости на Мангышлаке определялась естественными границами.

Николаевская станица из казачьего сословия переводилась в гражданское с сохранением за ее жителями льгот относительно податей, рыболовства, добычи соли;

¹⁶² Шесть тысяч кибиток адаевцев (1-я, 2-я, 3-я Адаевские волости), насильственно оставленных в Уральской области, не вошли в административное управление Мангышлака.

¹⁶³ Часть туркмен (500 семей) Мангышлацкого уезда проживала в окрестностях г. Астрахани, Красного Яра. Землю они арендовали у землевладельцев (Плотникова и др.) и городского общества, которое брало за нее на 200 руб. больше, чем само платило в Министерство государственных имуществ. Арендатором земельного участка у Плотникова в течение 40 лет являлся туркмен Ахмед-хаджи Уде Мухаммедов, который за участок земли, состоявший из песчаных холмов и тугаев и только 100 десятин, годных к обработке, отдавал 6 тыс. руб. в год. Раздавая этот участок туркменским семьям, Ахмед-хаджи оставлял в свою пользу бесплатно 10 десятин хорошей земли. Кроме арендной платы по 60 руб. серебром в год за десятину каждая арендующая землю семья за право иметь на ней землянку или дом и за выгон скота платила еще 4 руб. в год. Живя в Астраханской губернии, эти туркмены подчинялись Мангышлакской администрации. В 1870 г. они с большим уроном для своих хозяйств были переселены Закаспийской администрацией на Мангышлак, однако из-за отсутствия средств к существованию через год вернулись в Астрахань, но уже совершенно нищими. 437 семей нанимались на поденную работу в земледелии в Царевском, Красноярском уездах; 45 семей работали в Астраханской городской бойне, получая в месяц от 3 до 10 руб., платя собственнику земли (Соколову) за кусок земли, на которой стояли их жалкие землянки, от 3 до 7 руб. в год. Только небольшое число туркмен, имевших средства, занималось в Астрахани торговлей или арендовало земли (ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 712, л. 1—2, 7).

они освобождались от многих повинностей, в частности воинской. Как и везде, казачьи верхи являлись опорой царского самодержавия.

Волостные управители, аульные старшины, также судебные бии до 1905 г. не выбирались, а назначались из «благонадежных», «распорядительных», «влиятельных» представителей феодальной верхушки. Управители и бии утверждались главнокомандующим кавказской армией, а старшины — начальником Закаспийского военного отдела. Позже по распоряжению начальника Закаспийской области был установлен порядок выбора должностных лиц. На одну должность волостного управителя, аульного старшины, судьи на сходах пятидесятников волости, десятников аула избиралось по 4 кандидата, из которых начальник области выбирал и утверждал по одному человеку сроком на 3 года.

При каждом волостном управителе было по одному письмоводителю и по 3—4 рассыльных. Волостные управители с момента введения Положения 1874 г., их кандидаты (с 1905 г.), письмоводители и рассыльные при них получали жалованье за счет земского сбора: первые 300 руб. в год, вторые по 5—7 р. 50 к. и третьи — 5 руб. в месяц, четвертые по 140 руб. в год. Аульные старшины вначале жалованье не получали, население их «обеспечивало» лишь транспортными средствами и людьми по наряду для посылок по делам управления. Позже аульным старшинам дали письмоводителя и рассыльных и все они стали получать: первые 100 руб., вторые 60 руб. и третьи 68 руб. в год¹⁶⁴.

В Закаспийском военном отделе, как по всему Казахстану, было введено три суда: военный, общеимперский и народный. Все деяния, направленные против колониального господства, рассматривались военным судом, а гражданские, уголовные дела — общеимперским судом. Обязанность мирового судьи исполнял помощник начальника Мангышлакского уезда¹⁶⁵. Он подвергал людей аресту с содержанием на военной гауптвахте, штрафовал по своему усмотрению¹⁶⁶. Так, по-

¹⁶⁴ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 971, л. 139—140.

¹⁶⁵ Там же, д. 593, л. 8.

¹⁶⁶ Там же, д. 443, л. 227.

ступления от штрафов к 1 декабря 1889 г. выражались в 7 тыс. руб.¹⁶⁷

Народный суд имел две инстанции: аульный суд (три судьи в каждом ауле) и судебный съезд биев приставства (один бий и кандидат от каждой волости). Аульные судьи утверждались начальником Закаспийского военного отдела, судьи судебных съездов приставства — главнокомандующим кавказской армией. Съезд биев приставства собирался два раза в год — с 1 декабря по 1 февраля и с 1 апреля по 1 мая.

Аульные судьи получали 10% от суммы иска по уголовным делам и 5% по гражданским делам; уездные судьи получали от 100 до 120 руб. в год и по 10 руб. на квартирные за время сбора; судьи, так же как и аульные должностные лица (старшины, писари, рассыльные), содержались за счет средств, дополнительно собираемых с населения¹⁶⁸. Те дела, в которых тяжущимися были туркмены и казахи, разбирались судом, состоявшим из четырех (с каждой стороны) туркменских и казахских судей. Аульный суд рассматривал все гражданские дела среди казахов и имел право решать их и предъявлять иски на сумму не свыше 100 руб. Судебный съезд биев разбирал дела на всякую сумму, но решение его было окончательно по делам до 300 руб. Жалобу на решения съезда биев рассматривал начальник Закаспийского военного отдела, решение которого считалось окончательным в пределах иска до 3000 руб. Последней судебной инстанцией являлось решение главнокомандующего кавказской армией, который решал исход дела единовластно.

В основу решения народного судьи ложились показания тусепов (авторитетных лиц, избравшихся уполномоченными истца из рода, отделения ответчика), которые под присягой выносили оправдательный или обвинительный вердикт. Если ответчика суд оправдывал¹⁶⁹, дело кончалось миром; в противном случае решение ограничивалось материальным взысканием. Из документов можно привести такой факт: за групповые

¹⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, доп., д. 18, л. 55.

¹⁶⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, доп., д. 89, л. 18.

¹⁶⁹ Там же, д. 304, л. 8, с об.; д. 209, л. 8.

побой и истязания одного ишана и его сына и угон у них 5 баранов суд с 10 ответчиков взыскивал 9 лошадей, 9 халатов в пользу ишана и 108 р. 50 к. в штрафную сумму уезда, а также обязывал ответчиков возвратить ишану 5 больших баранов¹⁷⁰.

При каждом уездном управлении имелась еще команда рассыльных (21 человек). Усиление власти царских офицеров и чиновников в судопроизводстве одновременно вело к ограничению прав сферы деятельности местных судов. Если в других частях Казахстана уездные начальники и их помощники лишь присутствовали на судебных заседаниях биев в качестве наблюдателей за ходом судопроизводства, то на Мангышлаке пристав или его помощник председательствовали в суде, т. е. определяли решения биев в интересах колониальной политики царизма.

Тяжелым бременем на плечи народа ложились различные натуральные повинности: исправление дорог, арычных мостов, особенно поставка верблюдов и лошадей для войск, юрт, дров, транспорта для чиновников колониального управления. С той части бедняков, которая уходила на заработки, взимался так называемый билетный сбор. Население обязано было содержать чиновников местного управления, обеспечивать их питанием, транспортными средствами и т. п.

Положение 1874 г., составленное на основе Временного положения 1868 г., отличалось от него усилением военной власти на Мангышлаке, увеличением обязанностей населения перед колониальным аппаратом царизма, лишением его всех прав, т. е. окончательно утвердило на Мангышлаке власть царизма.

В течение последней четверти XIX в. оно подверглось существенным дополнениям и изменениям. Принцип назначения местных должностных лиц сменился формальными выборами. Служба их из «бесплатной» стала оплачиваемой, т. е. произошел процесс их огосударствления.

Увеличились налоги, казахи Мангышлака платили налогов больше, чем, например, казахи Уральской области, и размер их из года в год все увеличивался. На-

¹⁷⁰ Там же, л. 1—2.

пример, к 1881 г. земский сбор с 50 коп. вырос до 1 р. 10 к. С 1885 г. кибиточная подать и земский сбор уже взимались в размере 5 руб. с кибитки, тогда как казахи Уральской области тогда же платили 3 руб. кибиточной подати и от 50 до 60 коп. земского сбора¹⁷¹. К началу XX в. общий сбор с кибитки в год на Мангышлаке составлял 10 р. 90 к.¹⁷²

Налог с кибитки считался государственной повинностью и прямо вносился в государственное казначейство в г. Петровске (ныне Махачкала). В 1883 г. только от одних адаевцев, насчитывающих более 15,5 тыс. кибиток¹⁷³, в казну поступило 26 512 руб., в 1889 г. — 34 224, а в 1899 г. — 53 936 руб. Увеличился и земской сбор — с 1218 руб. в 1882 г. до 26 968 руб. в 1899 г.¹⁷⁴

В 80-х гг. XIX в. царское правительство ввело дополнительный сбор «на общественные надобности». В основном эти средства шли на содержание увеличивающегося штата местного аппарата управления. Если до этого только волостные управители получали жалованье за счет земского сбора, то теперь его получали и аульные старшины (63 человека), и писари, и рассыльные при них, и команды рассыльных при уездном управлении (21 человек) и при волостных управителях (30 человек). Например, в 1889 г. сверх кибиточной подати и земского сбора было собрано 19 813 р. 20 к.¹⁷⁵ Содержание школ, земской почты и т. п. также относилось за счет населения. Таким образом, кроме основных налогов с каждой кибитки в год собиралось еще от 1 до 2 рублей.

Следует отметить, что до 1894 г. обложение налогом было уравнительным — и бедные и богатые вносили

¹⁷¹ ЦГА КазССР, ф. 267, оп. 1, д. 227, л. 27.

¹⁷² Там же, ф. 40, оп. 1, д. 89, л. 18.

¹⁷³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Закаспийская область. Спб., 1904, с. 133. Кроме того: 10 380 казахов обоого пола, составлявших 2890 хозяйств (4-я Адаевская волость) и находившихся в Красноводском уезде (там же, с. 129—130); две волости (1-я и 2-я Адаевская) — в Уральской области (Обзор Закаспийской области за 1893 г. Ашхабад, 1895), одна волость туркмен в 540 хозяйств и 1593 человека обоого пола пришлого населения, приписанных к рыболовецким поселкам (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, с. 130—133).

¹⁷⁴ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, т. 3, л. 663.

¹⁷⁵ Там же, л. 967.

одинаковую норму кибиточной подати. Поэтому всякое увеличение обложений отражалось прежде всего на положении маломощных и середняцких хозяйств, приводя их постоянно к разорению.

Налоги нужно было платить деньгами, а их у большинства адаевских кочевников, хозяйство которых носило натуральный характер, не было. Чтобы уплатить налоги, бедняки вынуждены были занимать деньги у торговцев, биев, рыбопромышленников, волостных управителей, аульных старшин.

Старшины и волостные управители нередко присваивали часть кибиточной подати. Архивы свидетельствуют, что старшина аула Байбише Еремекбай Карабасов, собирая подать со 121 кибитки, в уездное управление сдавал только за 108 кибиток, присваивая таким образом каждый год по 58 р. 30 к.¹⁷⁶ Старшина аула Толеке Кульчуков в течение 7 лет брал в свою пользу деньги, внесенные с 25 кибиток. Эти деньги старшины раздавали в долг той же бедноте, причем под большие проценты.

Побывавший на Мангышлаке в 1880 г. А. Гейнс писал: «Так как с бедных людей взимается полная цифра кибиточной подати, то по неимению денег они часто бывают поставлены в невозможность уплатить требуемую сумму. Это затруднение на практике стало разрешаться тем, что волостной управитель уплачивал за несостоятельного плательщика из собственных или, вернее, общественных сумм. Затем, как только волостной управитель узнавал, что его должник получил или заработал деньги, он взыскивал с него с надбавкой ста и более процентов»¹⁷⁷.

В результате ростовщичества и прямого грабежа казахов-адаевцев со стороны представителей местных властей и различных чиновников царской колониальной администрации значительная часть адаевских кочевников оказалась неплатежеспособной, о чем свидетельствуют образовавшиеся недоимки, которые возрастали с каждым годом. Только за один 1885 г. недоимки достигли суммы 8714 руб.¹⁷⁸ Недоимки взыскивались самыми

¹⁷⁶ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 6.

¹⁷⁷ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, с. 673.

¹⁷⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 101, л. 57.

различными способами — и административными и местными. В 1882 г. уездное управление Мангышлака дало указание волостным управителям и аульным старшинам недоимку, образовавшуюся из-за несостоятельности кочевников или перехода их в другие владения, взыскать с их родственников, одноаульцев или же уплатить налог за счет займа у кого-либо с последующим принудительным взыскиванием этих денег с должника. Такой порядок открывал представителям местной власти еще более широкие возможности для злоупотреблений. Приведем пример. В 1885 г. с адаевца Джалгаспая Калниязова причиталось: подать в сумме 5 руб. и недоимка 90 коп. Калниязов откочевал в Красноводский уезд, не уплатив подати. Требуемая сумма за него была внесена старшиной Айзаком Тюребаевым, который впоследствии взыскал с Джалгаспая 7 баранов¹⁷⁹. Или другой пример. Аульный старшина К. Байгараев аула Ходжагул Джименеевской волости заявил управителю этой волости О. Чалову, что якобы он вносил подать за своего одноаульца, бедняка Калдыбаева, ушедшего в Хиву, за 1888—1891 гг. Не проверив достоверность заявления, Чалов взыскал 48 баранов, а также 48 рублей, истраченных якобы на поиски Калдыбаева, со всего аула «по обычаю»¹⁸⁰.

С увеличением поборов росло и сопротивление масс. Вот типичный факт: управитель аула Канатшалбар Туркмен-Адаевской волости бий С. Байленов отобрал у Б. Кожебаева 20 баранов якобы в счет уплаты налога за него. Но семь казахов этого аула, возмущенные несправедливостью, напали на управителя, избили его и отняли баранов, за что были наказаны начальниками Мангышлакского и Красноводского уездов¹⁸¹.

Жестокая эксплуатация со стороны богатых сородичей, злоупотребления местных властей и колониальной администрации вызывали недовольство народа. Опасаясь новых выступлений, царское правительство в 1894 г. допустило дифференцированную систему обложения населения податями, не освобождая при этом бедняков от уплаты налогов. Общая сумма кибиточной

¹⁷⁹ Там же, д. 310, л. 1.

¹⁸⁰ Там же, д. 443, л. 280, 367—368.

¹⁸¹ Там же, д. 306, л. 1—2 с об., 6 с об.

подати из расчета 6 рублей с кибитки, как прежде, распределялась по волостям и аулам. В каждом ауле выбиралось 8—10 человек, которые, исходя из наличия скота в хозяйстве, облагали его налогом.

Этим нововведением царское правительство, не теряя ни одного рубля податей, как бы снимало с аппарата своего местного управления ответственность за налоги перед народом, переложив ее на плечи родового старшины, что повлекло за собой дальнейшее обострение классовых противоречий внутри адаевских родов, увеличило внутривидовые столкновения.

Только незначительная часть взимаемых налогов шла на общественные нужды. На полуострове (в основном на побережье) вводилось кое-какое медицинское обслуживание. Для этой цели было обучено несколько казахов, открыты 4 пункта оспопрививания. В 1882 г. в Слободке форта Александровского на средства местного населения была открыта уездная аптека. В 1884 г. услугами ее пользовались 2359 человек. Позднее при аптеке стала работать амбулатория. Больных принимал уездный врач. Число больных, обращавшихся за медицинской помощью, с каждым годом возрастало, и в 1887 г. количество их достигло 2085 человек, из них казахов 1710 человек. В 1896 г. для всего уезда были предусмотрены 1 врач, 8 фельдшеров, 4 повивальные бабки и 15 оспопрививателей (последние из казахов и туркмен). За год на санитарные и лечебные нужды было израсходовано 908 р. 54 к.

Весьма скромные средства выделялись и на просвещение. Дети адаевцев учились в мусульманских школах — мектебе¹⁸². Однако царскому правительству нужны были грамотные по-русски казахи, способные помочь ему в проведении его политики. В 1887 г. в Слободке форта Александровского для казахских детей было открыто одноклассное начальное училище с 4-летним сроком обучения. Еще раньше стала работать церковно-приходская школа в Николаевской станице, где учились дети казахов и туркмен. В школах обучали русскому языку, арифметике и другим предметам. Алек-

¹⁸² Число их в Мангышлакском уезде с 1870 по 1896 г. колебалось от 19 до 30, в которых обучалось в среднем 300 учеников.

сандровское начальное училище с интернатом для 20 казахских мальчиков существовало на средства местного населения, а Николаевская церковно-приходская школа — на средства станичного общества. В этих школах в 1887 г. обучалось всего 10 учащихся-казахов и 3 туркмена. Школы имели свои библиотеки, в которых в общей сложности насчитывалось 1190 книг.

В 90-х гг. XIX в. российские предприниматели стали уделять внимание развитию специального технического образования. В 1893 г. церковно-приходскую школу преобразовали в двухклассное училище и при нем открыли лодочно-плотничное и кузнечно-слесарное отделения. Спустя три года было открыто одноклассное женское училище в Николаевской станице и двухклассное училище для мальчиков и девочек в селе Малом Долгом. Тогда же при одноклассном училище форта открылся интернат на 14 человек и 2 мастерские: шорноседельная и сапожная. В 1896 г. в интернате находилось 10 мальчиков-казахов. Если судить по именному списку грамотных людей уезда этого же года, то «хорошо знали грамоту» по-казахски (на арабском шрифте) 68 человек, в том числе знали русскую грамоту 8 человек. Из общего количества грамотных 25 человек работали писарями¹⁸³.

Эти мероприятия в области медицинского обслуживания и просвещения, как бы они ни были малы, все же представляли положительное явление в жизни отсталого и во многом патриархального казахского общества.

Вышеизложенное показывает, что в конце 60-х гг. царизм вплотную приступил к ликвидации последних остатков политической независимости Казахстана и превращению его в свою колонию.

Выработанные в этих целях Временное положение 1868 г., а также Положение 1874 г. при попытке их введения встретили резкое сопротивление со стороны кочевников Младшего жуза и Мангышлака, вылившееся затем в открытые вооруженные выступления. Жестоко подавив их, царизм повсеместно ввел положения, чем окончательно установил колониальный режим.

¹⁸³ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 529, л. 89—91.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАНГЫШЛАКА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Изменения в скотоводческом хозяйстве и земледелии

Жестоко подавив выступления адаевцев в 70-х гг. XIX в., царизм окончательно укрепил свою власть на Мангышлаке и получил возможность использовать его хозяйственные ресурсы для продвижения в глубь туркменских земель.

С целью предупреждения и недопущения новых выступлений масс органами царского правительства был разработан и проведен ряд мероприятий, в том числе изолирование отдельных кочевых коллективов и их вожаков, игравших наиболее активную роль в выступлениях, от остальной части населения и расчленение крупных родовых объединений на мелкие. Так, 6 тыс. кибиток адаевцев, зимующих в районе колодцев Бешакты, Синик, Сумса и др. (напротив Кендерлинского залива), насильственно было закреплено за Уральской областью. Крыжановский и Веревкин объясняли это тем, что они «опасались оставлять на юге Оренбургской степи толпы неустроенных дикарей, которых кавказское начальство не может удержать, в повиновении»¹. Ада-

¹ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 237. Эти насильственно включенные в Уральскую область 6 тыс. кибиток адаевцев и ушедшие в Красноводский уезд две волости были воссоединены со своими однородцами лишь при образовании советского Мангышлакского уезда в 1920 г. (Тлепов С. Установление и укрепление Советской власти на Мангышлаке (1917—1927). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. [Рукопись]. Алма-Ата, 1969, с. 135, 138, 196).

евцы были поделены на волости и аулы без учета принадлежности их к той или иной родовой группе. Например, адаевцы отделения туркмен-адай образовали вместе с представителями других родов Младшего жуза Первую и Вторую волости Эмбенского уезда Уральской области.

Такая перетасовка населения создала удобства для еще большего произвола чиновников. Кавказская администрация продолжала распространять свою власть над адаевцами, в результате чего им приходилось подчиняться двум ведомствам и вносить двойную подать. Так, в сентябре 1871 г. отделение туркмен-адай откочевало к ур. Джелтау, где сборщики Мангышлакского приставства, подчиненного кавказскому начальству, собрали с них кибиточную подать². Когда это стало известно Веревкину, то он через кавказский окружной штаб потребовал немедленного взыскания с них вторичной кибиточной подати в пользу Уральской области. Волостных управителей и должностных лиц, допустивших перекочевку адаевцев на Мангышлак и уплату подати, просил немедленно сменить и взять под арест³.

Усиление колониальной политики царизма во второй половине XIX в. еще больше запутало и осложнило земельные отношения у казахов-адаевцев, что губительно отразилось на их хозяйственной жизни и обострило в их среде социальные противоречия. Особенно ухудшилось положение после установления границ между Мангышлакским уездом Закаспийской области и Гурьевским и Темирским уездами Уральской области. Пограничная черта была определена в 1897 г. особой комиссией, действовавшей согласно утвержденному царем 24 января 1895 г. Положению комитета министров⁴. Граница проходила от мыса Беркин (близ ур. Кзылжареспе на северо-восточном берегу залива Комсомолец) по прямой линии на восток, через ур. Карабулак, могилу Беспай, мимо кургана Аманколь, через юго-западные берега озера Сам, далее шла на восток и через бугор Коксенгир доходила до Аральского моря, родника и могилы Сулама, а оттуда тянулась по берегу Аральско-

² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6848, л. 240.

³ Там же.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 144, л. 18, 48.

го моря до мыса Ургу⁵. Таким образом, северные летовки адаевцев остались за этой пограничной чертой. Надо сказать, что это было сделано вопреки заключению правительственной комиссии, составлявшей проект Степного положения 1891 г. В нем говорилось: «Несмотря на серьезные затруднения и неудобства в административном смысле, представляемые передвижениями кочевников, принятие решительных мер к ограничению перекочевков едва ли соответствовало бы условиям народного хозяйства степных областей. Кочевание не есть только вредная привычка населения, оно необходимо для поддержания скотоводства при данной степени развития производительных сил степной территории. Находя основание в экономических и бытовых условиях киргизов, кочевание не может быть поставлено в зависимость от деления территории степей на области и уезды, или от запрещений и разрешений администрации»⁶.

Если раньше адаевцы с наступлением марта переходили с Мангышлака на север, то теперь половина их оставалась на полуострове и на Устюрте. Это приводило к быстрому истощению пастбищ, к нехватке корма, и стало быть, к гибели скота в периодически повторяющихся джутах. К тому же многие пастбища оказались в руках местных феодалов, владельцев колодцев. Если в 1870 г. на полуостровах Мангышлак, Бузачи и прилегающих к ним территориях было 1139 колодцев, то в 1903 г. количество их увеличилось более чем в 5 раз⁷. Новые колодцы, как отмечается в источниках, в большинстве своем устраивались или были куплены отдельными лицами и составляли их собственность. Располагали их обычно между старыми колодцами, принадлежавшими общине⁸. По словам царского чиновника Белявского, занимавшегося вопросами хозяйственно-по-

⁵ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 373; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 971, л. 133—134; *Потто В.* О степных походах.— «Военный сборник», 1873, № 4, с. 229—230; *Федоров К. М.* Закаспийская область. Асхабад, 1901, с. 2.

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 202, л. 1—3.

⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 672, л. 51. $\frac{1}{5}$ часть их (977) имела пресную воду (ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 715, л. 9—10).

⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 2, доп. д. 13, л. 100—101; оп. 1, д. 462, л. 70; Обзор Закаспийской области за 1893 г. Асхабад, 1895, с. 90—91.

литической жизни казахов Мангышлака, «киргизы (речь идет об адаевцах Мангышлака.— М. Т.) считают земли своей собственностью, если в них приложен их труд на вырытую ими воду, но земля необработанная и безводная не имеет в их глазах ценности»⁹.

Все главные урочища зимних стойбищ — Кочак, Каратюбе, Кызылкум, Мастек, Кизан, Джидели и другие — были изрыты колодцами. В 70-х гг. XIX в. на каждом из них имелось от 50 до 100 колодцев, а через 25 лет на некоторых число их выросло до 300¹⁰.

Сосредоточение в руках знати колодцев приводило к усилению противоречий между ними и общинниками, а также между самой феодальной верхушкой. В 1903 г. было зарегистрировано 16 случаев захвата отдельными феодалами колодцев слабых коллективов¹¹.

Оказавшись в трудных хозяйственных условиях, адаевцы (подотделение бегей, чегем, коскулак, байбул) с Мангышлака перешли на зимовки в районе залива Кендерли и прилегающих к нему с востока колодцев. Многие уходили на территорию Хивы, Бухары, туркменских племен.

Начиная с восстания 1870 г. и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в пределах, например, Хивинского ханства насчитывалось ежегодно наряду с представителями других родов Младшего жуза (шомышты-табын, кете и др.) 7—10 тыс. кибиток адаевцев¹².

Много адаевцев кочевало в низовьях Амударьи — в районах Ходжейли, Куняургенч, Кунград. Однако свободных земель не хватало и здесь, поэтому им приходилось уходить на территорию Бухарского ханства. В 1875 г. бий Джаныбек с 5 тыс. кибиток кочевал в Бадахшане, Тесиктасе и в Кундузе¹³.

⁹ *Белявский*. Исследование пути от залива Цесаревича через Устюрт до Кунграда, произведенное в 1884 г.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XV. СПб., 1885, с. 24.

¹⁰ Обзор Закаспийской области за 1893 г. Асхабад, 1895, с. 69.

¹¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, доп. д. 36, л. 1; оп. 1, д. 672, л. 93.

¹² Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 363; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6833, л. 123.

¹³ Оренбургский облгосархив, ф. 6, оп. 10, д. 8239, л. 371; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 34, л. 11 с об.

Уходя в далекие чужие земли, адаевцы бросали скот и имущество. В феврале 1877 г. адаи числом до 400 кибиток прошли по льду через Аральское море и остановились у колодца Тескенказган, около Минбулака Иргизского уезда. При них были лишь верблюды и джуламейки (небольшое, легкое дорожное жилище.— М. Т.). Через Бесикты, Майлисай адаевцы намеревались пройти в Бухару. Амударьинским отделом была послана сотня казаков для водворения их обратно на Устюрт¹⁴. В 1893 г. 483 кибитки адаевцев и табынцев, распродав овец и закупив верблюдов, откочевали из пределов Хивинского ханства и, двигаясь вверх по Амударье, перешли в Бухару¹⁵.

Оренбургские колониальные власти принимали меры для того, чтобы пресечь откочевки адаевцев в чужие владения. Через Туркестанское и Оренбургское генерал-губернаторства бухарскому эмиру и хивинскому хану было предложено не оказывать покровительства самовольно прибывающим на их земли аулам. Начальник Амударьинского отдела Иванин указал хивинскому хану, управителям городов Ходжейли, Куняургенч, Кунград, куда в основном переходили вместе с другими казахами и адаевцы, «строго следить» за последними, а их биям выдавать «ненадежных» под арест. Однако никакие меры не могли приостановить движение казахов-адаевцев на юг, в пределы этих ханств. Движение прекращалось только в весенне-летний период, когда дорогу преграждали разлившиеся воды Амударьи.

Трудно было адаевцам и на чужой земле. Они оказывались в полной зависимости от местных ханов, беков, а также от своих прикочевавших с ними феодалов. Последние, быстро найдя общий язык с ханами и местными беками, становились проводниками их политики, помогали им грабить и угнетать казахов. Одних казахских феодалов хивинский хан возводил в ханы (над казахами), других назначал беками, третьих — родоправителями.

Не выдержав произвола и гнета ханских агентов, казахи искали путей возвращения на родину. Хивинский

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 218, л. 1 с об.

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 120, л. 20 с об.

хан старался удержать их на своей территории, прибегая к насилию. От каждого аула он отбирал по одной кибитке в аманаты¹⁶. Как уже говорилось, уходить на Устюрт для пастьбы скота казахи могли только в сопровождении отряда хана¹⁷. Между тем скоту коренных жителей Хивинского ханства не хватало выпасов. Приход к ним казахских аулов еще больше осложнил их положение. На этой почве между ними и адаевцами возникали столкновения, которые хан фактически поддерживал и использовал в своих интересах. Так, когда текинцы (туркменское племя) однажды угнали скот у адаевцев, то ханский отряд, выделенный в помощь по просьбе адаевских биев, не оказал помощи пострадавшим. В результате они не только не смогли отбить свой скот, а еще потеряли 15 человек убитыми¹⁸.

Положение казахов-адаевцев, перешедших в Хиву, было настолько тяжелым, что даже колониальные чиновники заговорили о необходимости принятия срочных мер. Так, начальник Эмбенского уезда Киреев писал Крыжановскому: «В этом тяжелом состоянии находились и находятся и будут находиться киргизы наши (имеются в виду адаевцы.— *М. Т.*), кочующие в пределах Хивинского ханства до того времени, пока правительство не гарантирует цельности их собственности и жизни учреждением на рубеже этого ханства в крайнем к нему пункте со стороны Эмбенского уезда воинских караулов или пока не наделит кочевников постоянными на русской территории земельными угодьями, достаточными для прокормления скота их, что дало бы им возможность не кочевать в пределах ханства»¹⁹.

Казахи Мангышлака переходили и на земли туркменских племен. В 1873 г. адаевцы отделений баимбет, крыкмултук начали переселяться к колодцам Джангак, Кукртлы, расположенным в районах кочевий туркмен, далее на Балханские горы, Узбой²⁰, а спустя 10 лет из отделений туркмен-адай стали переходить к колодцам

¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6833, л. 164.

¹⁷ Там же, д. 6820, л. 20.

¹⁸ ЦГВИА СССР, ф. 401, оп. 1, д. 99, л. 151.

¹⁹ Там же.

²⁰ Раньше казахи-адаевцы южнее залива Кендерли, колодцев Синик, Сумса, Бешакты не зимовали.

Гокланкую, к горам Бекарслан, а затем к озеру Джамал на Узбое. С 90-х гг. XIX в. ежегодно в пределы Красноводского уезда откочевывало более 2 тыс. кибиток адаевцев. Часть из них оставалась там. В 1894 г. из 2890 кибиток там была образована 4-я Адаевская волость. Часть адаевцев из-за недостатка выпасов вынуждена была уйти в Уральскую область, где ежегодно летовало до 8—10 тыс. их кибиток ²¹.

Поскольку после введения Положения 1868 г. многие летние пастбища с богатыми водоемами стали собственностью отдельных биев Уральской области, перешедших к полуоседлому образу жизни, то адаевцам приходилось им платить еще за пастьбу скота ²². Зимой они снова возвращались на Мангышлак или в Хивинское ханство. И везде им приходилось платить за пастьбу скота. Красноводскому уездному управлению они платили сбор со скота, а хивинскому хану вносили земельную плату. В 80-х гг. XIX в. в пользу хана взимали с каждой кибитки по одному большому барану и 2,5 тилли денег с каждых двух кибиток, а в пользу бека (чуп пули) от 10 баранов — одного, с одного верблюда — по 2—4 тенги (40—80 коп.), с одной лошади одну тенгу ²³. За пользование водой адаевцы обязаны были давать агентам хивинских правителей — су пули — сбор за воду. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. за пользование водой они ежегодно платили 400 тиллей (720 руб.). В 1913 г. при сооружении нового арыка от канала Куняургенч адаевцы должны были выставить 560 рабочих. От 500 кибиток они дали лишь 310 рабочих, а за 250 уплатили 1000 тиллей (1800 руб.) в казну хана ²⁴.

Число уходивших на юг адаевцев с каждым годом увеличивалось, а это было нежелательно для админи-

²¹ ЦГА КазССР, ф. 700, оп. 1, д. 1а, л. 1; ф. 40, оп. 1, д. 613, л. 34.

²² Асанов К. Несколько слов о кочевниках-адаевцах. — «Казахстан», 1921, № 10.

²³ ЦГА КазССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 91; *Белявский*. Исследование пути от залива Цесаревича через Устюрт до Кунграда, произведенное в 1884 г. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XV. Спб., 1885, с. 22—23.

²⁴ Садыков А. Некоторые данные из истории орошения и водопользования в Хивинском ханстве. — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. История», Ташкент, 1957, с. 151.

страции Красноводского и Мангышлакского уездов. С целью прекращения этих перекочевок была установлена временная граница кочевий. Она шла по горам Кугортбутун, колодцам Кукуртлы, Сюльмен, Язгишёл, Яма, Огламыш, Чагыл и Давла.

5 ноября 1893 г. военный губернатор Уральской области Максимович с участием представителя Закаспийской области определил на юге новую постоянную границу Мангышлакского уезда с Красноводским. Теперь она шла от Карабугазского залива, деля его на две части, до мыса Кулангурлан на восток, на 10 верст южнее колодца Казахлы, оттуда на колодец Чарышлы, к развалинам крепости Даукара. Таким образом, царская администрация принимала все меры к тому, чтобы удержать кочевников-адаевцев в искусственно созданном, ограниченном со всех сторон пространстве, которое теперь составляло 190 200 кв. верст²⁵.

Нарушение исторически сложившегося порядка использования пастбищ, ведения скотоводческого хозяйства заметно сказалось на поголовье скота. Так, если в 1883 г. у 15 660 кибиток было 41 536 лошадей и 51 020 верблюдов²⁶, то в 1905 г.²⁷ у 15 161 кибитки²⁸ осталось соответственно 27 тыс. и 28 тыс.²⁹ Как видно, за 20 лет количество лошадей и верблюдов уменьшилось почти вдвое.

Хотя отсутствие покибиточного списка³⁰ не позволя-

²⁵ Обзор Закаспийской области за 1893 г. Асхабад, 1895, с. 2. Граница с Хивинским ханством не была определена, а лишь только намечена от мыса Урги до г. Кунграда, развалин городов Айбугира, Шерванкалы и окаймляла Сарыкамышскую котловину.

²⁶ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад, 1892, табл. 20.

²⁷ Учет проводился с целью выяснения, какое количество скота уезд может выделить в случае войны с Японией (ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 715, л. 1—5).

²⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 716, л. 42, 57, 70, 93, 105, 106, 141, 147, 169, 177, 180.

²⁹ Там же, д. 715, л. 5 с об.

³⁰ Мангышлакский уезд, входивший в Закаспийскую область, не подвергался кибиточному обследованию Переселенческим управлением. Предварительная проверка с целью выяснения возможности переселения была произведена в 1910 г. сенатором Поленом (Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный сенатором графом К. К. Поленом. Спб., 1910).

ет проследить процесс изменения типов хозяйства адаевцев, однако средние данные, а также наши подсчеты показывают разорение трудовых кочевников. В 1905 г. каждая податная семья, состоящая из 4—5 человек, имела в среднем не более четырех голов крупного скота (верблюдов, лошадей), около двух-трех десятков овец и коз, что еле обеспечивало ей прожиточный минимум. По официальным данным, процент бедных к общему числу кибиток в Туркмен-Адаевской, Раимбердинской, Мангышлакской волостях составлял соответственно 76; 76,5 и 43% ³¹.

В обстановке массового разорения, явившегося следствием колониальной политики царизма, социального гнета и разразившегося в зиму 1895/1896 г. джута, унесшего огромное количество скота у рядовых кочевников, казахи стали заниматься промыслами, земледелием. Именно с этого времени на Мангышлаке возникло богарное земледелие.

Весной 1895 г. в 165 верстах от Александровского форта, в долине Еир, где обычно скапливалось много дождевой и снеговой воды, собралось более 100 семей обедневших казахов. Взрыхлив землю, они посеяли пшеницу и ячмень. Посевы дали хороший урожай. На 112 пудов посеянной пшеницы казахи собрали 2430 пудов, а на 164 пуда ячменя — 4321 пуд ³². Через год богарным земледелием занималось уже 889 семей. В 48 безводных местностях, расположенных в районах гор Каратау, Актау, форта Александровского, в местности Акшукур, было засеяно 2819 десятин, с которых получен урожай: озимой пшеницы — 9387, яровой — 2494, ячменя — 13 598, проса — 15 862, кунака — 117, джугары — 5679 пудов, дыни — 962 шт., тыквы — 1696 шт. ³³

Изменения произошли и в орошаемом земледелии. Для полива посевов использовались не только пресные, но и соленые родники. Если раньше, в канун 1870 г., посевы производились у 29 отдельных родников, принадлежавших крупным биям, то теперь число таких участков доходило до 200. В сентябре 1896 г. произ-

³¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 568, л. 11, 13, 37, 66.

³² Обзор Закаспийской области за 1895 г. Асхабад, 1897, с. 154.

³³ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 535, л. 134, 185; д. 672, л. 7.

водилась регистрация орошаемых участков, которой было охвачено 186 родников на 111 местностях³⁴. Все родники, за исключением трех у Александровского форта и двух в горах Актау, расположены в районе горы Каратау. Посевы в основной массе были мелкими — сеяли 1—2 пуда зерна, в виде исключения 5—6, редко 10—14 пудов. Всех собственников родников можно разделить на 2 группы: 1) родовые коллективы — аулы, поколения (на 523 кибитки сеющих 151 семья); в их владении находилось 57 родников; 2) отдельные семьи или группа семей одного фамильного дома (на 192 кибитки сеющих 100 семей); в их владении находилось 128 родников. Порядок полива был следующим: «На крупных родниках разводятся пашни, (посевы орошаются) арыками, выкопанными (от родников) лопатами. Население пользуется (водой этих родников) по очереди, исходя из количества воды (в них): если родник обильный, то рассчитывают на много дней, если же маловодный — на небольшое число дней. Над родниками нет управляющих (административных) должностных лиц. Каждый пользуется по издавна установившемуся распорядку, без ссор.

Главные родники названы именами 13 (известных) людей. Многие знатные лица являются потомственными владельцами помянутых родников. Некоторые же купили их недавно и стали владельцами. (Недавно купленные родники) называются именами 10 (отдельных) лиц»³⁵.

Орошаемые участки сплошь и рядом были скромными и маленькими. Большинство земледельцев — бедняки, вынужденные оставаться у родников и колодцев. Уездный начальник Ф. Михайлов писал: «В горах Актау и Каратау сосредоточены все посевы уезда. В настоящее время все источники и ручейки, находящиеся в вышеназванных горах, уже использованы для нужд земледелия. Эти немногочисленные ручейки принадлежат или аулам, или отдельным лицам и группам лиц, издавна ими владеющими. Земледелие не основное, а подспорье к скотоводству ...и является промыслом наи-

³⁴ Там же, д. 535, л. 5.

³⁵ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 401, л. 28, 58 с об.

беднейшей части населения, не могущей вести кочевой образ жизни за неимением скота»³⁶.

В 1896 г. уже 251 семьей зерновыми культурами было засеяно 347 десятин; с них получено озимой пшеницы 2439 пудов, яровой — 525, ячменя — 1047, проса — 18 178, кунака — 1478 пудов. Всего собрано с богарной и орошаемой площади 65 435 пудов³⁷.

Поскольку урожай в поливном земледелии зависел от наличия водного источника, родниковая вода в 90-х гг. XIX в. стала предметом купли и продажи. Дневной сток ее оценивался в 15 и 30 руб.³⁸ Не имеющие своего источника, но пользующиеся чужой водой отдавали владельцам воды половину или одну треть урожая³⁹.

Царское правительство само раздавало в аренду участки земли с родниками. В удостоверении от 3 сентября 1916 г., выданном казаку Джаненову Утегулу аула № 2 Кунанурус Туркмен-Адаевской волости Управлением госимуществ Асхабадско-Красноводско-Мангышлакского района, сказано, что «Джаненову У. в арендное пользование представлен участок земли у родника Канбактысай и вся его вода для орошения этого участка. Арендная плата за орошаемую десятину под любую культуру за год определена в 15 рублей»⁴⁰.

При учтенных 186 родниках, используемых для полива, имелось 16 чигирей, 8 из которых принадлежали отдельным лицам⁴¹, и 2 кяриза. Один кяриз был в Каратау, близ колодца Джангельды, другой — в Актау. Сооружались они следующим образом: на пологом склоне горы копали колодец до водоносного пласта, а затем от него под землей проводили боковой ход, который выводился на поверхность. На всем протяжении этого хода (канала) рылся целый ряд колодцев, дно которых совпадало с дном канала. Естественно, что самый верхний колодец имел наибольшую глубину⁴².

³⁶ Там же, д. 971, л. 145.

³⁷ Обзор Закаспийской области за 1896 г. Асхабад, 1898, Пр. № 3.

³⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 401, л. 29.

³⁹ Там же, л. 29, 58.

⁴⁰ Там же, д. 739, л. 9.

⁴¹ Там же, д. 568, л. 7 с об.

⁴² Никольский А. М. Поездка в северо-западную Персию и в Закаспийскую область. — «Записки ИРГО по общей географии», вып. 7, т. 15, Спб., 1886, с. 36.

Условия для развития земледелия на Мангышлаке были явно неблагоприятны. Не говоря уже о недостатке воды, глинисто-песчаные почвы не всегда давали урожай. Хороший урожай на этих почвах можно было получить только в первом году. Даже при благоприятной погоде один и тот же участок нельзя было обрабатывать более двух лет: на третий год при вспашке появлялся песок, который при малейшем ветре перемещался, и оголенные посевы быстро выгорали. По этой причине обработанную в первом году площадь казахи-земледельцы нередко забрасывали на 2—3 года и обрабатывали новые целинные участки, что, конечно, не способствовало широкому развитию земледелия.

В целом земледелие на полуострове Мангышлаке и в начале XX в. не играло сколько-нибудь существенной роли. Абсолютно доминирующей формой хозяйства казахов оставалось кочевое скотоводство.

Возникновение и развитие рыбных промыслов на восточном берегу Каспия

Начало морскому рыболовству на восточном берегу Каспия было положено переселенцами станицы Николаевской в 50-х гг. XIX в. Снаряжение для лова они кредитовали у астраханских купцов. Кредитом для занятия рыбным промыслом пользовались не только переселенцы станицы Николаевской, но и мелкие и средние промышленники, прибывшие из разных губерний России. По нотариально заверенному условию, должник обязан был весь свой улов сдавать по ценам, значительно ниже рыночных, тому рыборотговцу, который открывал ему кредит. Кредитоваться мог только тот, кто имел имущество (лодки, снасти). Чем состоятельнее был должник, тем большим кредитом он пользовался. «Должники», эксплуатируя беднейшую часть населения, вскоре развили свое хозяйство. Если в 80-х гг. XIX в. размер кредита не превышал 100—150 руб., то через 10 лет он уже доходил до 400—800 руб.⁴³ Теперь станичники арендовали лодки, снасти, сети не только у астраханских купцов, но и у своих: у Захара Дубского,

⁴³ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г., с. 131.

Климовых и др. В кредит отпускалось все — рыболовецкий инвентарь, хлеб, мануфактура, деньги. В 1897 г. задолженность поселенцев станицы Николаевской астраханским торговцам и своему одностаничнику купцу З. Дубскому составляла до 40 тыс. руб.⁴⁴

Об обогащении русских поселенцев-промысловиков этой станицы свидетельствует также то, что первые немногие семьи поселенцев, вначале еле поддерживавшие свое существование благодаря помощи казны, за небольшой отрезок времени быстро материально окрепли, заняли видное положение⁴⁵. По переписи 1897 г., среди них крупные рыбопромышленники составляли 34 семьи, которым принадлежало 228 лодок из 330. Только один купец Абаков имел 146 разной величины лодок. Этим промышленникам принадлежало более 20 хорошо оборудованных промыслов.

Поселенцы станицы Николаевской пользовались правом бесплатно ловить красную рыбу на отведенном им участке. Однако многие из них еще в 70-х гг., внося по 32 рубля за каждую лодку в Астраханское управление рыбными и тюленьими промыслами, ловили ее и в других местах восточного берега Каспия (залив Тюбкараган, Сарытас, у нижней косы острова Кулалы, Кочак, к югу от Тюбкараганского залива, в Қзылкуме, Урлюке). Основными орудиями лова у них были плавные сети, самоловная крючковая снасть и ставные сети, которые применялись к северу от Тюбкараганского мыса. Промышлявшие к югу от Тюбкараганского мыса и до Гасанкулинского залива туркмены и казахи использовали этлык⁴⁶. Этлыком ловились самые крупные экземпляры

⁴⁴ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном берегу Каспийского моря. Спб., 1902, с. 41.

⁴⁵ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 155, 164; Линевиц И. Статистические сведения о Мангышлаке. — Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с. 30.

⁴⁶ Этлык (казахи называли кармак) — издавна употреблявшаяся туркменами и казахами крючковая снасть. Она состояла из веревки, к которой на сажень друг от друга привязывались короткими веревками (поводками) самодельные удочки с двумя железными крючками. К верхней части удочки прикреплялся кусок дерева для того, чтобы она в воде держалась вертикально. Снасть эта наживлялась мальками, селедками и прикреплялась ко дну моря колышками (чипчиками).

красной рыбы (белуги). Чтобы вытеснить этлык, а значит и монополизировать ловлю красной рыбы, в 1902 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Куропаткин разрешил николаевцам употреблять английскую наживную снасть. Это орудие лова имели только крупные рыбопромышленники, и использование его приносило большую прибыль. Вскоре этлык был окончательно вытеснен английской наживной снастью.

О росте улова английской наживной снастью можно судить по таким данным: в 1902 г. жители станицы Николаевской с 60 судов выловили 20 696 пудов белуги, а в следующем году 102 220 пудов⁴⁷. При этом доход у крупных рыбопромышленников выражался в 5—10 тыс. руб.⁴⁸ Рыбопромышленник З. Дубский еще в 90-х гг. ежегодно добывал по 15 тыс. пудов красной рыбы⁴⁹. В 1906 г. он открыл в заливе Кзылкум свой третий по счету промысел, а в 1915 г. уже имел их 5, где работало много рабочих не только казахской национальности, но и русской. Задолженность ловцов, пользовавшихся у него кредитом, превышала 100 тыс. руб.

Смотритель рыбных промыслов Баранов писал: «Сильно расширились промыслы русских поселенцев... начали притекать из степи казахи, которые оказались недурными моряками и рабочими; русские, главным образом, из Тамбовской губернии». Тут же он отмечал, что «николаевские ловцы — это большей частью предприниматели, получавшие ежегодно прибыль тысячами... в селе Николаевском в среднем на хозяина приходится 1000—1500 руб. дохода»⁵⁰.

С 1896 г. промышленники станицы стали заниматься селечным ловом в заливе Сарытас, вокруг островов Долгих, Керель. Располагая большим числом лодок, инвентаря и рабочих, они за 20—30 дней лова добывали на каждую бударку (лодку) 25—100 тыс. шт. сельди. Менее состоятельные поселенцы продолжали лов крас-

⁴⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 398, оп. 73, д. 29 734, л. 260—273. Это часть улова, принятая в промыслы рыбопромышленников.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 400, л. 2 с об.

⁵⁰ Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и Краткий обзор (в дальнейшем — Отчет и Краткий обзор) за 1907 г. Астрахань, 1909, с. 67.

ной рыбы и сельди у берегов, идя за последней далеко на север, вплоть до Синего Морца на северном берегу Каспия.

Торговцы Слободки форта Александровского (в большинстве они были выходцами из армян, татар, позже появилось несколько туркмен и казахов), разбогатевшие за счет торговли с местным населением, часть своего капитала вкладывали в рыбные и тюленьи промыслы, превращаясь, таким образом, в торговцев-промышленников. Свои временные рыбосольные шалаши уже в начале XX в. они сменили сравнительно хорошо оборудованными, постоянно действовавшими заведениями с наемными рабочими и специалистами. Более всего торговцы-промышленники занимались доходным ловом сельди, который почти монопольно принадлежал им. Все удобные для лова места у берегов Тюбкараганской косы и далее к югу заняты ими. В 1901 г. из 43 неводоволокуш 33 принадлежали этим торговцам, 4—туркменам, казахам, а 6—рыбопромышленникам г. Астрахани и З. Дубскому⁵¹. По расчету младшего ревизора В. Голынца, торговцы-рыбопромышленники в 90-х гг. XIX в. в среднем получали по 1060 руб. на каждую волокушу чистой прибыли⁵². На берегу были построены шалаши с чанами для посола. Рабочие-казахи жили тут же в кибитках или в дощатых бараках.

26 марта 1893 г. воды Каспийского моря были объявлены государственной собственностью⁵³. Указом предусматривалось образование нескольких рыболовецких поселков в 80 дворов каждый, в том числе в северной части полуострова Бузачи, в местности Заворот, у Кендерлинского залива, а также увеличение количества семей (с 34 до 80) в поселке на острове Малом Долгом.

Эти места были избраны неслучайно. Острова Долгие имели пресную воду, пастбища для скота, а самое главное — находились на пути весеннего и осеннего хода рыбы через Мангышлакскую и Эмбенскую бороздины.

⁵¹ Отчет и Краткий обзор за 1901 г. Астрахань, 1902, с. 20. [Из Отчета ревизора Управления земледелий и государственных имуществ В. Голынца].

⁵² Там же.

⁵³ Устав о городском и сельском хозяйствах, т. XII, ч. II, 1893, с. 267, 492.

Берега моря здесь низменны, защищены от ветров, мелководны, дно песчаное, вода полупресная, мутная. Эти особенности моря давали возможность ловить рыбу ставными сетями вблизи островов, что исключало необходимость использования дорогостоящего снаряжения.

Учитывая все эти преимущества, а также наличие дешевой рабочей силы, представители местной власти Закаспийской области подталкивали правительство на усиление колонизации восточных берегов Каспия. Переселяющимся на эти места указом предоставлялись определенные льготы: в течение 10 лет, т. е. до 1 января 1904 г., освобождение от всяких налогов и повинностей, в том числе от воинской. За это они обязаны были в течение трех лет заниматься рыболовством. Им выдавалось единовременное пособие в сумме 100 руб. на семью, на хозяйственное обзаведение. Они имели право на льготный проезд по железной дороге ⁵⁴.

По уставу сельского и городского хозяйства (изд. 1865 г.) острова Большой и Малый Долгие, имеющие 4—6 верст в длину и $1\frac{1}{2}$ —2 версты в ширину, целиком входили в одноверстную прибрежную полосу, предоставленную рыбопромышленникам для образования рыбопромысловых заведений. Таким образом, эти острова были изъяты из пользования местных рыбаков-казахов и переданы со всеми своими природными богатствами в распоряжение переселенцев ⁵⁵.

Начало образования поселений на острове Малом Долгом было положено в 1885 г. несколькими семьями крестьян и мещан, приехавших из внутренних губерний России и поселившихся в западной части южной косы острова. Вначале они жили за счет батрачества у рыбопромышленников станицы Николаевской и у торговцев форта Александровского. Через 10 лет это селение окончательно оформилось и получило название Малое Долгое.

Надо сказать, что позднее сюда переселялись в основном состоятельные люди — купцы, мещане, крестьяне, будущие подрядные ловцы. Прежде чем приступить к открытию рыбного промысла, все они, как

⁵⁴ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 39, л. 9 с об.

⁵⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 398, оп. 75, д. 190, л. 4—6 с об.

правило, брали у астраханских крупных рыботорговцев под будущий улов «солидные, достигавшие до нескольких тысяч рублей, задатки»⁵⁶, которые шли на усиление рыболовецкого снаряжения, увеличение числа наемных рабочих, на скупку сельди.

Переселенцы Малого Долгого богатели быстро. Если в 1890 г. у 15 рыболовецких семей было всего 45 лодок, то через 7 лет 49 семей уже имело 360 лодок; у них работало 135 рабочих, в том числе 80 постоянных⁵⁷. В 1903 г. были семьи, у которых было 10 и более лодок. Так, у промышленника Ф. Шараева было 14, а у И. Соболева — 38 лодок⁵⁸. В 1915 г. количество богатых семей увеличивается: 8 семей уже имеют 269 лодок, 12 450 ставных сетей, 7700 белужьих неводов. Известный рыбопромышленник Лбов имел около 90 лодок и 4 тыс. сетей, 1200 белужьих аханов; промышленники Шараев и Климов — более 40 лодок каждый, большое количество сетей, неводов, тоней, по одному-два хорошо оборудованных, постоянно действовавших и много временных промыслов.

Почти все морское рыболовство находилось в руках промышленников. Все местные ловцы — казахи и русские — были их подрядными. Вначале промышленники лишь принимали улов у подрядных, а затем, достаточно нажившись, наряду с приемкой стали налаживать собственный промысел, для чего завозили из Астрахани рабочих — русских и калмыков. Они вели массовый лов сельди, красной рыбы, занимались подледным ловом белорыбицы. Лов сельди продолжался один месяц (со второй половины марта до середины апреля), лов красной рыбы — почти круглый год с перерывом в запретное время (с 15 июня по 15 августа). С декабря по февраль велся лов белорыбицы подледным способом, который являлся целиком монополией крупных рыбопромышленников.

Село Малое Долгое в дореволюционное время считалось одним из крупных центров Каспийского бассейна

⁵⁶ Рыбные промыслы Закаспийской области в 1898 г. — «Асхабад», 1900, № 116.

⁵⁷ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. Спб., 1902, Прилож. № 5.

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 672, л. 112.

по добыче сельди, получившей известность под названием «долгинская». Начало лова сельди и вообще частичковой рыбы в водах островов Долгих было положено астраханским рыбопромышленником Лбовым. Улов сельди здесь вырос от 1,5 млн. шт. в 1896 г. до 13 млн. шт. в 1901 г.⁵⁹

Лов сельди в Долгом, приносящий большую прибыль, привлекал внимание и крупных рыбопромышленников г. Астрахани и станицы Николаевской в связи с уменьшением лова сельди в Волге в начале XX в. и повышением на нее цен. Астраханские купцы ежегодно посылали на острова большое количество скупных судов. Другие промышленники разбивали косяки сельди далеко на ее пути к ним. Все это снижало уловы сельди рыбопромышленников села Малого Долгого, постепенно лишало их монополии в этом деле.

**Сведения о рыбных промыслах рыбопромышленников
села Малое Долгое и станицы Николаевской
Мангышлакского уезда за 1902 г.⁶⁰**

Рыбопромыш- ленники	Всего	Количество промыслов		Количество рабочих, за- нятых в про- мыслах (по- стоян.)	Приблиз- ительный го- довой обо- рот (в руб.)
		посто- янных	вре- мен- ных		
Российские	26	9	31	619	743 700
из них круп- ные	13	9	20	455	734 800
Туркменские	21	—	23	369	27 700
из них круп- ные	10	—	14	253	20 900
Казахские	10	—	7	136	9 000
Итого:	57	9	61	1 124	780 400

На северном берегу полуострова Бузачи, в местности Заворот (по местному Джандаур) в 90-х гг. возник другой рыболовецкий поселок. Первым его жителем был приказчик торговца Слободки форта Александров-

⁵⁹ Отчет и Краткий обзор за 1901 г. Астрахань, 1902, с. 14—17.

⁶⁰ Сведения составлены на основе данных ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 45, л. 15—18, 23—24.

ского Авакова. В 1895 г. здесь было 11 семей крестьян, прибывших с юга России. Все взрослые жители этого села работали на промыслах села Малого Долгого. Тяжелые климатические и материальные условия привели к тому, что в поселке к началу XX в. осталось всего несколько семей (32 чел.).

На острове Кулалы вообще не было постоянных жителей. Лишь в сезон тюленьего промысла прибывало до 500 рабочих. В основном он служил местом сбора ловцов во время путины красной рыбы, белорыбицы (зимой) и сельди. Отсюда ловцы отправлялись ловить рыбу на Эмбенский участок, в залив Сарытас.

По распоряжению Куропаткина в 1893 г. было положено начало Петровскому поселку⁶¹ на Красноводской косе, в местности Қзылсу. В конце XIX в. здесь открыли свои промыслы крупные рыбопромышленники Андреев, Житерев, которые главным образом вели прием сельди.

Через год на мысе Тарте той же Красноводской косы возникло другое небольшое поселение. Первым его жителем был А. Ф. Запругин — старый моряк, долго плававший по Каспийскому морю. Позже на мысе стали селиться и другие семьи рыбаков. К концу 1900 г. их уже было 6, а спустя 10 лет — 34 семьи. В поселке Петровском было 44 двора с 220 человеками обоего пола. Однако, несмотря на правительственную помощь, многие семьи не прижились на новом месте. Лишь 7 экономически крепких семей осели там прочно. Они имели 19 лодок, 100 постоянных рабочих, вылавливали в течение года до 17 тыс. пудов красной рыбы. Один из них — рыбопромышленник Морозов — имел оборотного капитала на 30 тыс. рублей, до 40 постоянных рабочих.

Как видно из изложенного, промысловое морское рыболовство на восточном побережье Каспия развивалось в трех русских поселках: станица Николаевская,

⁶¹ Так называли его в память снаряженной Петром I в Хиву экспедиции Бековича-Черкасского. На берегу Красноводской бухты находились развалины крепости, построенной Бековичем-Черкасским в 1716 г. В 1870 г. красноводский отряд на этом месте поставил из камня памятник с надписью «В память сподвижникам Петра I за 1717 год».

Малый Долгий и Петровский. Остальные с малым количеством населения существенной роли в рыбном промысле не играли.

По словам начальника Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами Д. Ф. Хомутова, «рыбопромышленники ни за что не хотят оглашать количество добычи из-за желания держать цены на рынках на выгодном для себя уровне». Огромное количество рыбы, добываемой рыбопромышленниками станицы Николаевской в бесплатно отведенном им участке вод, а также принятая ими от ловцов других участков рыба нигде не учитывалась. По уставу Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов 1902 г., власть Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами на них не распространялась, и они сбывали свой улов беспощинно во всех портах Каспийского моря, в том числе и в Астрахани. По признанию смотрителей рыбных промыслов, 35—45% рыбы от общего улова увозилось в Астрахань или самими ловцами русских рыболовецких селений, или скупщиками крупных рыбопромышленников Астрахани, прибывавшими сюда в период путины. Мангышлакский уездный начальник Говоров в конце XIX в. писал, что «скупщиков так много, что учесть их обороты невозможно».

С южного участка почти вся рыба транспортировалась в Красноводск на лодках, на верблюдах и ишаках. Немало рыбы при такой перевозке портилось и пропадало. С других участков рыба вывозилась по Закаспийской железной дороге; из залива Гасанкули — на грузовых пароходах, принадлежавших английским акционерным обществам «Кавказ и Меркурий» и «Восточный». Рыба и икра отправлялись в Баку, Петровск и Астрахань, частично в Румынию и Болгарию, Польшу и Австрию.

Учетом сбыта рыбы по всем этим направлениям никто специально не занимался. Имеющиеся данные в отчетах уездных начальников не точны, даются они не в единой мере веса. Даже красная рыба (белуга) показывается то в штуках, то в пудах. Все это затрудняет определение общего улова. Если к данным, например, за 1908 г. прибавить 35—40% улова без учета вывоза, потребления на месте, то общий улов рыбы в одном

только Мангышлакском уезде будет свыше полутора миллиона пудов. То же самое можно сказать и об улове в Красноводском уезде в начале XX в.

Важнейшей отраслью рыбного хозяйства был тюлений промысел. В 1840 г. рыбные и тюленьи промыслы на северном берегу Каспия, на р. Яик были откуплены за 50 тыс. руб. купцами Владимировым и Мельниковым. До этого жители Астрахани бесплатно промыслили рыбу и тюленей. Позднее промыслами завладел граф Шувалов. И только спустя четверть века жители Астрахани снова добились права на промысел тюленя.

На Мангышлаке поселенцы станицы Николаевской ловили рыбу и били тюленя бесплатно, а торговцы-рыбопромышленники Слободки форта Александровского бесплатно могли промысливать только тюленя. Раньше тюленей добывали зимой и весной на островах. В конце XIX в. остался только один вид промысла тюленя — добыча на льду.

С открытием морского лова рыбы тюлени ушли на юг. Теперь основными пунктами охоты на тюленя были Тюбкараганская бухта, острова Чечень, Кулалы. Промыслом занимались главным образом крупные рыбопромышленники станицы Николаевской, торговцы-промышленники Слободки форта Александровского.

В последней четверти XIX в. общее количество лодок, на которых ежегодно выезжали на зимний бой тюленя, колебалось от 80 до 110 шт. Снаряжение лодки обходилось в 350—800 руб.⁶² Богатые поселенцы и торговцы занимались промыслом самостоятельно, а менее состоятельные — вскладчину, с пая, в котором участвовали казахи и туркмены. В начале XX в. тюленьим промыслом занимались до 15 туркмен и казахов⁶³.

Все тюленепромышленники нанимали опытных кормщиков. Кормщик считался старшим рабочим и ведал всем делом промысла. Он еще осенью брал у промышленника в задаток деньги, товары и вербовал рабочих на таких же условиях, как подрядных ловцов. Пай между участниками тюленьего промысла распреде-

⁶² Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 гг. Астрахань, 1901, с. 129.

⁶³ Рыбный и тюлений промысел в Мангышлакском уезде. — «Закаспийское обозрение», 1903, № 115.

лялся так: при шести рабочих на лодке добыча делилась на 14 паев. Половину получал хозяин лодки: за лодку и хлеб один пай, еще по одному паю с каждого рабочего; кормщик русский получал восьмой (пятый в 1915 г.) пай, т. е. $\frac{1}{8}$ часть, кормщик казах — $\frac{1}{10}$ часть⁶⁴. При средней добыче и переводе его пая на деньги кормщик получал в 2—3 раза больше, чем рабочий⁶⁵.

По сообщению Мангышлакского уездного начальника, «в тюленьем бою бойцы преимущественно киргизы, а лоцман русский, изредка киргизы»⁶⁶. Число рабочих на лодках было от 4 до 9 человек⁶⁷. Казахам нанимали на «сходку»⁶⁸, а русских рабочих — на год. На острове Чечень и западном берегу Каспия они получали за работу деньгами; кроме того, хозяин-промышленник обеспечивал их на два месяца продуктами питания. Казах-рабочие (бойцы) за свой труд получали вполонину меньше, чем русские рабочие. Например, в конце XIX в. годовым рабочим платили: русским — 180 руб., а казахам — 60 руб., за выход на сходку первым — 70 руб., вторым — 30. Такая несправедливость существовала вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Жестокая эксплуатация рабочих на тюленьем промысле приносила промышленникам и казне большие прибыли. По неполным данным, ежегодно тюленепромышленники на каждую лодку, за вычетом всех расходов, получали до полутора тысяч рублей чистого дохода. В казну начиная с 1868 г. ежегодно поступало в виде госпошлины, взимаемой при продаже шкуры (30 коп. с пуда), жира (40 коп. с пуда), от 34 до 45 тыс. руб.⁶⁹ В действительности прибыли тюленепромышлен-

⁶⁴ Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 гг. Астрахань, 1901, с. 115.

⁶⁵ Туров А. Тюлений промысел на Каспии.— «Астраханский листок», 1906, № 237.

⁶⁶ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7805, л. 152—153.

⁶⁷ Рыбный и тюлений промысел в Мангышлакском уезде.— «Закаспийское обозрение», 1903, № 115.

⁶⁸ «Сходка», т. е. выход на лед для боя тюленя с января по март.

⁶⁹ Отчет и Краткий обзор за 1897 г. Астрахань, 1898, с. 105, 111—114; Отчет и Краткий обзор за 1898 г. Астрахань, 1899, с. 238—239; Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 гг. Астрахань, 1901, с. 129—134; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 400, л. 2 с об.; д. 672 л. 66 с об., 118.

ников намного превышали указанную сумму, так как рабочие положенного заработка (с 1897 г. 8 руб. в месяц) фактически не получали. С них удерживали ранее полученный задаток за пользование лодкой, снастями, за питание. Деньги, которые бойцы-рабочие платили хозяевам за пользование снаряжением (лодка, сети и пр.), с лихвой покрывали расходы последних на починку судов, так как оно использовалось на протяжении ряда лет и каждый год оплачивалось ловцами.

В 80-х гг., когда рыбный промысел на восточном побережье Каспия еще только зарождался, добытая рыба подвергалась лишь засолу. Для этого применялись большие чаны, зарытые в землю. Вскоре промышленники стали строить специальные бараки для обработки рыбы. В конце XIX в. у крупных рыбопромышленников и в «товариществах» центральных участков появились холодильники, работавшие на электричестве. Если 99 рыбачьих ларей, принадлежавших всем ватагам Красноводского уезда, вмещали 9890 пудов рыбы, то в два холодильника, оборудованные в Кзылсу, входило 2119 пудов.

С развитием рыбных промыслов увеличивалась потребность в добыче соли. Залежи поваренной соли были выявлены в озерах около форта Александровского, Чопаната, Тузбаир (в Бузачи), Айралан, Тасурпе, Ушкембир, Сарыкудук, Кайли, в окрестностях гор Каратау. Самые крупные и лучшие по качеству месторождения соли, расположенные в окрестностях форта, комендант сразу же включил в свое ведомство. Соль из них отпускалась лишь с его разрешения, причем рыбопромышленникам — по 150 пудов на семью, адаевским биям — по 10 пудов, а остальным — по 2 пуда на год. Из других месторождений казахи пока могли брать соль свободно. Рыбные промыслы поглощали соль в огромном количестве. Только за один 1899 г. по Эмбенскому и Мангышлакскому участкам было израсходовано ее 241 900 пудов.

С конца XIX в. кабальная подрядная система на рыбных промыслах стала вытесняться вольным наймом. Увеличилось число свободных ловцов из туркмен и русских, которые самостоятельно занимались ловом, сдавали свою добычу кому угодно по рыночной цене.

По мере расширения рыбных и тюленьих промыслов число рабочих росло. Данные имеются лишь о рабочих тюленьего промысла. Им ежегодно занималось от 470 до 570 человек, половину рабочих составляли казахи⁷⁰.

К промысловым рабочим относятся также ловцы-пайщики на волокушах. Крупные торговцы-рыбопромышленники форта Александровского, станицы Николаевской, села Долгого, начавшие лов сельди волокушами с притонением к берегу, в конце XIX в. покрыли своими тонями весь восточный берег Каспия, начиная с Тюбкараганского залива и к югу от него до мыса Урлюк.

В одном только районе залива Тюбкараган было 25 тоней, принадлежавших 19 рыбопромышленникам. В 1901 г. в этом районе и к югу от него действовало 68 волокуш. Для них требовалось от 952 до 1020 человек. На волокуши, как на особо тяжелые работы, нанимались исключительно казахи и туркмены. Для тоневых работ в селе Малом Долгом вербовались из Астрахани калмыки по 14—17 человек на невод. Для 5 волокуш, действовавших здесь в 1897 г., требовалось от 76 до 90 рабочих.

Кроме того, с конца XIX в. ежегодно по билетам, выдаваемым Мангышлакским уездным начальником (а для найма внутри уезда билеты не выдавались.— М. Т.), на Жилокосинские промыслы (северо-восточный берег Каспия) уходили до 1000 туркмен и казахов⁷¹. Многие из них работали на зимнем подледном лове белой рыбы здесь и в районе островов Долгих. Так, в отчете Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами за 1897 г. читаем: «Лов производился при помощи наемных рабочих или при посредстве подрядных ловцов, которыми в том и другом случае бывают преимущественно киргизы»⁷². В «Кратком обзоре» того же управления за 1900 г. об этом же лове, который вели рыбопромышленники пос. Жилая коса, сказано: «...у крупных

⁷⁰ Впоследствии казахские рабочие сгруппировались в пос. Карабукиджи у Слободки форта Александровского.

⁷¹ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, с. 17—18.

⁷² Отчет и Краткий обзор за 1897 г. Астрахань, 1898, с. 44—47.

хозяйств принято на каждые 100 концов беличьих сетей иметь двух рабочих, а на каждые 1000 таких сетей — по одному прогонщику и пускальщику. И кроме последних еще управляющего, все рабочие и управляющие — киргизы»⁷³.

Из «Кратких обзоров» о рыболовстве за 1898 и 1899 гг. известно, что рыбопромышленники пос. Малого Долгого, станицы Николаевской, Слободки форта Александровского, пос. Жилой косы, Ракуши, Прорвы имели 29 134 конца беличьих сетей. Одних только рабочих на них требовалось 670 человек, и обслуживали они главным образом зимнее рыболовство (подледный лов белой рыбы). Много туркмен и казахов работало на промыслах юго-восточного берега Каспия (Красноводский морской участок), где в конце XIX в. одних тонеких рабочих у 300 волокуш насчитывалось от 4900 до 5400 человек.

По неполным данным в Мангышлакском уезде в конце XIX в. насчитывалось не менее 2,5—3 тыс. рабочих, причем большинство из них были казахи и туркмены.

Рыболовством занимались и сами казахи, в основном бедняки. Число их неизменно росло за счет разорившихся кочевников. Со временем они научились делать лодки. «В последние годы,— писал смотритель рыбных промыслов восточного берега Каспия Н. Казанчиев,— благодаря... приходу ...астраханских рыбаков и знакомству с ними туземцев последние стали строить лодки на месте»⁷⁴. Так, по регистрации 1903 г., у рыболовов местности Каражан было 70 лодок, изготовленных в конце 90-х гг. XIX в. Вполне возможно, что часть лодок была куплена состоятельными казахами или вкладчину маломощными. В 1897 г. Д. Ливкин свидетельствовал, что «последнее время киргизы стали покупать бударки-остроноски и приспособлять к ним парус и руль»⁷⁵. Нужно еще отметить, что давние соседи казахов — туркмены Мангышлакского уезда — издавна

⁷³ Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 гг. Астрахань, 1901, с. 296.

⁷⁴ Казанчиев Н. Рыболовство по восточному побережью Каспия.— «Вестник рыбопромышленности», 1900, № 5, с. 340.

⁷⁵ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. Спб., 1902, с. 66.

строили себе кусовые рыболовные лодки из карагача, осинника, получаемых из Персии, а также небольшие ольховые куласы⁷⁶ (таймюли) типа русской бударки. Снасти казахи и туркмены также изготовляли сами ручным способом из персидского льна, из него же они вили и веревки. Туркмены и казахи умели делать и орудия лова: этлык, улта⁷⁷, сандов⁷⁸.

Казахские рыболовы занимались ловом в северной части Мангышлакского уезда — на островах Малый и Большой Долгие, Қалпинских, вдоль материковой береговой линии от местности Заворот до заливов Кочак и Сарытас, а на берегу Тюбкараганского залива и от него до залива Кендерли рыбачили совместно с туркменами.

Согласно закону того времени, если на одном месте скапливалось до 300 чел., то там полагался представитель власти. А по отчету Ф. Михайлова за 1903 г. в Мангышлакском уезде рыболовством занималось около 1300 туркмен (вернее семей.— М. Т.) и 900 казахов⁷⁹. Они были сгруппированы в четыре местности и образовали особую волость с отдельным управителем, в распоряжении которого находилась стража из трех человек и лодки для его разъездов⁸⁰. Кроме волостного управителя каждая местность имела одного старосту и письмоводителя, которые содержались за счет рыболовов. Первый получал 60 руб., второй — 40 или 30 руб. в год. Так образовалась в 1905 г. особая, по счету 11-я, Рыбо-

⁷⁶ Куласы, таймюли — рыболовные небольшие лодки, выжженные и выдолбленные из целого дерева, беспалубные, совершенно плоскодонные с отвесными бортами, с острым носом и кормой, грузоподъемностью от 8 до 30 пудов, употреблялись они для ловли сельди по побережью и чистиковой рыбы. Постройкой этой лодки занимались целые аулы туркмен, издавна поселившихся по берегам заливов Куфальджа, Дервиш у острова Челекен (*Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, с. 48*).

⁷⁷ Улта — это тот же этлык, но сделанный из тонких веревок и снабженный удочками из рыбьей кости. Улта служила для ловли сельди.

⁷⁸ Сандов относится к числу метательных орудий лова. Он состоял из железного наконечника с четырьмя зубьями и втулкой, в которую вставлялся шест, служивший для метания. К втулке было приделано кольцо, за которое привязывалась веревка длиной 15—17 аршин, другой конец которой прикреплялся к лодке.

⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 672, л. 71.

⁸⁰ ЦГИАЛ СССР, ф. 398, оп. 73, д. 29 735, л. 282.

ловная волость в Мангышлакском уезде, население которой составляли казахи и туркмены, отделившиеся от кочевого общества и перешедшие к новой форме хозяйства — морскому рыболовству.

Наиболее крупными становищами казахских рыболовов на Бузачинском побережье являлись копани Каражан, Куршганак, Таней, пролив Теренозек, Ортаеспе, Карагач, Аузеспе, Джандаур и др. Жили они полуоседло, во временных жилищах (в кибитках, глинобитных сараях, камышовых шалашах, в землянках из глины, покрытых морской травой и камышом), поскольку они были сезонными рабочими⁸¹.

Позднее в состав Рыболовной волости была включена территория, примыкающая к Тюбкараганскому заливу. Эта волость, объединявшая рыболовов от островов Долгих до залива Кендерли, насчитывала в 1906—1911 гг. до 722 семей ловцов: 138 туркменских и 584 казахских⁸². Сюда не входят казахи, работавшие у промышленников и торговцев русских сел (они жили в пос. Карабукиджи у Слободки форта Александровского.— М. Т.), а также рыболовы из кочевых волостей Мангышлакского и Красноводского уездов.

Живя и работая рядом с русскими, казахи и туркмены перенимали их опыт лова, изготовления рыболовного снаряжения. Посетивший в 1897 г. рыбные промыслы восточного берега Каспия Д. Ливкин писал: «Киргизы-джатаки первоначально поступают рабочими к русским станицы Николаевской, на острове Малом Долгом, а затем, познакомившись со способом лова, работают самостоятельно»⁸³.

О положении казахов Рыболовной волости можно судить лишь по «поименным спискам лодководладельцев». Так, в 1903 г. 230 лодок (без местности Караган) были распределены между ловцами так: 206 семей имели по одной лодке, 12— по 2 лодки. А в 1915 г. 393 лодки были распределены между семьями так: по одной лодке имели 283 семьи, по 2—41, по 3—8, 4—1 семья⁸⁴.

⁸¹ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. Спб., 1902, с. 66.

⁸² ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 917, л. 330—351; д. 740, л. 7—12.

⁸³ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел... с. 68.

⁸⁴ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 1050, л. 5—9, 13—18, 22—25, 38—39.

Масса рыбаков были бедными, не имели ни лодки, ни скота. В конце XIX в. за ними числились большие задолженности по кибиточной подати (более 33 тыс. руб.) и по взятым у рыбопромышленников ссудам (от 100 до 300 руб. за каждой семьей) ⁸⁵.

В промысловое рыболовство главным образом втягивались все новые группы кочевников-скотоводов из Бузачинской, Туркмен-Адаевской, Раимбердинской и Туркменской волостей. Так, в 1905 г. в первых трех волостях рыболовством занималось 223 семьи, они имели 235 бударок и подчалок, 6 больших кусовых лодок, 1720 красноловных аханов, 9320 селедочных сетей и 80 этлыков (кармаков). Улов этих волостей составлял 1460 пудов красной рыбы и еще 40 тыс. рыб штуками (т. е. очень крупные.— М. Т.), 328 тыс. шт. сельди. Свой улов рыбаки сбывали самостоятельно в Астрахани. В Туркменской волости рыболовством занималось 1153 человека, из них 333 являлись хозяевами 512 лодок. Они имели 13 800 удочек, 1895 концов ставных селедочных сетей. Улов их составил 15 500 шт. красной рыбы (белуги) и 31 тыс. шт. сельди. Весь улов продавался на месте и в форте Александровском ⁸⁶. Из 66 временных ватаг, расположенных на южной косе острова Кулалы (14), на туркменском берегу (32) и на берегу полуострова Бузачи (20), 42 принадлежало казахам и туркменам, остальные — русским промышленникам.

Рыболовством стали заниматься даже богатые скотоводы и торговцы. Они располагали большим числом снастей и лодок, промышляли не только сельдь, но и красную рыбу, самостоятельно сбывали улов в Астрахань. На их промыслах широко применялся труд бедных сородичей и наемных рабочих. Источники свидетельствуют, что у торговца Худайбергена Сенбаева во время шторма утонула большая лодка с 4 рабочими-казахами из разных волостей Мангышлакского уезда. На бударке рыбопромышленника аула Бектемис Косбая Косбармакова рабочими были Джунус и Юсуп Шалабаевы ⁸⁷.

⁸⁵ Там же, д. 740, л. 7—12.

⁸⁶ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 716, л. 47, 95.

⁸⁷ Там же, д. 663, л. 91, 137, 153—155.

Крупные рыбопромышленники приобретали билеты на лов красной рыбы. Так, из «Книги выдачи промысловых билетов» видно, что в 1889 г. 21 казах и 3 туркмена из названных выше волостей и Слободки форта Александровского купили билеты по самой дорогой цене (56 р. 74 к.) на право лова красной рыбы в весеннюю и осеннюю путину. Кроме того, они же располагали свидетельствами, разрешающими пользоваться большими (стойчными) и малыми лодками. Часть из них имела промысловые заведения, занималась боем тюленей⁸⁸.

Как было указано, основной рабочей силой на промыслах были обедневшие казахи-адаевцы, туркмены, русские, калмыки и др. Преобладающей формой эксплуатации трудящихся с самого начала возникновения промыслов была подрядная система, которая с некоторыми изменениями существовала почти до самой Октябрьской революции. Сущность этой системы состояла в том, что рыбопромышленники (торговцы, купцы и др.), нанимая на промыслы рабочих, отоваривали в кредит их будущий улов; но кредит открывали не отдельным ловцам или даже артелям ловцов, а их посредникам — подрядчикам. Смотритель рыболовного участка Н. Казанчиев писал: «Ватажники не имеют дела непосредственно с ловцами, а дают задатки деньгами, материалом особым подрядчикам, а эти последние рядят от себя ловцов, давая им тоже в свою очередь задатки. Ватажники делают цену на товар с подрядчиками, а эти с ловцами; причем подрядчики, сдавая ватажнику рыбу, почти всегда получают прибыль от 30 до 40 коп. за пуд тела красной рыбы и от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. на пуд икры»⁸⁹. Подрядчиками обычно выступали туркмены или казахи, имеющие орудия и средства лова (лодки, снасти). По числу своих лодок они набирали нужное количество рабочих-ловцов, сбивали артели, следили за работой ловцов, получали от рыбопромышленников в счет будущего улова задатки (продукты питания, промышленные товары, а позже и деньги).

⁸⁸ Там же, д. 979, л. 77—84; д. 209, л. 22—27, 37—39; д. 917, л. 342; д. 971, л. 30.

⁸⁹ Казанчиев Н. Рыболовство по восточному побережью Каспийского моря.— «Вестник рыбопромышленности», 1896, № 6, с. 343; Обзор Закаспийской области за 1911 г. Асхабад, 1912, с. 141.

Условия кредита были кабальными. Подрядчик не имел права продавать из своего улова на сторону даже часть рыбы. Полученную в кредит сумму он должен был возратить только уловом. Если подрядчик не сдавал рыбу в счет договора, кредитор взыскивал с него кроме долга неустойку, равную сумме долга⁹⁰.

Артели как туркменские, так и казахские, состояли в основном из бедняков, не имевших никаких орудий лова.

Члены артели подвергались жестокой эксплуатации. Путем подряда рыбопромышленники прикрепляли к своим промыслам нужное себе количество ловцов. Все рабочие, нанятые на тот или иной вид лова, все подрядные ловцы, вплоть до одиночных сетчиков, ловивших на побережье, получали пай от улова. Эта выгодная для промышленников форма найма была придумана ими для того, чтобы в случае плохого улова не платить ловцам ничего. Степень эксплуатации зависела от имущественного положения ловцов: чем они были беднее, тем сильнее зависели от собственника. Особенно тяжелым было положение тоневого рабочего. «Труд неводного рабочего — крайне тяжелый, — писал один из прогрессивно настроенных врачей, обслуживавший рыбные промыслы в конце XIX в. Н. Я. Шмидт, — и если нет недостатка в предложении такого труда, то велика должна быть нужда, заставляющая человека уподобляться в этой работе животному, превращаться в каторжника, весь грех которого в том, что он не имеет достаточного хлеба»⁹¹.

Еще более жестокой эксплуатации подвергались рабочие-ловцы, тоже пользующиеся инвентарем промышленника. Их улов делился на три пая⁹², два из которых шли хозяину⁹³, а один делился поровну между ловцами. По условиям подряда все рабочие и ловцы свои

⁹⁰ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад, 1892, с. 145.

⁹¹ Революционное движение в Астрахани и Астраханской губернии в 1905—1907 гг. Сб. докл. и мат. Астрахань, 1957, с. 10.

⁹² Рыбный и тюлений промысел на Мангышлаке. — «Закаспийское обозрение», 1903, № 115.

⁹³ О рыбном промысле восточного берега Каспия. — «Астраханский вестник», 1896, № 2158.

пай улова сдавали рыбопромышленнику, цена за который, как правило, была наполовину ниже той, по которой принимали улов от свободных ловцов.

Подрядная система на восточном берегу Каспия носила особенно хищнический характер, что неоднократно подчеркивалось самими колониальными чиновниками. Тот же Н. Казанчиев писал: «Подрядная система... есть абсолютное зло, во-первых, потому, что между ловцом и ватажником является совсем лишний посредник — подрядчик, а, во-вторых, ловец, получая от подрядчика денежный задаток и лодку с вооружением, является просто наемным батраком его. ...Такого подряда не придумали даже астраханские промышленники, хотя они далеко не славут за добродетельных»⁹⁴.

Многие подрядчики постепенно так окрепли, что все местные рыбаки оказались в их власти. Они стали владельцами большого количества лодок и снастей, нанимали много ловцов-рабочих, принимали весь улов своей артели по заниженным ценам, брали от рыбопромышленников большие задатки, а при сдаче улова-паев рабочих получали так называемые комиссионные от 1000 шт. воблы — 40 коп., с такого же количества сазана — 4 руб. Полученные посредниками в 1911 г. комиссионные составляли 24 000 руб.⁹⁵

Подрядная система, соединяясь с артельной формой лова, привела к полному закабалению местных ловцов как рыбопромышленниками, так и посредниками, она укореняла отсталые крепостнические отношения, тормозила внедрение капиталистических отношений. Но, надо сказать, что такая кабальная система эксплуатации существовала в основном на восточном берегу Каспия.

В грабеже рабочих и ловцов не отставали от промышленников и подрядчики, которые полученные товары выдавали им по повышенным ценам. «Кредиты рыболовными материалами и предметами потребления являются наиболее выгодными для ловцов, так как за все, что выдается ловцу: материал для сетей, ремонта лодок и др., а также на хлеб, чай, сахар, масло, дрова,

⁹⁴ Казанчиев Н. Рыболовство на восточном побережье Каспийского моря. — «Вестник рыбопромышленности», 1896, № 6, с. 343—344.

⁹⁵ Обзор Закаспийской области за 1911 г. Асхабад, 1912, с. 202.

керосин — взимается подрядчиком от 20 до 40% прибыли»⁹⁶. Выдаваемые промышленниками снасти зачастую были изношенные, продукты питания — самого низкого сорта, испорченные. Д. Ливкин писал: «Рыболовам-туркменам сбывали слежавшуюся, с червями муку, от потребления которой люди умирали, всякую товарную шваль по весьма высокой цене»⁹⁷.

Рыбопромышленники и подрядчики жестоко эксплуатировали рабочих рыбных промыслов. Они буквально обирали их.

При приеме людей на работу и установлении им платы рыбопромышленники учитывали их национальную принадлежность. Труд представителей различных национальностей, выполнявших даже одну и ту же работу, оплачивался по-разному. Выше вознаграждался труд русских рабочих, затем калмыцких и только потом казахских. Это явление ярко отражает самую основу, социальную сущность царизма. Пренебрежение к представителям местной национальности, противопоставление рабочих одной национальности другой с целью разъединения и ослабления их сопротивления произволу хозяев и властей полностью соответствовало колонизаторским целям, всей политике самодержавия.

Дешево ценился труд женщин, работавших на промыслах главным образом на засолке и уборке рыбы (воблы, сельди), низальщицами. Поскольку работали они сдельно и дневной нормой была обработка 1000 шт. рыб, то их называли тысячниками. За всю путину (с 1 марта по 20 мая), за 80 дней при ежедневной работе 11 и более часов им платили 18 руб.⁹⁸, т. е. по 25 коп. в день, а подросткам — 13 коп., в то время как мужчины получали от 30 до 70 коп. Труд женщин был настолько тяжелым и изнурительным, что те, кто нанялся на месяц, несмотря на страшную нужду, как правило, не выдерживали до конца срока, из-за чего состав рабочих-женщин был непостоянным и они не включались в общее число даже срочных рабочих.

Основными рабочими на зимнем подледном лове в

⁹⁶ Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 гг. Астрахань, 1901, с. 48.

⁹⁷ Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел... с. 59.

⁹⁸ Отчет и Краткий обзор за 1909 г. Астрахань, 1911, с. 78.

районе островов Долгих были казахи. «Киргизы работали главным образом на зимнем аханном рыболовстве. ... Рабочим-киргизам платили 20 руб. (за 3—4 месяца.— *М. Т.*), им в счет этого дают пшеничной муки на артель для бламыка (затирухи), кусок сала и хлеба. Это все довольствие. За такую ничтожную плату идут только киргизы, а русские не идут»⁹⁹.

В селе Долгом русские годовые рабочие жили в казармах, где бытовые условия были сравнительно сносными, а казахи обитали в рыбосольных помещениях, в которых зачастую отсутствовали полы. У Тюбкараганского залива, на Красноводском участке промысловые рабочие-казахи жили в юртах.

Рабочим приходилось и трудиться в антисанитарных условиях. Все, кто имел дело с сырой рыбой, постоянно находились среди луж крови, грязи; руки и ноги у них всегда были мокрыми. Лари, чаны, где производилась солка рыбы, никогда не мылись. Близ ватаг валялись внутренности рыбы и всевозможные отбросы, которые разлагались, издавая страшную вонь, заражали воздух, открытые водоемы и подпочвенные воды¹⁰⁰. В заливе Гасанкули десятки ватаг стояли на воде, на сваях. Здесь различные отбросы вываливались прямо в воду. Из-за мелководья и отсутствия течения они здесь и гнили, образуя под дощатыми настилами слои зловонного ила. Кое-как сложенные из камыша ватаги были всегда в аварийном состоянии и являлись источниками инфекций. В невероятно антисанитарном состоянии содержались ватаги по берегу моря между Кумуштёпе и Ходжанефесом. Здесь из-за недостатка рабочих рук и транспорта во время путины рыба портилась и ее тут же сваливали в воду. При жаре выброшенная рыба разлагалась, вследствие чего были массовые заболевания рыбацкого населения. Туркмены, жившие здесь, вынуждены были уходить в пределы Красноводска¹⁰¹.

⁹⁹ *Юдин А.* Заметки по поводу статьи «Киргизы-работники на морских рыболовствах». — «Уральские войсковые ведомости», 1870, № 10.

¹⁰⁰ *Варенцов П. А.* Мыс Тарта и незавидное положение рабочих-рыбаков. — «Закаспийское обозрение», 1900, № 206.

¹⁰¹ *Попов Е.* Очерки рыболовства у туркмен Закаспийского края. — «Астраханский вестник», 1889, № 120.

Естественно, что рабочие страдали от недомогания, тошноты, головокружений, обмороков. Нередки были случаи смерти от отравления и болезней.

Тяжелым был труд на зимнем лове рыбы и бое тюленя. Особенно страдали рабочие на зимнем тюленьем бое. Бой проводился на глубоких местах, на подвижном льду у морской закраины. Работа была опасная, требовавшая напряжения физических и моральных сил. Отраженный льдом солнечный свет вызывал острое заболевание глаз. На бой тюленя нанимали самых отважных и опытных. Рабочие не знали отдыха ни днем, ни ночью. Были нередки случаи, когда ветер разбивал лед и уносил людей и лодки в открытое море. Невыносимые условия работы, быта, отсутствие медицинской помощи приводили к массовой гибели рабочих, и особенно их детей.

Таким образом, российский капитал, развиваясь вширь, в последней четверти XIX в. проник в богатые промысловой рыбой восточные берега Каспия и развернул там бурную деятельность, используя дешевую рабочую силу. Разраставшиеся на основе кредита и беспощадной эксплуатации рабочих и рыбаков рыбные промыслы не вышли за рамки простой кооперации и торгово-ростовщической формы эксплуатации. Они, однако, являются прогрессивным явлением в производственной жизни населения этого региона, знавшего издавна в основном однотипное натуральное хозяйство — экстенсивное скотоводческое.

Заметно втянулись в рыбные промыслы обедневшие казахские и туркменские скотоводы, из которых впоследствии сформировался национальный рабочий класс.

Торговые отношения

Мангышлак давно интересовал Россию и как рынок сбыта промышленной продукции, и как источник сырья для нее. В 80—90-х гг. XIX в. на полуостров стали переселяться купцы из Астрахани, Баку, которые наряду с торговлей занимались еще и рыбными промыслами. Согласно «Книге выдачи промысловых и сословно купеческих свидетельств» в 1900 г. на Мангышлаке было 92 торговца. Они имели 64 лавки и 35 товарных скла-

дов. Среди них крупных торговцев было 30: русских — 8, армян — 10, туркмен — 7, прочих ¹⁰²—5. Крупных торговцев-казахов не было. Тех, кто занимался мелочной торговлей, насчитывалось 40 человек. В 1900 г. за промысловые свидетельства торговцами внесено в государственную кассу 3221 рубль. Астраханский купец 3-й гильдии И. Смирнов имел ежегодный торговый оборот около 40 тыс. рублей. Из поселенцев станицы Николаевской, Слободки форта Александровского, позднее села Долгого, сочетавших меновую торговлю среди местного населения с рыбными промыслами, впоследствии выделились такие крупные торговцы-рыбопромышленники, как З. Дубский со своими братьями и сыновьями, С. Афанасьев, С. Климов, Ф. Шараев, Г. Лбов и др. Длительное время здесь торговали и занимались рыбными промыслами астраханские купцы Г. Франгулов, братья Е. и М. Челябиновы, М. Ериванцев, И. Аваков и др.

Пришлые торговцы, как правило, нанимали приказчиков из местного населения. Впоследствии из них выделялись торговцы-казахи. В форте Александровском в 1897 г. было 15 казахов-торговцев, 4 из них имели по одной мясной лавке. В 1900 г. уже 42 человека владели 16 торговыми лавками ¹⁰³. Казахи торговали главным образом на местах товарами, взятыми на комиссию у крупных торговцев форта. Эти первые торговцы являлись представителями нарождающейся национальной торговой буржуазии. Нет сомнения, что приказчики располагали в той или иной степени имуществом, так как товары для торговли отпускались только при наличии у казаха удостоверения, заверенного аульным старшиной, волостным управителем и уездным начальником, о размере у него движимого и недвижимого имущества. Так, в удостоверении, выданном казахам аула Кыдырча Раимбердинской волости Муруну и Сарсену Кубейтаевым и Шоре Абдалову сказано, что они «имеют скот и денег на 10 тыс. рублей» ¹⁰⁴. В архиве сохранилось

¹⁰² ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 640, л. 1—18. Кроме этих торговцев, приписанных в уезд, были и другие, о которых будет сказано ниже. Все состоятельные поселяне имели при своем доме склады с товарами, которые шли на контрактацию рабочих.

¹⁰³ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 640, л. 1—18.

¹⁰⁴ Там же, д. 683, л. 19.

заявление Ибрая Джанабаева, приказчика при торговом предприятии 2-го разряда (из аула Кунанурус Туркмен-Адаевской волости), в котором он просит дать «удостоверение, свидетельствующее, что он имеет скота на сумму 200 рублей»¹⁰⁵.

Нужно полагать, что сумма отпускаемого в долг товара зависела от количества имевшегося у приказчика имущества и скота. Так, Ермек Есенгараев из аула Олджачи-Бокен Первой Бузачинской волости, торговавший мелочными товарами, получил 14 июля 1889 г. от астраханского мещанина А. Г. Атанасова, торговавшего в Слободке Александровского форта, товаров на сумму 1265 руб., обязуясь уплатить его стоимость и причитающиеся проценты (6) через год¹⁰⁶. Приведенный пример показывает, какую большую прибыль получал хозяин товаров. Однако не эти проценты, а постоянные высокие цены на отпускаемые товары и низкие на покупаемое сырье, скот являлись главными источниками обогащения торговцев. Например, 8 ноября 1889 г. М. Камысбаев получил от А. Саградарова товаров на 2000 руб. с обязательством уплатить их стоимость верблюжьей и бараньей шерстью по цене, существующей в форте Александровском¹⁰⁷. В оговорке «по цене, существующей в форте,» заключен весь смысл сделки. У торговцев Слободки форта Александровского со времени образования там поселения (50-е гг. XIX в.) существовали свои монопольные цены. Если вне полуострова цены на лошадей и верблюдов с 1892 по 1909 гг. колебались соответственно от 40 до 120, от 60 до 120 руб., то на полуострове они составили в среднем 17—22 руб.¹⁰⁸ Так же низко оценивалось все животноводческое сырье.

Торговцы форта Александровского, особенно купцы-кавказцы, буквально грабили адаевцев. В свое время они оказали немалое содействие царизму, сопровождая царские войска, наступавшие на Среднеазиатские ханства. С захватом этих ханств и образованием Туркестанского генерал-губернаторства колонизаторы

¹⁰⁵ Там же, л. 29.

¹⁰⁶ Там же, оп. 1, доп., д. 38, л. 4—11.

¹⁰⁷ Там же, д. 401, л. 2.

¹⁰⁸ Там же, л. 176; д. 971, л. 172—177.

приняли меры для обеспечения господства в экономической жизни Туркестанского края русских торговцев. Выходцы из Кавказа были вытеснены на Мангышлак, где им была предоставлена полная свобода деятельности. И они с лихвой компенсировали утраченные доходные места, беспощадно эксплуатируя казахское население. Адаевцы нуждались главным образом в деньгах для уплаты с каждым годом все более и более увеличивающихся налогов. Крупные торговцы ссужали деньгами или отпускали товар в кредит под большие проценты. Часто казахи не могли погасить свой долг вовремя, что еще больше их закабаляло. «Многие разорившиеся, благодаря ростовщикам, голодающие киргизы,— сообщается в одном из источников того времени,— всецело отдают заработки им (ростовщикам.— М. Т.), хотя отлично знают, что никогда не выплатят своих долгов потому, что в то время как они платят, растут проценты»¹⁰⁹.

Кабальная задолженность казахов-скотоводов и рыбаков становилась на Мангышлаке повсеместной. К 80—90-м гг. она стала превышать всякие возможности их погашения. Участились судебные процессы. Начальник области, уезда и их помощники, облеченные властью мирового судьи, и местные народные суды выносили решения о принудительном взыскании долгов путем конфискации и продажи с торгов имущества и скота казахов. Так, в конце 1889 г. кавказские торговцы-купцы 2-й гильдии О. Осипов, К. Фараджев, Рахман и Писах Рабаевы, Александр и Даниил Анисимовы и другие через своего уполномоченного, полковника в отставке Г. Л. Иванова, предъявили казахам Мангышлака долговой иск на 70 тыс. руб.¹¹⁰ По условию казахи были обязаны погасить свой долг частью деньгами, а частью скотом и сырьем. Однако, по заявлению волостных управителей, должники не имели ничего, кроме верблюдов и лошадей. На суде биев, где рассматривалось это дело, Иванов согласился принимать в счет долга крупный и мелкий скот: По распоряжению уездного начальника Фомина, специально посланные им в степь джигиты-всадники отобрали у казахов крупный скот и погнали

¹⁰⁹ «Астраханский вестник», 1895, № 1931.

¹¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1 доп., д. 348, л. 62.

его в форт. Но тут выяснилось, что продавать скот некому. Казахи пожаловались начальнику Закаспийской области Куропаткину, который потребовал от Фомина «остановить насильственную продажу скота киргизов»¹¹¹. В то же время он советовал ему «не разорять население» и «не требовать непременно уплаты всех долгов к весне...», что «необходимо оградить от насильственной продажи скота тех из киргизов, кои имеют скота только строго ограниченное число, потребное для ведения хозяйства и где продажа этого скота сделает их неспособными к уплате податей...».

«Сколько мне известно,— писал он,— кавказцы Мангышлака уже давно эксплуатируют население и давно вернули с процентами затраченные ими суммы»¹¹².

Позднее, по распоряжению Куропаткина, все кавказские купцы были высланы из пределов Мангышлака «за эксплуатацию киргизского населения и рыбаков». Спустя несколько лет братья А. и И. Анисимовы попытались возвратиться на полуостров, но в Туркестанском крае и Военном министерстве им в этом отказали¹¹³. Однако взыскание долгов продолжалось. По решению уездного начальника в 1891 г. и в 1893 г. в пользу А. Анисимова, Р. Бабаева, О. Осипова было взыскано с казахов и туркмен (всего 46 чел.) 15 159 р. 41 к.¹¹⁴ В 1898 г. в народном суде было рассмотрено 95 гражданских дел, а в мировом — 125. В 1907 г. только в народном суде было рассмотрено одних дел «по долговым искам» — 1118, что почти в три раза превышает число всех остальных рассмотренных гражданских дел¹¹⁵.

Несмотря на это, торговля на Мангышлаке продолжала развиваться. Об этом свидетельствуют данные (в рублях) о торговле в Александровском форте¹¹⁶:

¹¹¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1 доп., д. 348, л. 57.

¹¹² Там же, л. 55.

¹¹³ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 513, л. 142.

¹¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1 доп., д. 348, л. 23, 85—87; д. 349, л. 2—3, 23—26, 36—41, 43.

¹¹⁵ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7805, л. 242; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 971, л. 182.

¹¹⁶ Там же, ф. 85, д. 53, л. 1—2, 25—26, 35; ф. 40, оп. 1, д. 530, л. 16; Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6. Тифлис, 1872; ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, л. 692; Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад, 1892, с. 179.

Годы	Ввоз	Вывоз	Годовой оборот
1871	260 500	265 427	525 927
1883	199 815	170 180	369 995
1891	333 751	227 550	561 301
1896	158 509	273 148	431 657
1899	274 373	456 376	730 749

Как видно, товарооборот в 80—90-х гг. возрастает интенсивно, но неравномерно. Эти колебания, вероятно, связаны с сокращением ввоза хлеба из России и вывоза сырья с Мангышлака вследствие неурожая, эпидемии и джутов. С 1897г. товарооборот снова увеличивается.

Как известно, адаевцы Мангышлакского уезда издавна вели меновую торговлю не только с Россией, но и с Хивинским ханством, а с 70-х гг. XIX в. каждое лето в районе их летовок устраивалась Уильская ярмарка. Значительную роль стал играть г. Красноводск, расположенный в районе кочевков на юге Мангышлака. Но учет торговли стал проводиться только в последние годы XIX в. В обязанность волостных управителей вменялось ежегодно представлять в уездные управления сведения о продаже скота, сырья, а также о покупке казаками Мангышлакского уезда промышленных товаров и хлеба с указанием общей суммы их стоимости. Товарооборот Мангышлака с каждым годом возрастал. Так, 1899 г. он составил 295 222 руб., а в 1905 г.—478 250 руб.¹¹⁷

Выручку от продажи казахи расходовали на приобретение хлеба, промышленных товаров и на уплату кибиточной подати, что в 1899 г. составило 319 266 рублей¹¹⁸, в 1905 г.—724 194 руб.¹¹⁹

Потребление населением хлеба в 1905 г. по сравнению с 1899 г. возросло почти в 2 раза¹²⁰, промышленных товаров более чем в 3 раза, сумма уплаченных налогов выросла более чем на 7 тыс. руб.

¹¹⁷ См.: ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, л. 680, 684, 695—696, 928; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 716, л. 41, 56, 69, 121, 135—136, 153, 156, 163.

¹¹⁸ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, т. 3, л. 663—678.

¹¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 616, л. 43, 58, 71, 88, 89, 122, 137—138, 157, 158, 168.

¹²⁰ По данным уездной администрации, не менее 50 тыс. казахов и туркмен Мангышлакского уезда питалось хлебом.

В 1905 г. населением Мангышлака было приобретено товаров на 157 614 руб. больше суммы всей выручки от продажи скота и сырья. Разницу составили хлеб и товары, взятые под долговые обязательства, выданные рыбопромышленниками в счет будущего улова рабочим рыбакам и государством в виде ссуды беднякам.

Постепенно Александровский форт¹²¹ превращается не только в административно-политический, но и торговый центр России на Мангышлаке.

Рыба и рыбные продукты, кожа, шерсть, сало вывозились с Мангышлака в Астрахань, оттуда по Волге отправлялись в Царицын, в Нижний Новгород, Москву и другие города Центральной России и на западный берег Каспия, в Петровск. Кожа шла в Нижний Новгород, Красноводск; живой скот — в Астрахань, Баку; шерстяные изделия — в Нижний Новгород; кошмы и тулени — в Астрахань. Икра красной рыбы, баранье сало шли на экспорт.

Насколько выросла торговля адаевцев со своими соседями, можно судить по количеству верблюдов, составляющих торговые караваны. В 1883 г. торговый караван, отправленный в Хиву за хлебом, состоял из 14 205 вьючных верблюдов, а в 1889 г. уже из 20 000. Если в 80-х гг. с Мангышлака ежегодно отправлялся за товарами в Уральскую область караван из 700 верблюдов, то в 1899 г. число их доходило до 12 620. В том же году в Красноводск был отправлен караван из 785 верблюдов. А в начале XX в. число верблюдов в торговых караванах увеличивается почти в 2,5 раза, т. е. доходит до 36 414¹²². Внешние торговые связи Мангышлака в тот период были довольно значительными, причем роль Хивы в торговом обороте адаевцев падает, а на Уильской ярмарке и в Красноводске с каждым годом растет.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. Мангышлак становится важнейшим источником сельскохозяйственного сырья и скота для Центральной России.

¹²¹ Он преобразован в 1874 г. в город, о чем сообщено в ПСЗ, за № 53253 (ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 613, л. 23).

¹²² ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 716, л. 61, 112, 140 с об., 160, 187.

Характерно, что в числе предметов вывоза из года в год возрастал удельный вес готовых изделий и полуфабрикатов из животноводческого сырья. Уменьшился вывоз шерсти, овчины, пуха и увеличился вывоз кошм, выделанной кожи, овчинных, козлиных шуб, армяков, шарфов, перчаток из пуха. Это свидетельствует об интенсивном развитии на Мангышлаке домашнего ремесла и связи хозяйства казахов с рынком, о развитии товарно-денежных отношений.

Русские, кавказские, татарские купцы устремлялись на Мангышлак не напрасно. Они отлично видели прибыльность торговли в этом еще не освоенном уголке. Прежде всего их привлекала полная бесконтрольность в торговле. Товары доставлялись сюда низкосортные. Если это была мука, то главным образом ржаная или пшеничная 2-го и 3-го сорта. Тоже самое следует сказать и о чае, мануфактуре, галантерее и кожтоварах. Именно сюда везли все, что не находило сбыта, залеживалось годами в Астрахани, Баку, Петровске. Купцы знали, что в степи эти товары купят, так как население нуждалось в них.

Все еще господствовала ростовщическая форма товарообмена, являвшаяся тормозом в развитии производительных сил края. Торговцы постепенно закабаляли хозяйства казахов-адаевцев, главным образом через раздачу хлеба, денег и товаров в кредит за большие проценты. При этом, как правило, посредником между продавцом и покупателем выступала адаевская феодальная верхушка. «Торговля со стороны киргизов (адаевцев.— М. Т.) ведется редко отдельными лицами, большей частью покупают и продают сардары (старшины.— М. Т.), почетные лица — аксакалы»¹²³. Посредничество казахских феодалов в торговле не было бескорыстным. За поручительство о своевременной уплате сородичами за взятые в кредит товары они получали вознаграждение от торговцев. А раздавалось в кредит довольно значительное количество товаров. Так, из товаров, проданных в течение трех месяцев 1872 г. на 27 308 руб., в кредит отпущено на 17 736 руб.¹²⁴

¹²³ «Уральские войсковые ведомости», 1870, № 3, с. 7.

¹²⁴ ЦГА КазССР, ф. 85, оп. 1, д. 954, л. 25—26.

Адаевцы Мангышлака являлись основными покупателями хлеба на Уильской ярмарке, а также в Красноводске и Хиве. Однако создать достаточные запасы зерна на зиму могла только зажиточная часть населения, беднота же не имела для этого средств. А между тем именно у нее хлеб становился основным продуктом питания. Рыбопромышленники и торговцы учитывали это. Они завозили большое количество хлеба и раздавали его в кредит. Только за 1898 г. казахским и туркменским рыболовам Мангышлакского уезда было роздано рыбопромышленниками-торговцами З. Дубским, С. Афанасьевым, Ф. Шараевым, М. Аваковым, С. Климовым под улов рыбы 10 535 пудов зерна, в том числе 9210 пудов ржаной муки, 777 пшеничной 2-го и 3-го сорта и 550 пудов желтого пшена¹²⁵. В 1899 г. хлеба было роздано в долг 4170 пудов¹²⁶.

С 80-х гг. XIX в. в торговле с местным населением происходят некоторые изменения. Дело в том, что одной из задач царского правительства на восточном берегу Каспия было усиление торговых связей России с местным населением полуострова и получение прибыли в виде торговой пошлины. Но при таком порядке, когда торговцы форта сами вывозили и продавали товары в степи по своему усмотрению, нельзя было обеспечить ни поступления пошлины, ни наладить учет торговли. Поэтому, чтобы ограничить вывоз товаров в степь и сделать форт Александровский центром торговли, уездное управление потребовало от желающих торговать заявки с указанием наименования товаров и цен. Если цены были приемлемы, то торговцам выдавались билеты-патенты, а об установленных ценах сообщалось волостным управителям для контроля. Это вызвало недовольство со стороны купцов: они отказывались везти товары в «глубинку». Очевидно, этим и объясняется прекращение торговли непосредственно в кочевьях адаевцев и сосредоточение ее в форте Александровском. В 1898 г. зарегистрировано всего два случая доставки товаров в степь¹²⁷.

¹²⁵ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7805, с. 171—173.

¹²⁶ Там же, д. 7806, т. 3, с. 967.

¹²⁷ ЦГА ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 7806, т. 3, с. 165.

По-видимому, с этим связано и появление на Мангышлаке так называемого маклачества, т. е. торгового посредничества между продавцом и покупателем. Еще в 70-х гг. маклаки с мелкими фабрично-заводскими товарами разъезжали по аулам и меняли их на ценное сельскохозяйственное сырье (шерсть, разные кожи, меха, конские гривы, хвосты и т. д.), которое сдавали крупным торговцам, имевшим большие торговые связи и обороты, по более высоким ценам. Маклаки «обслуживали» не байские хозяйства, которые сбывали свое сырье самостоятельно и только в редких случаях прибегали к их помощи, а средние и маломощные. Эти посредники проводили торговые операции как раз в то время, когда связи местного населения с рынком были слабыми, когда оно еще не знало действительной ценности и стоимости своих товаров. Маклаки были очень ловкими людьми. Выходцы из местного населения, они знали жизнь казахов, язык, имели широкие связи. В силу этих преимуществ у них была определенная возможность покупать или выменивать товар весьма выгодно.

Мангышлак продолжал оставаться также транзитным пунктом торговли России с Хивинским ханством. Через форт Александровский караваны с товарами России проходили на западный берег Каспия — в Баку, Петровск, куда везли хлеб, зерно, шерстяные, шелковые изделия; в Персию — соль, керосин, бакалейные, мануфактурные товары; в Хиву — мануфактурные товары, стеклянную посуду и др. Из Хивы через Мангышлак торговые караваны везли в Астрахань кожи, хлопок, кошмы, лисьи шкуры. С постройкой Закаспийской железной дороги роль форта Александровского в транзитной торговле России с Хивой резко снизилась.

Торговля на Мангышлаке носила ярко выраженный ростовщический характер. Меновая торговля, продажа товаров в кредит и ссуды под большие проценты основательно разоряли местное население. Столь быстро развивавшаяся даже меновая торговля втягивала натуральное хозяйство казахов в товарно-денежные отношения, что является положительной стороной влияния российской торговли.

Формы борьбы трудящихся за свои интересы

Изменения в экономическом укладе адаевцев сказались на их социальной структуре. Сужение пастбищной территории, колониальное, феодальное угнетение, эксплуатация торгово-ростовщическим капиталом ускорили процесс расслоения и обнищания скотоводов. Из среды адаевских родовых общин выделилась масса бедноты, лишенной средств производства. Меньшая часть ее перешла к земледелию, рыболовству, большая, пополнив ряды джатаков, стала рыболовами, рабочими рыбных промыслов восточного берега Каспия и Астрахани, грузчиками торговцев, торговых караванов (в начале XX в. в них ежегодно участвовало до 3 тыс. человек), рабочими у торговцев-промышленников Слободки форта Александровского и других русских селений, каменотесами на заготовках ракушечника, на углесолодобыче, чернорабочими. Часть бедняков по-прежнему батрачила в хозяйствах местной знати.

Формы сопротивления трудовых масс угнетению были разнообразны. Одной из распространенных форм борьбы стала неуплата кибиточной подати, борьба за ее справедливую раскладку. Специфической формой протеста против колониального угнетения был также уход адаевцев на юг, в соседние владения. Своеобразная классовая борьба происходила из-за земли и колодцев между оседающими на летовке бедняками из разных родов Младшего жуза и адаевскими кочевыми феодалами, а также внутри самих адаевских общин. Участились традиционные формы классовой борьбы — угон скота у баев и захват их имущества. В 1888 г. было 12 случаев угона скота¹²⁸, в 1893 г. — 34. В конце XIX в. нередкими стали случаи самовольной жатвы бедняками посевов, принадлежавших богатым. Это имело место в ряде волостей, в частности во 2-й Бузачинской.

Само собой разумеется, что всякий протест со стороны трудящихся казахов жестоко подавлялся феодальной верхушкой и царской администрацией. Несмотря

¹²⁸ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. Асхабад, 1892, с. 210; Обзор Закаспийской области за 1893 г. Асхабад, 1895, с. 335.

на это, сопротивление угнетению эксплуататоров возрастало. В начале XX в. выступления трудящихся-казахов стали более частыми, активными и решительными. Зарегистрировано 367 выступлений¹²⁹. Начальник Мангышлакского уезда Ф. Михайлов в 1908 г. вынужден был признать: «Разбойничество и угон скота стали одним из наиболее болезненных и ранее не известных в жизни населения явлений... В наиболее пустынных местах уезда образовались большие разбойничьи шайки преимущественно из киргизов Уральской области (имеются в виду адаевцы Мангышлака, насильственно закрепленные в 1870 г. за Уральской областью.— М. Т.), к которым примыкают наиболее испорченные элементы из населения уезда»¹³⁰. Они образовали аулы, состоявшие из 20—30 кибиток, не подчиняясь никаким требованиям местных властей и производя грабежи по дорогам, соединяющим Мангышлакский уезд с Хивой, с Уральской областью и Красноводском, служили серьезным препятствием для торгового сообщения с этими местностями. Ввиду их многочисленности и хорошего вооружения посылка даже вооруженных отрядов из местных жителей и наемных джигитов, отправлявшихся неоднократно для их задержания, не достигали цели, так как «разбойники оказывали таковым вооруженное сопротивление»¹³¹.

Более организованной была борьба русских и казахских рабочих против эксплуататоров на рыбных промыслах. Рабочих-рыбаков на восточном берегу Каспия эксплуатировали не только рыбопромышленники и торговцы-ростовщики, но и государство. Казахи-рыболовы ежегодно, начиная с конца XIX в., платили на содержание 3 старост, за билет на право лова, подать, земский сбор, взносы на земскую почту, в ссудную кассу, жалование аульному старшине, его писарю, рассыльным — всего 174 р. 60 к. Общество рыболовов жаловалось Мангышлакскому уездному начальнику, что уплата налогов окончательно разорила их, что они на уплату всевозраставших поборов начали отдавать последний скот, со-

¹²⁹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 971, л. 182.

¹³⁰ Там же, л. 165 с об.

¹³¹ Там же.

державший их семью, и просили снять двух старост, а оставить только одного грамотного ¹³².

Рыбопромышленники, вербуя в Астрахани рабочих-рыбаков на острова восточного берега Каспия, умышленно не сообщали им условий труда и принимали все меры к тому, чтобы удержать их у себя. Так, рабочие не могли свободно переходить от одного хозяина к другому без письменного разрешения первого хозяина. С рабочими хозяева рассчитывались не деньгами, а натурой — продуктами, которые на промыслах стоили в три раза дороже, чем в других местах:

Д. Ливкин писал о господстве кулаков и их произволе в селе Малом Долгом, о жестокой эксплуатации ими как русских, так и казахов. Архивные документы свидетельствуют также о выступлениях рыбаков, в частности, против старосты Агафонова, который держал рабочих впроголодь, всячески издевался над ними, а за малейшее сопротивление оставлял без крова. Рабочие Иван Петров и Андрей Ряднов, не выдержав издевательств, потребовали расчета и выдачи паспортов. Но Агафонов им отказал. По этому поводу 20 февраля 1898 г. собрался сход рабочих, который осудил бесчинства Агафонова и вынес решение — кормить этих рабочих до весны (открытия навигации), а потом отправить их в Астрахань. Но Агафонов не выполнил решения схода. Петрова и Ряднова никто не принимал на работу, они голодали. 8 марта того же года снова собрался сход, на который пришло более 100 рабочих. Собравшиеся глубоко возмущались поведением Агафонова. Один из них, по имени Климентий, сказал: «Хозяева делают произвол, их нужно перевязать и отправить на Мангышлак, кто будет хардыбачить, того набьем». Рабочие требовали Агафонова, но он спрятался. Участники схода кричали: «Хозяева будут без хлеба, а мы будем с хлебом» ¹³³. Сход подтвердил свое прежнее решение. Староста Мырсинов и Агафонов подали на рабочих в Мангышлакский мировой суд, который 17 апреля 1898 г. вынес решение: «За нарушение общественной тишины и спокойствия и буйства в публичном месте под-

¹³² ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 2 доп., д. 33, л. 72—74.

¹³³ Там же, д. 40, л. 3—7.

вергнуть аресту на 7 суток 6 рабочих, в том числе Ивана Петрова и Андрея Ряднова»¹³⁴. Как видим, рабочие не только не добились справедливости, но еще были наказаны за то, что боролись за свои права.

Выступления русских рабочих против эксплуататоров способствовали росту классового сознания казахских рабочих, которые также начинали выступать против невыносимых условий труда и быта, за увеличение платы за труд, за сокращение рабочего дня.

Смотритель Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами Добротворский, находившийся в форте Александровском, в своем отчете за 1898 г. писал: «Долгинские поселенцы (имеются ввиду рыбопромышленники.— М. Т.) нанимают в качестве рабочих-ловцов главным образом киргизов, которые, забрав задатки в качестве подрядных ловцов, отказываются от лова, скрываются, пропускают время хода, работают лениво, а при отношениях не принимают мер к спасению орудий рыбного промысла. Администрация форта Александровского не в состоянии оказать давление, так как зимой прерывается всякое с ним сообщение»¹³⁵.

Дружно выступали против своих эксплуататоров занятые на тюленьем промысле русские и казахские рабочие. В зиму 1899/1900 г. они совсем сорвали промысел тюленя. Из ежегодно выезжающих из Тюбкарагана на бой тюленя до ста лодок в этом году вышла только одна лодка, потому что не все рабочие, подряженные на промысел, явились на лодки¹³⁶. Другое донесение сообщает о результатах их борьбы за свои права: «В отчетном году (1900.— М. Т.) вышло на промысел 97 лодок... рабочих всего было 596 человек, киргизам, коим платили в прошлом году 22 руб. на сходку, в отчетном году предлагали уже 30 руб.»¹³⁷.

Этот способ борьбы (отказ ехать на лед перед самым выходом) рабочие использовали и позже, в 1906 г. и 1910 г., благодаря чему они добились повышения оплаты своего труда—50 руб. для русских и 40 руб. для

¹³⁴ Там же, л. 21.

¹³⁵ Отчет и Краткий обзор за 1898 г. Астрахань, 1899, с. 201.

¹³⁶ Отчет и Краткий обзор за 1899—1900 г. Астрахань, 1901, с. 129—134.

¹³⁷ Там же, с. 134.

казахских рабочих¹³⁸. Отказывались выходить на работу и туркменские ловцы, которых эксплуатировали еще «свои» подрядчики. Об этом старый русский рыбак Е. Попов писал: «За последнее время туркмены-подрядчики стали тоже цивилизовываться и уже были примеры, что ловцы бросали лов рыбы»¹³⁹.

Казахские и туркменские рыбаки и рабочие Мангышлакского и Красноводского морских участков неоднократно выступали против рыбопромышленников, которые, опираясь на поддержку местных властей, заняли своими тонями все удобные для рыболовства места, расположенные между Тюбкараганским и Кендерлинским заливами. Еще более активно выступали казахские подрядные ловцы и рабочие островов Долгих, Заворот, Колпинного, находившихся вдали от местной администрации.

Крупный рыбопромышленник села Долгого Шарев в 1901 г. попытался устроить тону в северной части полуострова Бузачи, в местности Заворот, но это «встретило противодействие со стороны местных киргизов (сетчиков), не допустивших постановки волокуши»¹⁴⁰.

В районе Гасанкулинского залива туркменские ловцы-бедняки в 1903—1906 гг. вместе с казахами, дружно выступив против рыбопромышленников, заставили их убрать свои промыслы. Тем самым они восстановили свое право на рыболовство на этом участке. Сплоченность и активность этих рыбаков в борьбе с промышленниками можно отнести за счет влияния революционных движений в русских городах, в частности в Астрахани, где рыбаки часто сбывали свой улов.

Часты стали случаи, когда казахи рыбных промыслов как восточного, так и северного побережий самовольно бросали работу и уходили в степь. Смотрители морских рыбных промыслов жаловались на то, что казахские ловцы по всему побережью Каспия вышли из прежнего повиновения, усилили безбилетный лов, а при

¹³⁸ Отчет и Краткий обзор за 1906 г. Асхабад, 1908, с. 63; Отчет и Краткий обзор за 1911 г. Астрахань, 1913, с. 127.

¹³⁹ Попов Е. Очерк рыболовства у туркмен Закаспийского края.— «Астраханский вестник», 1890, № 308.

¹⁴⁰ Отчет и Краткий обзор за 1901 г. Астрахань, 1902, приложение, с. 4—17.

попытке остановить это, быстро сгруппировавшись, оказывали вооруженное сопротивление.

Брожение наблюдалось и в среде солдат команды форта Александровского. В рапортах уездных начальников все чаще стало сообщаться «о сильном упадке дисциплины среди мелких служащих и солдат». «В течение октября 1881 г.,— докладывал полицейский Гандурин,— нижними чинами местной команды Александровского форта был совершен целый ряд выдающихся нарушений, а оскорбление начальства стало обычным явлением»¹⁴¹.

Таким образом, в конце XIX— начале XX в. на Мангышлаке участились случаи сопротивления народа угнетению. Более того, появились организованные выступления рабочих, что можно объяснить влиянием русского пролетариата на рост самосознания адаевцев.

¹⁴¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 7, л. 1 с об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мангышлак и Устюрт, где кочевали казахи-адаевцы, наиболее отдаленный и в значительной степени обособленный от основной части Казахстана район со специфическими природно-климатическими условиями и хозяйственно-бытовым укладом населения, во второй половине XIX в. были вовлечены в сферу экономического и общественного влияния России.

Основав два военных укрепления в 30—40-х гг. XIX в. на северо-восточном и восточном побережьях Каспийского моря, царизм значительно укрепил здесь свои позиции, что позволило ему распространить влияние и на юго-восточный берег Каспия, имевший важное военно-политическое и экономическое значение.

Казахи-адаевцы, прежде испытывавшие давление двух государств — России и Хивы, которые боролись за господство на Мангышлаке, были присоединены к России. Проведя управленческие реформы (введение Положений 1868, 1874 гг.), жестоко подавив восстания в Младшем жузе в 1869 г. и на Мангышлаке в 70-х гг., вспыхнувшие в ответ на колонизаторский произвол, царизм окончательно утвердил свое колониальное господство. Этими положениями был создан широкий простор для проникновения российского капитала на Мангышлак и экономического закабаления его населения.

Колониальная экспансия царизма и захват местной знатью пастбищ, колодцев, родников, раньше принадлежавших кочевым общинам, обложение населения, особенно трудовой его части, непосильными налогами, а

также принудительный тяжелый труд на рыбных промыслах способствовали разложению аульной общины, социальному расслоению в ней. Обедневшие семьи часто переходили к земледелию и различным отхожим промыслам (извоз, соляные промыслы), частью к рыбным и тюленьим промыслам, а также оседали в хозяйствах своих феодалов. Значительное число адаевцев вынуждено было в поисках средств уходить в более отдаленные промышленные центры, например в Астрахань, где они вливались в ряды рабочего класса России.

После того, как восточный берег Каспия был объявлен собственностью Российского государства, все до этого существовавшие мелкие рыбные промыслы местного населения были вытеснены российскими предпринимателями. Новое, колониальное освоение восточного берега осуществлялось переселением крестьян из внутренних губерний России, образованием рыбацких поселков. Дешевая местная рабочая сила и их жестокая эксплуатация в самых отсталых крепостнических формах на рыбных промыслах давали большие доходы предпринимателям, государству. Рабочие и ловцы всех национальностей — казахи, русские, туркмены, калмыки — одинаково жестоко эксплуатировались торгово-ростовщическим капиталом.

Возникновение морского промыслового рыболовства обусловило появление русского рабочего класса и крестьянства в этом отдаленном районе. Рыбные промыслы явились и местом приложения труда разорившихся казахов, местом производственной, культурно-бытовой их связи с русскими рабочими, местом формирования первых отрядов рабочих — предвестника национального рабочего класса, будущей опоры здесь всероссийского рабочего движения.

Беспощадное угнетение вызвало постоянно нарастающее недовольство среди русских и казахских рабочих рыбных промыслов, переходившее временами в открытую борьбу против эксплуататоров. В конце XIX в. на Мангышлаке начали создаваться объективные предпосылки для будущих совместных выступлений русских рабочих и казахских трудящихся в период общего революционного подъема в России начале XX в. против социального и национального угнетения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Казахи Мангышлака в предреформенный период . . .	9
Социально-экономическое положение казахов Мангыш-	
лака	9
Казахи Мангышлака и Хивинское ханство	18
Мангышлак в составе России	21
Глава II	
Реформы управления и выступления казахов Мангышлака	
в 70-х гг. XIX в.	60
Временное положение об управлении степными обла-	
стями 1868 г. и его проведение в Младшем жузе и на	
Мангышлаке	60
Причины и начало восстания на Мангышлаке . . .	74
Ход, движущие силы восстания и его подавление .	83
Выступления казахов-адаевцев в 1873 г.	108
Временное положение об управлении Закаспийским	
краем от 9 марта 1874 г.	118
Глава III	
Социально-экономическое развитие Мангышлака в послед-	
ней четверти XIX в.	130
Изменения в скотоводческом хозяйстве и земледелии	130
Возникновение и развитие рыбных промыслов на во-	
сточном берегу Каспия	141
Торговые отношения	163
Формы борьбы трудящихся за свои интересы . . .	173
Заключение	179

ИБ № 143

Турсунова Мария Сулейменовна

ҚАЗАХИ МАНГЫШЛАҚА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(Вопросы социально-экономической и политической истории)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии
и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова*

Редактор Л. Ф. Любенко
Худож. редактор А. Б. Мальцев
Оформление художника Л. И. Матвеева
Техн. редактор В. К. Горячкина
Корректор Р. А. Баяндина

* * *

Сдано в набор 14/II 1977 г. Подписано к печати 19/V 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 9,6.
Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 1800. УГ01061
Зак. 35. Цена 1 р. 19 к.

* * *

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии:
480021, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.